

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

10-12

1 9 5 3

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР,
ПРОКУРАТУРЫ СССР И ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

30-й ГОД
ИЗДАНИЯ

№ 10

ОКТАБРЬ
1 9 5 3

ПРОКУРАТУРА СССР
БИБЛИОТЕКА

1972/ч.

ИНВ. №
ЗНИИ, Криминальн.

ВСЕНАРОДНАЯ ЗАДАЧА

Постановление Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», принятое 7 сентября 1953 г. по докладу товарища Н. С. Хрущева, постановления Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС «О мерах по дальнейшему развитию животноводства в стране и снижении норм обязательных поставок продуктов животноводства государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих», «О мерах увеличения производства и заготовках картофеля и овощей в колхозах и совхозах в 1953—1955 гг.», «О мерах по дальнейшему улучшению работы машинно-тракторных станций» — документы огромного политического и экономического значения. В этих постановлениях изложена величественная программа дальнейшего развития сельского хозяйства СССР, выполнение которой явится крупным шагом нашей страны вперед по пути к коммунизму.

Постановление Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, предусматривающее крутой подъем всех отраслей сельского хозяйства и в течение двух-трех лет резкое повышение обеспеченности всего населения нашей страны продовольственными товарами и более высокий уровень материального благосостояния всей массы колхозного крестьянства, и принятые в соответствии с ним решения Партии и Правительства о дальнейшем подъеме сельского хозяйства — яркое проявление заботы Коммунистической партии и Советского правительства об удовлетворении растущих материальных и культурных потребностей рабочих, колхозников, интеллигенции, всех советских людей.

Политика партии, опирающаяся на незыблемую основу марксистско-ленинской теории, отражает потребности развития материальной жизни общества, коренные интересы народа.

Практическое разрешение задачи создания в нашей стране обилия сельскохозяйственных продуктов на базе могучего роста социалистической индустрии как ведущей силы в народном хозяйстве является важнейшей частью программы коммунистического строительства. Теперь эта задача встала перед нами как насущная всенародная задача. Успешное разрешение ее будет способствовать также дальнейшему укреплению союза рабочего класса и колхозного крестьянства.

завоеванием наших колхозов, машинно-тракторных станций, совхозов, нашего социалистического строя.

Однако уровень производства сельскохозяйственных продуктов не удовлетворяет в полной мере растущих потребностей населения в продуктах питания, а легкую и пищевую промышленность — в сырье. Этот уровень не соответствует технической оснащенности сельского хозяйства и возможностям, заложенным в колхозном строе. У нас еще немало отсталых и даже запущенных колхозов и целых сельскохозяйственных районов. Особенно неблагоприятно обстоит дело с развитием животноводства. Эта важная отрасль сельского хозяйства во многих колхозах и совхозах не стала высокопродуктивной, высокодоходной. поголовье скота за последние годы растет крайне медленно, низка его продуктивность, велики потери скота от падежа, слабо развита кормовая база, а поголовье коров в стране до сих пор не достигло довоенного уровня. Серьезно отстает производство картофеля и овощей. Значительные недостатки имеются в работе совхозов, они еще не стали образцовыми социалистическими хозяйствами.

В постановлении Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, постановлениях Совета Министров СССР и ЦК КПСС глубоко вскрыты причины недостаточного уровня сельскохозяйственного производства в целом и отставания ряда важных отраслей сельского хозяйства.

«Коммунистическая партия, — указывается в постановлении Пленума, — последовательно проводила курс на всемерное развёртывание тяжёлой индустрии, как необходимого условия успешного развития всех отраслей народного хозяйства, и добилась на этом пути крупнейших успехов. На решение этой первоочередной народнохозяйственной задачи было обращено главное внимание, сюда направлялись основные силы и средства. Делом индустриализации страны были заняты наши лучшие кадры. У нас не было возможности обеспечить одновременное развитие высокими темпами и тяжёлой индустрии, и сельского хозяйства, и лёгкой промышленности. Для этого нужно было создать необходимые предпосылки. Теперь эти предпосылки созданы. Мы имеем могучую индустриальную базу, окрепшие колхозы и подготовленные кадры во всех областях хозяйственного строительства.

Но есть и другие причины отставания ряда важных отраслей сельского хозяйства, причины, коренящиеся в недостатках нашей работы, в недостатках руководства сельским хозяйством, то есть причины, зависящие от нас самих».

К числу таких причин Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза отнес прежде всего нарушение в ряде отраслей сельского хозяйства принципа материальной заинтересованности — одного из коренных принципов социалистического хозяйствования.

Принцип материальной заинтересованности, материального стимулирования работников особенно нарушался в области животноводства. Об этом свидетельствуют расчёты, приведенные в докладе товарища Н. С. Хрущева.

Причиной отставания ряда важных отраслей сельского хозяйства является и то, что во многих колхозах допущено нарушение важнейших положений Устава сельскохозяйственной артели. Партия учит, что краеугольным камнем артельной формы хозяйства является принцип правильного сочетания общественных и личных интересов колхозников, при подчинении личных интересов общественным. Исходя из этого принципа, в Уставе сельскохозяйственной артели записано, что в колхозе наряду с главным и решающим общественным хозяйством каждого колхозному

двору предоставляется право иметь в личной собственности небольшое хозяйство. Нарушение этого принципа привело к тому, что поголовье скота, находящееся в личном хозяйстве колхозников, сократилось.

Немаловажной причиной серьезного отставания некоторых отраслей сельского хозяйства является явно неудовлетворительное использование могучей техники, которой государство оснастило и продолжает оснащать машинно-тракторные станции.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза указал и на причины отставания сельского хозяйства, зависящие от самих колхозов, от председателей и правлений колхозов, от колхозников: во многих колхозах слаба трудовая дисциплина; не все колхозники в полной мере принимают участие в колхозном производстве; не везде хорошо организован труд колхозников; имеется еще немало фактов несознательного, нерадивого отношения к общественному добру.

«Признавая положение в ряде важных отраслей сельского хозяйства неблагоприятным, — указывается в постановлении, — Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии считает необходимым и неотложным проведение ряда крупных мер, направленных на подъем отстающих отраслей сельского хозяйства, колхозов, совхозов и районов до уровня передовых, с тем, чтобы обеспечить мощный подъем всего социалистического сельского хозяйства. Задача состоит в том, чтобы в ближайшие 2—3 года в достатке удовлетворить растущие потребности населения нашей страны в продовольственных продуктах и обеспечить сырьём лёгкую и пищевую промышленность».

В целях повышения материальной заинтересованности колхозов и колхозников в росте урожайности сельскохозяйственных культур и в развитии общественного животноводства Совет Министров СССР и Центральный Комитет Коммунистической партии признали необходимым повысить заготовительные цены на продукты животноводства, на картофель и овощи.

Одновременно повышены и закупочные цены и снижены нормы обязательных поставок государству колхозниками по продукции животноводства и нормы поставок колхозами картофеля и овощей. Значительно снижены нормы обязательных поставок продуктов животноводства хозяйствами рабочих и служащих.

В результате повышения заготовительных и закупочных цен и снижения норм обязательных поставок колхозы и колхозники получают дополнительный доход в 1953 году свыше 13 млрд. руб. и в 1954 году — свыше 20 млрд. руб.

Признав, что наиболее неотложные задачи стоят в области животноводства, так как отставание здесь приобрело затяжной характер и без решительных мер нельзя быстро улучшить положение, Совет Министров СССР и Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза признали необходимым: решительно улучшить руководство развитием животноводства; подобрать постоянные хорошие кадры для работы на фермах; повысить материальную заинтересованность колхозов и колхозников в развитии общественного животноводства; принять необходимые меры по увеличению общественного поголовья скота, особенно коров, и по повышению его продуктивности.

Главная и решающая роль в дальнейшем подъеме сельского хозяйства принадлежит машинно-тракторным станциям. Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза признал необходимым создать постоянные механизаторские кадры, обладающие высокой квалификацией (для чего коренным образом перестраивается система обучения трактористов, комбайнеров и других механизаторов), укрепить

руководящие кадры МТС, повысить роль МТС в борьбе за дальнейшее развитие животноводства и многие другие мероприятия.

Совет Министров СССР и Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза выдвинули в области сельского хозяйства большие и сложные задачи. Осуществление их требует решительного улучшения руководства колхозами, МТС, совхозами со стороны Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР, Министерства совхозов СССР, местных партийных, советских и сельскохозяйственных органов. Пленум Центрального Комитета требует поднять уровень политической и организаторской работы в деревне, мобилизовать творческую активность коммунистов, комсомольцев, всех колхозников, работников МТС и совхозов, привести в движение все силы и средства социалистического сельского хозяйства, повысить ответственность наших кадров за положение дел в каждом колхозе, МТС, совхозе, в каждом районе.

Работа органов прокуратуры, суда и юстиции должна быть решительно улучшена и подчинена осуществлению величественных задач, поставленных Коммунистической партией и Советским правительством.

Решения пятой сессии Верховного Совета СССР, постановление сентябрьского Пленума Центрального Комитета КПСС, все последующие постановления Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС о дальнейшем росте экономики, культуры и благосостояния народа направлены на укрепление могущества нашей Родины, на укрепление социалистического государства. Из исторических решений Партии и Правительства вытекает и задача дальнейшего укрепления социалистической законности. Назначение Верховным Советом СССР нового Генерального Прокурора СССР свидетельствует о заботе Советского государства о дальнейшем укреплении органов прокуратуры, призванных осуществлять высший надзор за соблюдением законности в нашей стране.

Особое внимание прокурорских органов необходимо сосредоточить на работе по надзору за точным и неуклонным соблюдением Устава сельскохозяйственной артели — основного закона колхозной жизни, постановлений Партии и Правительства об организационно-хозяйственном укреплении колхозов, Закона о сельскохозяйственном налоге, принятого пятой сессией Верховного Совета СССР, постановления Совета Министров СССР и Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза «О мерах по дальнейшему развитию животноводства в стране и снижении норм обязательных поставок продуктов животноводства государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих».

Прокуроры, судьи, работники органов юстиции обязаны остро и принципиально реагировать на факты нарушений демократических основ управления делами сельскохозяйственной артели, на случаи администрирования местных органов власти колхозами, на факты разбазаривания колхозных средств и незаконного распоряжения ими, на факты неправильного привлечения к поставкам, неправильного исчисления размеров поставок, непредоставления установленных льгот по налогу и поставкам.

Органы прокуратуры сельскохозяйственных районов призваны усилить работу по надзору за соблюдением законов, направленных на развитие общественного хозяйства, в частности, общественного животноводства.

Борьба органов суда, прокуратуры и юстиции с разбазариванием скота и преступно-небрежным обращением с ним должна быть усилена.

Важное значение имеет указание Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС о мерах обеспечения колхозов и совхозов кормами, об ответственности работников, допустивших невыполнение

планов заготовки кормов, по колхозам—председателя колхоза, по группе колхозов, обслуживаемых МТС,— директора МТС, по району— председателя районного исполкома, по совхозу— директора совхоза.

Необходимо усилить борьбу с теми, кто допускает неполную норму высева семян, заведомо обрекая колхозы на низкий урожай. Как указал товарищ Н. С. Хрущев в докладе на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС, таких работников надо привлекать к строгой ответственности, решительно пресекая возмутительные факты занижения норм высева.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии обязал Министерство сельского хозяйства и заготовок СССР, местные партийные и советские органы не допускать фактов разбазаривания общественных земель и колхозного добра, принимать меры к устранению бесхозяйственного ведения дел в колхозах, добиться улучшения организации труда и повышения трудовой дисциплины, обеспечить активное участие всех колхозников в общественном производстве.

Важные и чрезвычайно ответственные задачи встают в связи с этим перед органами юстиции, суда и прокуратуры.

Пленум Центрального Комитета КПСС требует: не допускать фактов разбазаривания общественных земель и колхозного добра. Это означает, что главное наше усилие должно быть направлено на предупреждение преступлений в колхозе, на создание такой обстановки, которая бы исключала возможность совершения их, делала бы невозможными хищение или разбазаривание государственной и колхозной собственности. Отсюда, как никогда раньше, поднимается значение работы судебных и прокурорских органов по пропаганде советских законов, по предупреждению преступлений. Вот почему необходимо решительно улучшить связь работников прокуратуры, юстиции и суда с колхозами, совхозами, машинно-тракторными станциями, укрепить связь с колхозниками, рабочими и служащими.

Органы суда и прокуратуры должны принять к руководству указания Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии о необходимости повышения трудовой дисциплины в колхозах, совхозах и МТС, об особом внимании к организации ремонта и к сохранности тракторов и других сельскохозяйственных машин, о борьбе с бесхозяйственностью и преждевременным выходом машин из строя.

Суд, прокуратура, органы юстиции всей своей деятельностью обязаны ограждать колхозы от всяких незаконных посягательств на колхозную собственность, сочетая при этом защиту интересов колхоза и колхозников с защитой общегосударственных интересов, требуя от колхозов добросовестного и строгого выполнения перед государством обязательств, возложенных на них Уставом сельскохозяйственной артели, постановлениями Партии и Правительства.

Партийные и советские организации, колхозники и колхозницы, рабочие МТС и совхозов, специалисты сельского хозяйства, работники промышленности, весь советский народ восприняли постановление Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» как свое кровное дело и полны решимости со всей энергией бороться за его осуществление.

Можно не сомневаться, что под руководством Коммунистической партии рабочий класс, колхозное крестьянство, наша интеллигенция, все советские люди решат задачу нового подъема социалистического сельского хозяйства в кратчайшие сроки.

НЕПРЕКЛОННАЯ ВОЛЯ СОВЕТСКОГО НАРОДА К МИРУ

Международное движение сторонников мира прошло славный путь борьбы за укрепление безопасности народов, против поджигателей новой войны.

Исторические решения, принятые в Вроцлаве, Париже, Праге, Варшаве и Вене, явились боевой программой действий, направленной на упрочение мира и разоблачение агрессивных планов империалистических хищников.

Движение борцов за мир, в котором участвуют сотни миллионов людей различных политических убеждений, стран и континентов, проникнуто сознанием, что путем настойчивой и упорной борьбы можно добиться победы.

В современных условиях все больше и больше укрепляется антивоенная коалиция различных классов и социальных слоев, заинтересованных в прекращении международного напряжения и в предотвращении новой мировой войны.

На разных этапах своей деятельности сторонники мира определяют конкретные задачи и методы их осуществления. 20 июня нынешнего года Всемирный Совет Мира обратился с воззванием к народам всех стран. «В эти дни, — говорится в воззвании, — мы торжественно призываем народы требовать от своих правительств, чтобы они путем переговоров пришли к согласию.

Мы должны поддержать любое начинание любого правительства, имеющее целью мирное разрешение конфликтов. Мы должны помешать действию тех, кто препятствует или затягивает достижение соглашения.

Победа мира близка. От нас зависит добиться ее».

Наряду с воззванием сессия Всемирного Совета Мира приняла декларацию об открытии кампании в пользу переговоров. Исключительное значение декларации состоит в том, что она приковывает внимание народов мира к усилению борьбы за мирное разрешение всех международных проблем, за торжество духа мирных переговоров между странами.

Сейчас, когда в результате мирной инициативы Советского Союза и всего демократического лагеря в международной обстановке ощущается некоторая разрядка напряженности, важно усилить борьбу за создание условий, благоприятствующих мирным переговорам.

Слова призыва Всемирного Совета Мира дошли до сотен миллионов людей во всех странах.

Так десятки местных профсоюзных организаций представили 85-му Конгрессу британских тред-юнионов резолюции, призывающие английское правительство содействовать мирному разрешению всех международных вопросов, максимально расширить торговлю со странами демократического лагеря.

Во Франции на многочисленных собраниях и митингах приняты решения, требующие от правительства ликвидировать нависшую над страной смертельную опасность в связи с восстановлением немецко-фашистской армии в Западной Германии. В решениях подчеркивается необходимость положить конец грязной войне, которую ведут французские и американские монополии против свободолюбивого вьетнамского народа.

Народные массы Франции решительно выступают за проведение в жизнь справедливых идей призыва Всемирного Совета Мира.

В Италии на тысячах собраний сторонников мира обсуждаются и формулируются решения, имеющие своей целью довести до сознания итальянского народа слова призыва Всемирного Совета Мира. Движение в пользу переговоров получило также широкий размах в США, Японии, Бельгии, Канаде, Индии и других странах.

Совершенно естественным и закономерным является единодушное одобрение призыва Всемирного Совета Мира в странах демократического лагеря. Виднейшие представители науки, искусства, литературы, общественные деятели Польши, Болгарии, Румынии, Чехословакии, Венгрии и Албании в своих докладах и выступлениях горячо одобряют мудрые, глубоко человеческие идеи призыва Всемирного Совета Мира. Мощную поддержку получил призыв Всемирного Совета Мира со стороны великого китайского народа.

Состоявшийся недавно в Москве расширенный Пленум Советского комитета защиты мира заявил о своем полном одобрении решений Всемирного Совета Мира, направленных к мирному урегулированию всех разногласий между государствами. Пленум выразил твердую уверенность, что все советские люди с новой силой продемонстрируют свою неизменную волю к миру, еще теснее сплотятся вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, твердо и последовательно отстаивающих политику мира.

Советские люди, как и огромное большинство человечества, глубоко убеждены, что при наличии доброй воли можно найти пути к урегулированию всех спорных международных вопросов и тем самым обеспечить прочный и длительный мир.

В нашей стране декларация Всемирного Совета Мира об открытии международной кампании в пользу переговоров нашла самый широкий отклик.

На собраниях рабочих и служащих предприятий и учреждений Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и других городов нашей Родины звучит мощный голос советских людей: пусть торжествует во всем мире дух мирных переговоров!

На многолюдном митинге рабочих и служащих фабрики «Буревестник» выступила секретарь партийного бюро т. Балицкая, заявившая, что советские люди уверены в возможности разрешить любой без исключения спорный международный вопрос мирным путем. Эти слова были встречены горячими аплодисментами всех присутствующих.

— Народы убедились, — говорил на собрании коллектива завода «Пролетарский труд» токарь В. Филатов, — что путем настойчивой и упорной борьбы за мир они могут добиться победы. Советский народ всегда, с первых дней существования своего социалистического государства стремился и стремится к добрососедским отношениям со всеми остальными государствами, горячо одобряет мирную политику Правительства СССР.

Теми же мыслями проникнуты речи всех представителей нашего народа, выступивших на многочисленных собраниях, которые состоялись на заводах, фабриках, в шахтах, в рудниках, колхозах, МТС и совхозах нашей страны.

Советские люди заявляют: наша воля к миру непреклонна, агрессивным силам не повернуть вспять ход истории.

Обсуждая решения Всемирного Совета Мира и расширенного Пленума Советского комитета защиты мира, советские люди берут на себя новые обязательства в коммунистическом труде. В решениях, принятых на

собраниях, подчеркивается необходимость еще выше поднять производительность труда, систематически улучшать качество продукции, добиваться снижения себестоимости.

Борясь и отстаивая дело мира, советские люди не забывают, что наиболее агрессивные империалистические круги прилагают все усилия к тому, чтобы не допустить мирного урегулирования неразрешенных международных вопросов, создавая обстановку военного психоза и отравляя международную атмосферу.

Товарищ Г. М. Маленков в докладе на XIX съезде партии указывал, что «подготовка к новой войне сопровождается невиданным разгулом милитаризма, охватывающим всю жизнь и быт народов стран империалистического лагеря, бешеным наступлением реакции на трудящихся и фашизацией всего режима в этих странах».

Фашистские провокации в Берлине 17 июня 1953 г., агрессивное поведение американской делегации на сессии Генеральной Ассамблеи при обсуждении корейского вопроса лишней раз напоминают свободолюбивым народам о необходимости усиления бдительности в отношении происков поджигателей войны. Эти и другие факты указывают, что сейчас надо еще выше поднять активность народных масс, усилить организованность сторонников мира, неустанно разоблачать поджигателей войны, чтобы не дать им опутать ложью народы.

Нерушимые принципы советской миролюбивой политики вновь нашли недавно свое яркое воплощение в работах пятой сессии Верховного Совета СССР и были всесторонне обоснованы в выступлении на сессии Председателя Совета Министров СССР товарища Г. М. Маленкова. Для Советского правительства, для всех нас, советских людей, заявил товарищ Г. М. Маленков, дело укрепления мира и обеспечения безопасности народов является не вопросом тактики и дипломатического маневрирования; это — наша генеральная линия в области внешней политики.

Генеральная линия, выражающая волю великого советского народа и полностью отвечающая интересам всех свободолюбивых народов, является решающим фактором в современной международной обстановке.

Настойчиво и последовательно отстаивая дело мира, советские люди в то же время помнят о необходимости неустанно укреплять советское социалистическое государство — главное орудие построения коммунизма в нашей стране.

Деятельность органов юстиции, суда и прокуратуры имеет большое значение для дальнейшего укрепления Советского государства. Органы советской юстиции и прокуратуры обязаны серьезно улучшить работу по укреплению социалистической законности и правопорядка. Особое внимание должно быть уделено усилению борьбы с расхитителями социалистической собственности, ворами, хулиганами и другими опасными преступниками. Надо поднять качество прокурорского надзора и деятельность судов по укреплению законности. Анализируя и глубоко обобщая практику своей работы, органы прокуратуры и суда должны разрабатывать соответствующие меры, имеющие своей целью предупреждение нарушений законности.

Всемерно улучшая свою работу, органы юстиции, суда и прокуратуры сделают еще более весомым свой вклад в дальнейшее укрепление Советского государства и в борьбу за мир во всем мире.

ПОВЫСИТЬ КАЧЕСТВО СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

В. Златкович

Судебное следствие — важнейшая стадия судебного рассмотрения уголовного дела. От того, насколько полно и всесторонне оно будет проведено, насколько тщательно суд и стороны исследуют представленные доказательства, зависит установление истины по делу.

Между тем в практике работы некоторых народных судов еще нередко наблюдается поверхностное проведение судебного следствия, отсутствие критической оценки доказательств, нарушения требований процессуального закона.

Поверхностный допрос свидетелей имеет место особенно в случаях, когда свидетель в стадии судебного следствия полностью или частично изменяет показания по сравнению с данными им на предварительном следствии. Вместо того чтобы тщательно выяснить причины, вызвавшие изменение показаний свидетеля, суды нередко, не подвергая показаний критической оценке, механически придают им доказательственное значение, основывая на подобных показаниях приговор. Естественно, что если по делу отсутствуют иные доказательства, объективно подтверждающие правильность измененного свидетельского показания, то подобный приговор отменяется кассационной инстанцией.

Именно по этим основаниям был отменен приговор народного суда 6-го участка Фрунзенского района Москвы по делу Шмакова, обвинявшегося совместно с Назаровым и Шапоровым в хищении с топливной базы № 10 треста «Мосгортоснаб» трех тонн каменного угля. Народный суд признал Шмакова виновным в хищении угля, используя в качестве основного доказательства показания свидетеля З.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда 9 января 1953 г. отменила приговор в отношении Шмакова, как вынесенный по неисследованным материалам дела, указав в определении следующее: «В обоснование виновности Шмакова суд положил показание свидетеля З., который в судебном заседании дал противоречивые показания по поводу отпуска угля с базы, сказав, что уголь с базы можно вывезти с помощью весовщика или контролера, в то время как на предварительном следствии тот же свидетель утверждал, что излишнее количество угля с базы можно вывезти лишь по сговору с весовщиком. Наряду с указанными противоречиями не устранен, положив, однако, эти показания в обоснование виновности Шмакова».

Следует признать совершенно недопустимым, когда суд оставляет без проверки противоречивые показания свидетеля, механически используя их как доказательство. Такая порочная практика препятствует установлению истины и порождает судебные ошибки. Между тем исследование судом свидетельских показаний включает также и выяснение возможных противоречий в этих показаниях. Поэтому суд обязан критически относиться к противоречивым показаниям свидетелей.

Определением от 7 января 1953 г. Московский городской суд отменил приговор народного суда 8-го участка Пролетарского района по делу Сосинского и Худякова, обвинявшихся по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г.

Сосинский и Худяков обвинялись в составлении сметы на ремонт здания, в которой был завышен объем работ и указаны работы, в действительности не производившиеся. Худяков, кроме того, обвинялся в хищении со склада, которым он заведовал, пяти пачек железа стоимостью 1500 руб. Мотивами отмены приговора послужило то, что суд поверхностно, не выяснив ряда существенных подробностей, допросил свидетеля Г., не проверил и не устранил противоречия в показаниях свидетелей К. и Н. о взаимоотношениях Сосинского и Худякова, не проверил показания свидетеля А.

Важное значение для оценки судом показаний свидетеля имеет их конкретность. Недопустимо использование в качестве доказательства таких показаний свидетелей, которые не основаны на конкретных фактах, а лишь выражают предположение.

Между тем народный суд 3-го участка Железнодорожного района Москвы приговорил Безрукову и Шаркову по ст. 1, ч. 2, указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» к 6 годам лишения свободы каждую на основании противоречивых и содержащих лишь предположения свидетельских показаний. Безрукова и Шаркова признаны виновными в том, что они похитили у гр-на Рыбина носильные вещи на сумму 470 руб. Суд, вынося обвинительный приговор, неправильно оценил доказательство по делу и неосновательно осудил Безрукову и Шаркову. Суд придал доказательственное значение таким «показаниям» Рыбина, в которых он «предполагает, что кражу вещей могли совершить Безрукова и Шаркова, поскольку он видел их в своей комнате». Суд также нашел возможным использовать в качестве доказательства показания свидетеля Новикова, хотя по делу установлено, что Новиков — психически больной человек и показания его лишены доказательственного значения. Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда дело Безруковой и Шарковой за недоказанностью прекратила.

В практике некоторых народных судов имеются случаи, когда судебное следствие проводится неполно и существенные для установления истины обстоятельства не выясняются в связи с тем, что суд не производит допроса всех необходимых свидетелей. Несмотря на то, что свидетели допрашивались в стадии предварительного следствия и вызывались в судебное заседание, суды нередко в связи с неявкой свидетелей проводят судебное следствие в их отсутствие, вместо того чтобы отложить дело слушанием и обеспечить явку необходимых свидетелей. Суды в подобных случаях — часто с согласия сторон — ограничиваются оглашением в судебном заседании показаний неявившихся свидетелей, что, естественно, не может заменить непосредственное и устное восприятие показаний.

В подтверждение можно привести ряд примеров, когда кассационная инстанция по этим основаниям отменяла приговоры. Так, приговор народного суда 5-го участка Красногвардейского района от 22 января 1953 г. в отношении Лисина и Трошкина, обвинявшихся в хищении государственного имущества, отменен в связи с тем, что «суд не исследовал в судебном заседании показаний свидетелей Горбачева, Кузьмичева и Ильина, которые в стадии предварительного следствия уличали Лисина и Трошкина в попытке хищения нехромового провода» (определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 7 февраля 1953 г.).

Отменен приговор народного суда 8-го участка Пролетарского района от 9 января 1953 г. в отношении Дымова по ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответствен-

ности за хищение государственного и общественного имущества», так как «... из описательной части приговора нельзя сделать вывод о том, что суд входил в обсуждение всех доказательств по делу... Суд не принял мер к вызову и допросу свидетелей Татаринцева, Сазонова, Неханова, а показания их требовали проверки» (определение Московского городского суда от 5 февраля 1953 г.).

Серьезным недостатком в области судебного следствия является порой некритическое отношение суда к результатам опознания обвиняемого потерпевшим или свидетелем в стадии предварительного следствия и к проведению опознания непосредственно в судебном заседании. Наблюдения показывают, что потерпевшие и свидетели по обстоятельствам опознания допрашиваются поверхностно, существенные детали опознания и обстановки, в которой оно производилось, часто не выясняются. Это приводит к тому, что в стадии судебного следствия обоснованность опознания вызывает серьезные сомнения, а использование результатов опознания в качестве доказательства далеко не всегда возможно.

Между тем имеются случаи, когда на основании явно сомнительных данных опознания судами выносятся обвинительные приговоры. Народным судом 5-го участка Дзержинского района Москвы осужден за кражу денег в сумме 650 руб. у гр-на Любезнова Янковский. В качестве доказательства вины Янковского суд сослался на опознание Янковского потерпевшим Любезновым и на показания свидетелей Морозовых — Прасковьи и Екатерины, опознавших... пальто, одетое на Янковском при совершении кражи. Однако опознание Любезновым Янковского вызывает основательные сомнения: в протоколе заявления о краже Любезнов утверждал, что хищение денег у него совершено гражданином в возрасте 25—30 лет, а поскольку Янковскому—17, то значительная разница в возрасте не исключает возможности ошибки при опознании. Свидетели Морозовы в протоколе предъявления им пальто лишь констатировали опознание его, но характерных признаков в подтверждение правильности опознания не привели. При таких обстоятельствах для вынесения обвинительного приговора в отношении Янковского данных не было, и кассационная инстанция (определение от 31 января 1953 г.) правильно приговор отменила, обратив дело на доследование.

Характерен и другой пример. Народным судом 2-го участка Тимирязевского района был признан виновным и осужден за кражу носильных вещей у гр-ки Рожок Савицкий. В обоснование приговора суд сослался на показания свидетеля Лапина, удостоверившего, что в ночь с 28 на 29 октября 1952 г. он видел Савицкого в доме, где была совершена кража, и на факт обнаружения похищенных вещей около сарая этого же дома. Лапин, как это усматривается из его показаний, опознал Савицкого не по внешности, а по одежде. Однако в суде Савицкий заявил, что на нем не было той одежды и обуви, на которую указывает Лапин. Суд этих объяснений Савицкого не проверил, а также не допросил свидетелей Столбового и Ибрагимова, хотя их показания имели важное значение для выяснения обстоятельств задержания Савицкого. Таким образом, не проверив обстоятельств дела и, главное, результатов опознания Савицкого, суд неосновательно вынес обвинительный приговор (отменен Московским городским судом 9 января 1953 г.).

Много еще недостатков содержится в методике допроса свидетелей. Иногда свидетелям ставятся вопросы не по поводу известных обстоятельств события преступления, а имеющие цель выяснить мнение свидетеля относительно тех или иных фактов или обстоятельств по делу. Имеются в виду известные практике случаи использования свидетеля

в качестве своеобразного «сведущего лица» и получения от него разъяснений и консультаций. Чаще всего так производится допрос ревизоров, бухгалтеров, лиц из числа административного персонала, которые не столько освещают известные им как свидетелям факты, сколько приводят на вопросы суда и сторон пояснения, излагают различные точки зрения относительно того, как следовало поступить, что не было сделано и т. д. Нередко такие «показания» приобретают форму, близкую к заключению эксперта. Конечно, при допросе свидетелей, компетентных в той или иной области знаний или занимающих определенные должности, могут быть поставлены отдельные вопросы в разъяснение суду некоторых обстоятельств, но превращать свидетеля в источник таких разъяснений не следует. Элементарное правило: свидетель лишь излагает известные ему факты события преступления или характеризует обвиняемого — не должно нарушаться на практике.

Есть недостатки в допросе свидетелей при предъявлении им документов, обычно бухгалтерских (накладные, счета, наряды и т. д.). Очевидно, что задаваемые в связи с этим вопросы должны иметь отношение только к данным документам. На практике же иногда происходит так: свидетелю предъявляется для обозрения документ, но допрос производится по обстоятельствам, не связанным с этим документом. В результате внимание свидетеля и допрашивающего отвлекается от документа, допрос утрачивает определенную направленность, документ остается недостаточно исследованным.

Недостатки есть и при судебном исследовании такого вида доказательств, как заключение эксперта. Здесь прежде всего следует сказать о том, что судьи часто недостаточно или даже совсем не изучают до судебного рассмотрения дела заключения экспертов, особенно при сложности их содержания или значительном объеме. Это нередко приводит к судебным ошибкам, к неправильному использованию заключения как вида доказательств, ставит судью в известную зависимость от эксперта, так как, не зная заключения эксперта, судья лишен возможности не только сам поставить вопросы эксперту, но и проконтролировать вопросы сторон. Не зная акта экспертизы, суд не в состоянии проверить основательность его, соответствие другим доказательствам по делу, проверить правильность данных экспертом ответов, обоснованность его позиций.

Наблюдаются случаи, когда суды основывают приговоры на заключениях экспертов без предварительного выяснения компетентности лица, производившего экспертизу, без проверки объективности эксперта, его незаинтересованности в деле. Конечно, судить о компетентности эксперта по составленному им заключению трудно. Поэтому, если в деле нет сведений об эксперте, их необходимо получить в стадии судебного рассмотрения. С этой целью суд должен предложить эксперту сообщить суду сведения об образовании, стаже работы по данной специальности, выяснить, обладает ли он опытом производства экспертиз, и т. д.

Нередко профессиональные качества эксперта проверке не подвергаются. Это приводит к тому, что иногда производство экспертиз возлагается на лиц, недостаточно сведущих, не имеющих практических навыков и теоретических знаний, заключения которых влекут судебные ошибки.

Характерным является дело по обвинению Лихтермана, Варакина и Забанова. Начальник цеха фабрики «Химпродукт» Щербаковского района г. Москвы Лихтерман, заведующий складом Варакин и начальник отдела технического контроля той же фабрики Забанов были преданы суду по обвинению в систематических хищениях вырабатываемой

фабрикой продукции. Основным доказательством по делу являлись заключения технической и бухгалтерской экспертиз. Последней в стадии предварительного следствия был определен материальный ущерб, причиненный обвиняемыми, в размере 148 834 руб. В судебном же заседании экспертиза определила сумму ущерба в 49 301 руб. Несмотря на явную противоречивость выводов экспертизы, суд некритически оценил этот вид доказательства, обосновав на нем обвинительный приговор. Кассационная инстанция отменила приговор, указав на необходимость производства новой экспертизы силами более квалифицированных экспертов, с возложением на них обязанности исследовать ряд существенных обстоятельств, не проверенных предшествующей экспертизой.

Исследуя и оценивая заключение экспертизы, суд всегда обязан установить, насколько полно разрешены экспертом поставленные перед ним вопросы и не вышел ли при этом эксперт за пределы своей компетенции и полученного от следственных органов задания. На практике довольно часто наблюдаются случаи, когда эксперт входит в обсуждение и разрешение вопросов, не имеющих отношения к области его познаний, например, обсуждение вопроса о доказанности преступления или квалификации его. Суд обязан требовать от эксперта всестороннего и тщательного исследования соответствующих материалов, обоснования заключения научными данными.

Однако можно привести ряд примеров, свидетельствующих о том, что нередко в некоторых народных судах к заключениям экспертов предъявляются заниженные требования. Народный суд 8-го участка Киевского района Москвы, рассматривая дело Козлова, обвинявшегося в хищении 1800 руб. по фиктивным счетам, положил в основу обвинительного приговора заключение графической экспертизы, констатировавшей подделку Козловым подписей в нескольких документах. Между тем графическая экспертиза была проведена поверхностно, и обоснованность выводов эксперта вызывает сомнения: неубедительны, например, выводы экспертизы о том, что подписи от имени Кузьмина и Гладковой в платежной ведомости выполнены Козловым, поскольку свидетель Воронцов заявляет, что этот документ с расписками получателей денег он сам лично составил после того, как подлинная ведомость оказалась утерянной; ряд документов исследованию не подвергался. Если бы суд критически оценил приведенное заключение экспертизы и сопоставил его с другими доказательствами по делу, он убедился бы в том, что заключение не может иметь доказательственного значения (городским судом приговор в отношении Козлова отменен).

Исследуя заключение эксперта, суд должен выяснять, имел ли последний в своем распоряжении достаточное количество материалов, необходимых для дачи заключения (прим. к ст. 171 УПК РСФСР).

Народный суд 3-го участка Краснопресненского района вынес обвинительный приговор Михайловской, Остроумовой и Горшковой, используя в виде доказательства неполноценное заключение графической экспертизы. Эксперт-криминалист дал заключение о поддельности чеков (с использованием которых было совершено хищение на сумму 17 185 руб.), имея в своем распоряжении недостаточное количество материалов для исследования, — органы предварительного следствия представили эксперту лишь часть чеков, хотя количество их было значительно больше. Суд, установив это обстоятельство, все же удовлетворился весьма неопределенным, предположительным заключением. Судебная коллегия по уголовным делам городского суда, отменив приговор, предложила произвести новую экспертизу, предоставив эксперту весь имеющийся сравнительный материал.

В стадии судебного следствия (особенно по делам о хищениях социалистической собственности) суду часто приходится исследовать и оценивать различные документы. Для правильного использования документов, успешного оперирования ими при допросах подсудимых и свидетелей требуется хорошее, отчетливое знание документов. Цель исследования документов будет достигнута, если только суд всесторонне их изучит, определит место каждого документа в системе доказательств по делу. На практике же часто приходится наблюдать, что состав суда недостаточно хорошо знает эти документы, их назначение и содержание, неуверенно пользуется ими в процессе судебного следствия. В таких случаях следует получать необходимые объяснения от экспертов-специалистов. Однако к судебному исследованию документов эксперты привлекаются не всегда, хотя их роль при этом может быть весьма значительной.

Серьезнейшим недостатком судебного следствия в области исследования документов является игнорирование судом заявлений подсудимого или свидетеля о фиктивности документа, отсутствие проверки подобных заявлений. В деле Михалевой, рассмотренном народным судом 6-го участка Тимирязевского района, находилась накладная, в которой имелись подделки. Графическая экспертиза установила, что в экземпляре, представленном для изучения, в графе «количество товара» фигурировала цифра «100», затем один ноль был уничтожен, а впоследствии снова приписан, и опять стала фигурировать цифра «100». Это обстоятельство могло иметь существенное значение для дела, однако не было судом выяснено с достаточной полнотой, и осталось неустановленным, кто и с какой целью совершил эти подчистки и исправления.

Нередко наблюдающейся в практике ошибкой является поверхностное исследование судом показаний признающего свою вину подсудимого. Судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда неоднократно отменялись приговоры, основанные на непроверенных показаниях признающих свою вину подсудимых, когда оказывалось невыясненным, например, не скрывается ли за признанием совершение более тяжкого преступления, не скрываются ли другие участники преступления, не являются ли показания подсудимого оговором другого лица или самооговором и т. п. В таких случаях необходимо тщательное исследование судом и сторонами всех содержащихся в деле материалов. Между тем иногда суд, увлекшись показаниями подсудимого, основывает на них и подтверждающих их доказательствах приговор, не замечая или игнорируя находящиеся в деле другие доказательства, свидетельствующие о совершении подсудимым более тяжкого преступления. Митерев и Трохин были признаны виновными в том, что, работая в одном из складов материально-ответственными лицами, похитили из последнего товары стоимостью 8700 руб. В этом преступлении подсудимые признали себя виновными. Однако в деле имелись доказательства, свидетельствующие о том, что по складу, которым заведовал Митерев, имеется недостача товаров на сумму 25 672 руб. Это обстоятельство при наличии систематических хищений из склада требовало тщательного расследования, но ни следствие, ни суд не обратили на это никакого внимания.

Таковы основные недостатки в области судебного следствия, наблюдающиеся в практике работы некоторых народных судов.

Важнейшая задача в настоящее время состоит в том, чтобы повысить качество судебного следствия, проводя его тщательно и всесторонне.

ЗА ВЫСОКУЮ КУЛЬТУРУ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

М. Яковлев

Прокурор Молотовской области

Судебное следствие — это важнейшая часть судебного разбирательства. Хорошо и полно проведенное судебное следствие определяет содержание приговора, является серьезным средством коммунистического воспитания граждан. На судебном следствии наиболее полно раскрываются демократические принципы советского уголовного процесса.

Этому вопросу в нашей юридической литературе не придается должного значения. Совершенно правильно поступила редакция журнала «Социалистическая законность», поместив на своих страницах статью народного судьи т. М. Буя «О судейской беспристрастности». Нам представляется правильным утверждение автора о том, что «совершенно не правы те юристы, теоретики и практики, которые в целях ложной охраны судейской беспристрастности стремятся по существу свести роль суда, в частности роль председательствующего, к роли регулировщика процесса, устанавливающего очередность выступлений участников процесса» («Социалистическая законность» 1953 г. № 7, стр. 55).

Наш советский суд не может быть безразличным к тому, какое дело он разбирает. Судья не может быть пассивным в ведении судебного следствия. Народ поручил ему серьезное дело — осуществлять правосудие, и в достижении этого судья должен отличаться высокой активностью, настойчивостью и организованностью.

В наше время трудно представить себе судей, которые, рассматривая уголовные дела о нарушении трудовой дисциплины, о хищениях, хулиганстве и других преступлениях, не выражали бы своего отношения к преступнику и его преступлениям: они выражают его прежде всего вопросами и замечаниями в судебном заседании.

Сила воспитательного воздействия суда — не только в приговоре суда, а весь ход судебного процесса, особенно судебное следствие, играет огромную воспитательную роль.

Обобщения судебной практики показывают, что большинство приговоров народных судов отменяется именно по причинам неисследованности обстоятельств по делу в судебном следствии.

Только недостаточной подготовкой отдельных судей к рассмотрению дел, недооценкой значения судебного следствия как важнейшей части судебного разбирательства можно объяснить недостатки в работе.

Зачастую суды возвращают дела на дополнительное расследование для выяснения несущественных для дела обстоятельств или таких обстоятельств, которые вполне возможно выяснить в ходе правильно проведенного судебного следствия — без возвращения дела (что создает только волокиту, снижает эффективность борьбы с преступностью).

Примером явно неосновательного возвращения дела на доследование для выяснения обстоятельств, которые суд вполне мог выяснить в ходе судебного следствия, служит определение народного суда 1-го участка г. Лысьва (народный судья Мухин) от 9 января 1953 г., которым возвращено на доследование дело Токарева по ч. 2 ст. 74 УК для выяснения, на какой улице находится пивной павильон, где было совершено

хулиганство Токаревым, какой торгующей организации принадлежит этот павильон, какова стоимость разбитой пивной кружки. Указанное определение отменено областным судом по частному протесту прокурора. В результате созданной судом волокиты дело Токарева, содержащееся под стражей, находилось в производстве суда свыше месяца.

Факты неосновательного возвращения дел на доследование имеются в работе народных судов Черновского района, 1-го участка Ворошиловского района, 1-го участка г. Березники, 2-го участка г. Губихи.

Необходимо понять, что полное, всестороннее и активное разбирательство дела в суде является серьезной гарантией недопущения ошибок и извращений в судебной практике.

Народный суд Верхне-Муллинского района под председательством народного судьи т. Денисова рассматривал дело по обвинению Трофименко И. Ф. в хищении колхозного быка: Трофименко поймал на колхозном поле быка, принадлежащего колхозу имени Кагановича, забил его и мясо продал на рынке. Народный суд усмотрел в действиях Трофименко присвоение находки, а не хищение. Если бы суд тщательно исследовал все доказательства, полнее провел судебное следствие, он не мог бы прийти к такому странному выводу.

Серьезно повлиять на качество судебного следствия может и должен вышестоящий суд при рассмотрении дела в кассационном и надзорном порядке.

Практика показывает, что не всегда можно встретить в определении вышестоящего суда указания на ошибки и недостатки, допущенные в судебном следствии, нередко вышестоящие суды лишь ограничиваются указанием на неисследованность обстоятельств по делу, но в чем конкретно выразилась неисследованность и как лучше исследовать доказательства в стадии судебного следствия, не указывают. Мало того, сами вышестоящие суды допускают по этим же делам нарушения. Примером поверхностного отношения отдельных судей к своим обязанностям, формальной оценки доказательств может служить дело Бражкина, который незаконно был осужден народным судом Белоевского района к лишению свободы на три года с последующей высылкой на два года. В кассационной жалобе в Коми-Пермяцкий окружной суд Бражкин указывал, что народный суд не проверил его доводов в судебном следствии о том, что дело о нем возбуждено за его критические выступления в адрес руководителей колхоза; он просил перепроверить ряд обстоятельств, указывал на свидетелей и документы. Однако окружной суд под председательством т. Фадеева исключительно формально подошел к рассмотрению дела в кассационной инстанции и оставил незаконный приговор в силе.

Если бы т. Фадеев внимательно прочитал жалобу Бражкина и протокол судебного следствия, он, безусловно, не допустил бы грубого нарушения социалистической законности.

Верховный суд РСФСР, куда обратился с жалобой Бражкин, тоже не счел нужным даже истребовать дело Бражкина, хотя в жалобе подробно излагались мотивы и причины незаконного осуждения. Только по протесту Прокурора РСФСР Верховный суд РСФСР отменил приговор и прекратил дело. Народный судья Батуева и председатель окружного суда Фадеев за допущенное грубое нарушение законности по делу Бражкина привлечены к ответственности; строго наказаны и прокурорские работники. Руководство Верховного суда РСФСР должно решительно улучшить работу аппарата и более внимательно рассматривать жалобы, тем более жалобы, в которых указывается на незаконное осуждение, на формально проведенное судебное следствие.

Факты не критического отношения к материалам судебного следствия имеются и в работе второй инстанции Молотовского областного суда. Определением народного суда 1-го участка г. Краснокамска было возвращено на доследование дело Нетиновых по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. для проведения ревизии и установления местожительства свидетельницы Заякиной. Между тем суд не исследовал обстоятельств по делу в судебном заседании: по делу проведено две бухгалтерские ревизии, в деле имелись документы, подтверждающие, что местожительство свидетеля Заякиной неизвестно, притом ее показания не имеют существенного значения по делу. Прокурор города принес протест на это определение, но областной суд протест отклонил. Лишь по протесту Прокурора РСФСР верховный суд республики отменил определение народного и областного судов.

Необходимо, чтобы вышестоящие суды всей своей деятельностью способствовали улучшению качества судебного следствия, устранению недостатков, формализма, поверхностного отношения к исследованию данных предварительного следствия.

Задача решительного улучшения качества судебного следствия должна быть решена при содействии наших прокуроров: более активное участие их в судебном следствии поможет судам правильно, полно и всесторонне рассматривать дела.

Серьезную трудность для оценки данных судебного следствия в вышестоящей инстанции представляют протоколы судебного заседания. В большинстве случаев в них плохо отражается ход судебного следствия, как правило, не указывается, на чьи вопросы из состава суда отвечают допрашиваемые лица, не фиксируются ответы, характеризующие взаимоотношения проходивших по делу лиц, и т. д.

Эти недостатки в значительной степени объясняются тем, что секретарей судебных заседаний мало инструктируют и учат; вот уже многие годы управление юстиции не собирало их для инструктажа.

Советский суд отличается высокой культурой судебного следствия. Культура судебного следствия — один из серьезных элементов воспитательной функции нашего суда. Вот почему судья должен тщательно готовить каждый процесс, хорошо организовывать его. При этом имеет значение не только строжайшее соблюдение определенного судом регламента процесса (начало рассмотрения дела, соблюдение времени перерывов и т. д.), но и внешняя обстановка, в которой рассматривается дело судом (оборудование зала судебного заседания, рабочие места для состава суда и т. д.).

Мы считаем недопустимым, когда имеются факты обращения сотрудников суда к председательствующему во время судебного следствия, перебрасывание записок, разговоры, хождение. Все это серьезно сказывается на качестве судебного следствия и должно быть искоренено.

Особо останавлиюсь на серьезных ошибках, допускаемых некоторыми адвокатами в процессах. Они не учитывают огромной воспитательной роли суда, слишком примитивно понимают свои функции в судебном следствии.

Так, при рассмотрении в народном суде Черновского района уголовного дела по обвинению Турова и Вахирина адвокат Сендеров, защищавший интересы Турова, вел себя неправильно: в процессе судебного следствия старался запутать суд, мешал свидетелям давать показания. Более того, он позволял себе оскорбительно называть свидетелей, которые давали неугодные ему показания.

Правильно поступил суд, в частном определении оценив такое поведение Сендерова как «недостойное звания советского адвоката».

Совершенно другую позицию занял президиум Молотовской областной коллегии адвокатов: согласившись с тем, что т. Сендеров вел себя неправильно в суде, но учитывая, что он считается неплохим адвокатом, ограничился лишь указанием Сендерову на нетактичность поведения в процессе.

Вот почему серьезные нарушения допускаются и другими адвокатами. Нужно положить конец тому, что адвокат зачастую вместо того, чтобы помочь суду всесторонне и полно провести судебное следствие, сам запутывает суд и свидетелей, занимаясь неправильным изложением фактов.

Так, адвокат Галкина, выступая по делу Михалева, Бородулина, задавала вопросы потерпевшей, выслушивала показания и тут же давала оценку им, высказывая сомнения в их правдивости.

Адвокаты Шапет и Фридман, выступая по делу Иофина, Космачева, обвиняемых по ст. 109 УК РСФСР, также вели себя неправильно.

Необходимо установить строжайший контроль за работой адвокатов. Молотовская областная коллегия адвокатов за последнее время стала больше контролировать качество выступлений адвокатов в суде, но все еще слабо проверяет, как адвокаты участвуют в судебном следствии, какую помощь оказывают суду в исследовании доказательств.

Наша Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют неустанную заботу о дальнейшем улучшении материального благосостояния советского народа. Принятое Советом Министров СССР постановление о режиме рабочего дня в министерствах, ведомствах и других советских учреждениях свидетельствует об исключительной заботе нашего правительства о советских людях, о их здоровье и культурном отдыхе.

Долг прокурорско-следственных работников — ответить на заботу партии и правительства самоотверженным трудом. Всемерное укрепление социалистической законности, решительная борьба с преступностью, защита законных прав и интересов советских граждан должны быть в центре внимания всей деятельности наших органов.

СТРОГО СОБЛЮДАТЬ НОРМЫ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

А. Радонцев

Заместитель председателя Брянского областного суда

Деятельность органов предварительного следствия и советского суда по разрешению уголовных дел осуществляется на основе строгого, последовательного и неуклонного соблюдения закона. Работа следственных органов по раскрытию преступлений, собиранию доказательств и их закреплению, как и работа суда по окончательному рассмотрению дел, должна проходить на основе норм, установленных уголовно-процессуальным законом. Почти каждое действие следователя, прокурора и суда регламентируется и контролируется Уголовно-процессуальным кодексом. Эта стройная и строго последовательная система норм дает направление движению дела, создает возможность подробно разобраться в существе и фактических обстоятельствах совершенного преступления, гарантирует правильное разрешение конкретного дела, постановку убедительного и обоснованного, справедливого и законного приговора.

Некоторые судебные и прокурорские работники считают, что от них требуют догматического исполнения заученных «положений», «технических правил» по расследованию и рассмотрению уголовных дел. Такие работники не понимают роли и значения точного соблюдения закона. В результате этого происходят нарушения закона, допускаются такие нарушения закона, которые влекут отмену приговоров, подрывается авторитет суда и органов следствия, смазывается политическое и воспитательное значение всего процесса по рассмотрению судебного дела. Это становится возможным, когда соблюдение норм материального и процессуального права рассматривается как простая формальность. Там, где следователь, прокурор и судья пренебрежительно относятся к закону, там чаще всего и происходят ошибки.

Ошибки, которые допускаются при разрешении уголовных дел, условно можно разделить на три группы: 1) нарушение норм советского уголовного процесса, 2) неисследованность обстоятельств дела в стадии предварительного и судебного следствия, 3) неправильное назначение мер наказания.

Большинство ошибок относится к первой группе. Поэтому следует остановить внимание на отдельных фактах нарушений и извращений процессуальных законов.

Советский уголовный процесс, покоящийся на подлинно демократических принципах, построен так, что граждане СССР должны быть гарантированы от неосновательного привлечения к уголовной ответственности, от незаконного обыска их помещений, незаконного ареста, предания суду и осуждения без достаточных к тому оснований.

Однако в работе отдельных работников суда и прокуратуры имеются совершенно нетерпимые случаи нарушения советских законов, влекущие ущемление прав и интересов граждан. Есть еще факты неоснова-

тельного привлечения лиц к уголовной ответственности, незаконного осуждения, неправильного оправдания виновных.

Народным судом 1-го участка Брасовского района Брянской области (народный судья т. Циркуль) был осужден Гуня по ст. 59^{3в} УК РСФСР без указания части статьи. Поэтому приговор областным судом был отменен, а дело обращено к новому рассмотрению со стадии предварительного следствия.

Ни следственные органы, ни прокурор, утверждавший обвинительное заключение, ни суд не указали части статьи, по которой должен нести ответственность обвиняемый.

Пример этот свидетельствует о том, что работники суда и прокуратуры Брасовского района, принимавшие участие в рассмотрении указанного дела, несерьезно отнеслись к его разрешению.

Советская Конституция гарантирует обвиняемому право на защиту против предъявленного обвинения. Защита в уголовном процессе не только декларируется, но и обеспечивается реальным содержанием. Статья 55 УПК РСФСР (и соответствующие статьи других союзных республик) признают необходимым обязательное участие адвоката в случаях, когда обвинение поддерживается в суде прокурором, когда подсудимым является несовершеннолетний или когда подсудимый в силу своих физических или психических недостатков не может правильно воспроизвести виденное и слышанное, правильно воспринять окружающую обстановку. Если оказывается, что дело рассмотрено в нарушение этих правил, то — независимо от других кассационных поводов — приговор вышестоящим судом отменяется, а дело обращается к новому судебному разбирательству. Это непреложное правило знают все юристы. Однако в судебной практике встречаются иногда случаи нарушения закона.

Дело по обвинению Сорокиной в хищении социалистической собственности назначалось к слушанию с участием сторон. В судебном заседании дело рассматривалось с участием прокурора, но без адвоката, так как подсудимая перед началом судебного заседания написала заявление об отказе от услуг адвоката, мотивируя это тем, что не имеет средств заплатить адвокату за выступление в суде. Народный суд 2-го участка Брасовского района удовлетворил неправильное ходатайство Сорокиной и освободил адвоката от участия в рассмотрении дела. Таким неправильным определением народный суд, по сути дела, поддержал вынужденный отказ подсудимой от защиты.

С нарушением ст. 111 Конституции СССР и ст. ст. 55 и 268 УПК РСФСР рассмотрено дело народным судом Климовского района (народный судья Козлов) в отношении Седенок, Солодовникова и Смеловского. Все они были лишены права на защиту из-за неявики адвокатов в суд. Когда подсудимые Солодовников и Смеловский стали настаивать, чтобы их защищали адвокаты, народный судья перед рассмотрением дела предложил подсудимым написать заявление об отказе от защиты. По этому же делу народным судом допущено нарушение постановления Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре»: вина каждого из подсудимых не конкретизирована, не разграничен материальный ущерб, причиненный каждым из них.

С нарушением прав подсудимого на защиту рассмотрено народным судом Красногорского района (народный судья Писаренко) дело по обвинению Запечкого по ст. 4 указа от 4 июня 1947 г. и по ст. 120, ч. 1, УК РСФСР. Дело рассмотрено с участием прокурора, а защита подсудимому обеспечена не была, так как адвокат в судебное заседание не

явился и Запецкий был вынужден написать заявление об отказе от услуг защитника.

Подобные нарушения закона нельзя расценивать как юридическую неосведомленность. Они происходят по той простой причине, что народные судьи стремятся к ускорению судебного процесса, упрощают его, отступая при этом от процессуальных норм.

Согласно ст. 334 УПК РСФСР приговор должен содержать точную формулировку установленного судом обвинения, с указанием всех обстоятельств дела, определяющих суть совершенного преступления виновного или мотивов оправдания невиновного. Поэтому 47-й Пленум Верховного суда СССР 7 июня 1934 г. требовал точного исполнения требований УПК о постановке в совещательной комнате вопросов по содержанию приговора (ст. 320 УПК РСФСР). Только после разрешения всех указанных в законе вопросов можно писать приговор (ст. 323 УПК РСФСР).

Практически же порядок разрешения вопросов, установленный ст. 320 УПК, нарушается. Никакой последовательности в постановке вопросов не соблюдается. Поэтому иногда приговоры не удовлетворяют требованиям ст. 334 УПК РСФСР: в них отсутствует конкретность, не содержатся указания на действия, в которых признается виновным подсудимый.

Народным судом 1-го участка Погарского района (народный судья Мещерякова) осужден Садкевич по ст. 73, ч. 1, и ст. 74, ч. 1, УК РСФСР. Приговор был составлен небрежно, юридически неграмотно, в описательной части приговора суд признал виновным Садкевича в оказании сопротивления представителю власти, но не указал, в совершении каких именно преступных действий признается виновным Садкевич. Ввиду нарушения ст. 334 УПК РСФСР приговор отменен с обращением дела к новому судебному рассмотрению.

Нарушения норм Уголовно-процессуального кодекса допускаются народными судами и при оформлении судебных документов. К таким нарушениям относятся: неподписание протоколов судебного и подготовительного заседаний председательствующим и секретарем судебного заседания; путаница с фамилиями народных заседателей, при участии которых рассматриваются дела; неполнота изложения протоколов и многие другие.

26 февраля 1953 г. народный суд Выгоничского района вынес обвинительный приговор в отношении Кузнецова. По жалобе осужденного областным судом приговор был отменен по тем основаниям, что народный суд при рассмотрении дела допустил нарушения ст. ст. 79 и 80 УПК РСФСР, выразившиеся в том, что обвиняемый предан суду единолично народным судьей, определение подготовительного заседания народными заседателями не подписано, протоколы подготовительного и судебного заседания председательствующим народным судьей Чвиковым подписаны не были. С такими же точно нарушениями этим народным судом были рассмотрены дела по обвинению Капустина, Пономарева по ст. 3 указа от 4 июня 1947 г.

Народным судом 2-го участка Дятьковского района (народный судья Челнокова) во время рассмотрения дела по обвинению Крылова и Шеремета были допущены нарушения ст. ст. 206, 235 и 236 УПК: несмотря на то, что по делу производилось дополнительное расследование, Крылов после доследования со следственным делом ознакомлен не был; дело в подготовительное заседание не вносилось, и обвиняемые суду преданы не были; копия обвинительного заключения обвиняемому Крылову не вручалась.

Народный суд 2-го участка г. Клинцы по делу о несовершеннолетних правонарушителях материальную ответственность возложил в солидарном порядке на родителей. Народные заседатели не были согласны со взысканием ущерба, так как с достаточной полнотой было установлено, что действиями подсудимых Мисюренко и Крюкова ущерба Клинцовскому торгу не причинено. Но председательствующий Авраменко настоял на взыскании 1544 руб. с родителей осужденных. Народные заседатели подписали приговор и тут же написали особое мнение. Таким образом, приговор в части удовлетворения гражданского иска был постановлен меньшинством голосов. Тем самым председательствующий, который по закону при решении дела имеет одинаковое право с народными заседателями, неправильно был поставлен в преимущественное положение.

Каждый следователь, прокурор или судья, даже малоопытный, знает, что после окончания расследования следственное дело в порядке ст. 206 УПК РСФСР предъявляется обвиняемому, что копия обвинительного заключения в силу ст. 235 УПК РСФСР должна быть вручена подсудимому за три дня до слушания дела в суде, что каждый следственный и судебный документ должен быть скреплен надлежащими подписями. Однако нередко это нарушается только потому, что часть работников суда и прокуратуры еще не проявляет должного уважения к закону, а органы, которые обязаны осуществлять контроль за правильностью применения судами и следствием законов, относятся к нарушителям терпимо.

Ревизией народного суда 1-го участка Клинцовского района установлено, что по ряду уголовных дел подготовительные заседания совсем не проводились, в нарушение ст. 235 УПК РСФСР обвинительные заключения вручались до предания обвиняемых суду, а определения и протоколы подготовительных заседаний составлялись после того, как дела были рассмотрены в судебных заседаниях (дела по обвинению Кириенко по ст. 142, ч. 2, УК РСФСР, Кислуй по ст. 3 указа от 4 июня 1947 г., Максименко по ст. 143, ч. 1, УК РСФСР и др.). Этим же народным судом допускались нарушения ст. 258 УПК о непрерывности уголовного процесса. Народный судья Верещагин, конечно, хорошо знает ст. 258 УПК РСФСР. Он отлично понимает, что необходимо каждое дело заслушать в отдельном судебном заседании.

По определению народного суда 1-го участка Дятьковского района Брянской области 1 марта 1953 г. был заключен под стражу гр-н Мартынов за неплатеж алиментов. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» дело подлежало прекращению производством, а Мартынов немедленному освобождению из-под стражи. Между тем следствие по делу продолжалось, и 13 мая дело с обвинительным заключением, утвержденным прокурором района Яшковым, поступило в суд. 2 июня 1953 г. народный суд (народный судья т. Чумакова) выносит Мартынову обвинительный приговор по ст. 158 УК РСФСР (два года лишения свободы). Мартынов более двух с половиной месяцев незаконно содержался под стражей. Судебная коллегия областного суда приговор народного суда отменила и дело прекратила.

В соответствии со ст. 29 УК РСФСР все уголовные дела рассматриваются в народных судах по месту совершения преступления. Однако иногда это правило нарушается. Дело по обвинению Корнеевой рассматривалось в народном суде 1-го участка Советского района г. Брянска. При рассмотрении дела было установлено, что действия обвиняемой квалифицированы по ст. 109 УК РСФСР неправильно. Суд возвратил

дело прокурору г. Брянска для предъявления обвинения Корнеевой по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г., и Корнеева была заключена под стражу. По окончании следствия прокурор г. Брянска направил дело в народный суд 2-го участка Советского района, минуя областной суд. Это было сделано, чтобы избежать дальнейших «осложнений» по делу.

Подобные факты имелись и в г. Бежице: прокурор направлял дела не по подсудности, а судьи неправильно принимали их к своему производству.

Народные суды в некоторых случаях нарушают требования ст. 344 УПК. Вместо того чтобы кассационную жалобу (протест), поданную с пропуском срока, вернуть и разъяснить, что в силу ст. 345 УПК пропущенный срок может быть восстановлен при наличии уважительности причины тем же народным судом, которым рассмотрено дело, — последний приобщает жалобу или протест к делу и все производство направляет в областной суд. Но так как кассационная инстанция не может рассматривать жалобы или протесты на приговоры, по сути дела вступившие в законную силу, она возвращает дело в тот же суд для выполнения и соблюдения норм процессуального права. Так допускается волокита, ненужная трата времени. Зачастую неправильное направление дел в вышестоящую инстанцию ведет к лишним расходам осужденных или их родственников на поездки, вызывает справедливые нарекания.

Осужденный Седых принес жалобу на приговор народного суда 3-го участка Дятьковского района с пропуском срока на право обжалования приговора. Народный суд приобщил жалобу к делу и выслал в областной суд. К назначенному времени осужденный явился в г. Брянск, но дело судебной коллегией по его жалобе рассмотрено не было, так как оно возвращено в народный суд. Только после этого народный суд восстановил кассационный срок и вторично направил дело в областной суд.

Недостаточно внимательно относятся народные судьи к делам частного обвинения, о прогулах, о невыработке колхозниками установленного минимума трудодней. В подтверждение достаточно отметить следующее. В народном суде Клетнянского района 15 июня 1953 г. имелось много дел этих категорий, не заведенных производством, даже не зарегистрированных.

Важное значение по делам частного обвинения имеет разъяснение прав обвиняемого и потерпевшего в ходе судебного разбирательства. Известно, что в силу ст. 4, п. 3, УПК возбужденное дело по заявлению потерпевшего может быть прекращено производством в случае примирения его с обвиняемым. Такое примирение по делам частного обвинения допустимо даже и после рассмотрения дела и вынесения соответствующего приговора в течение времени, пока приговор не вступит в законную силу.

В августе 1953 года народным судом Клетнянского района за нанесение взаимных словесных оскорблений Васкина и Гришина были приговорены к денежному штрафу. Осужденные в кассационных жалобах просили об отмене приговоров и прекращении дела, ссылаясь на то, что они недопоняли предоставленного им ст. 10 УПК РСФСР права на примирение. К жалобам были приобщены заявления, что они между собой помирились. Если бы председательствующий доходчиво объяснил сторонам их право на примирение, не было бы допущено и судебной ошибки.

Серьезным недостатком в работе народных судов является то, что издержки судебного производства с осужденных, как правило, не взыскиваются. Этим наносится ущерб государству.

В случае признания подсудимого виновным суд, вынесший приговор, одновременно постановляет о взыскании с него судебных издержек. Здесь не требуется доказывать вредность незаконного освобождения виновных от возмещения ущерба. Пора потребовать от всех судов строгого соблюдения ст. 89 УПК РСФСР (и соответствующих статей УПК других союзных республик).

Одной из важных предпосылок в осуществлении правильного применения закона является безукоризненное знание законодательства, норм и актов, принятых и санкционированных высшими государственными органами. Поэтому Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза 5 октября 1946 г. принял специальное постановление об улучшении и расширении юридического образования в стране. За истекшие семь лет с момента выхода в свет этого постановления органы прокуратуры и суда пополнились новыми специалистами, намного улучшились подбор и расстановка кадров. Несомненно, эти мероприятия оказали серьезную помощь в деле укрепления социалистической законности в стране.

Однако было бы ошибочно утверждать, что нарушение закона допускается только теми работниками, которые имеют недостаточные познания в законодательстве. Для того, чтобы правильно применить закон, недостаточно только знать его. Необходима еще и добросовестность при исполнении законов.

Если бы следователи, прокуроры и судьи не относились терпимо к недостаткам своей работы, если бы они отреклись от неправильного вывода о «закономерности ошибок», то у них бы поднялось чувство ответственности и уважения к закону и точному его соблюдению. Необходимо, чтобы все работники правового фронта вели суровую, непримиримую борьбу против фактов упрощенчества и нарушений законов.

Огромную роль в проведении таких мер должны сыграть вышестоящие судебные инстанции, которые непосредственно и систематически контролируют работу нижестоящих звеньев судебной системы. Суть, конечно, не только в том, чтобы обнаружить ошибку или нарушение закона и написать в адрес нарушителя частное определение, а в том, чтобы помочь разобраться в причинах происхождения ошибки, дать правильный анализ ее и правильное направление к устранению нарушений закона.

Надо, чтобы факты небрежности в применении законов влекли для их нарушителей определенные моральные или дисциплинарные последствия. Для этого необходимо установить строгий контроль за частными определениями, чего еще нет в повседневной работе. В настоящее время, когда идет речь о непоколебимой охране прав граждан, о строжайшем соблюдении социалистической законности, к соблюдению норм советского уголовного процесса надо проявить особую заботу и требовательность.

О ПОДГОТОВКЕ И ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

А. Ципкин

Кандидат юридических наук

В журнале «Социалистическая законность» № 3 за 1953 год в порядке обмена опытом опубликована статья В. Кошелькова «Подготовка и организация судебного процесса».

Тов. Кошельков, исходя из правильных позиций, что подготовка и организация судебного процесса представляет собою ответственную общественно-политическую работу, показывает ее проведение на опыте работы одного из членов транспортного суда. Автор правильно критикует точку зрения, рассматривающую подготовку и организацию судебного процесса как работу техническую.

Следует лишь подчеркнуть, что общественно-политический характер подготовки судебного процесса выражается в первую очередь в том, что здесь, как и во всей судебной работе, советский суд дает пример и образец точного и неуклонного исполнения советских законов и тем самым проводит работу по осуществлению задач социалистического правосудия, по обеспечению точного и неуклонного исполнения советских законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР.

В этом свете особенно досадными являются некоторые ошибочные утверждения В. Кошелькова, противоречащие советским законам. На эти ошибки необходимо обратить внимание, чтобы предотвратить возможность повторения их другими.

Начнем по порядку. Автор ошибочно утверждает, что единоличные действия судьи, предусмотренные ст. 250 УПК РСФСР, в части назначения обвиняемому защитника, отменены п. «в» ст. 27 Закона о судоустройстве. Ошибка т. Кошелькова вытекает из недооценки ст. 111 Конституции СССР, обеспечивающей обвиняемому право на защиту. Не следует забывать, что, помимо случаев обязательного участия защитника, предусмотренных ст. 55 УПК РСФСР и ст. 27 Закона о судоустройстве, а также случаев, когда защитник избран подсудимым по соглашению, могут быть случаи, когда подсудимый обращается в суд с заявлением, что хотя участие защитника по делу не признано обязательным и защитника по соглашению у него тоже нет, он все же просит суд на основании ст. 111 Конституции СССР обеспечить участие в судебном процессе защитника. Несомненно, что защитник в этих случаях подлежит обязательному назначению, иначе не было бы обеспечено гарантированное Конституцией СССР право на защиту. Если такое обращение в суд последует от подсудимого до проведения по делу подготовительного заседания, то этот вопрос найдет разрешение в определении подготовительного заседания; если же подсудимый обратится в суд уже после проведения подготовительного заседания и если в определении о предании суду обязательное участие защитника не предусмотрено, то на основании ст. 250 УПК РСФСР судья обязан принять меры

к назначению защитника. Как видим, считать отмененной разбираемую нами часть ст. 250 УПК РСФСР нельзя.

Далее, автор считает, что в законе нет ответа на вопрос, как быть с ходатайством подсудимого о вызове дополнительных свидетелей и об истребовании документов, когда оно заявлено после проведения подготовительного заседания по делу и даже после вручения подсудимому копии обвинительного заключения: проводить ли второе подготовительное заседание для обсуждения ходатайств или же отложить обсуждение его до дня слушания дела? На этот вопрос автор дает следующий ответ: второе подготовительное заседание не проводить, заявленные ходатайства до суда не обсуждать, но все же указанных свидетелей вызвать в суд и документы истребовать, и если в дальнейшем, уже в судебном заседании, ходатайство в порядке ст. 272 УПК РСФСР будет отклонено, то свидетели освобождаются без допроса. Понимая, что здесь не все гладко, т. Кошельков приводит соображение, что задержка в суде двух-трех человек (?) максимум на один час (до выполнения судом ст. 272 УПК) оправдывается тем, что процесс не будет сорван.

Предложение т. Кошелькова является ошибочным. Видимо, он забыл о существовании ст. 239 УПК РСФСР, которая предусматривает единоличное разрешение судьей ходатайств, заявленных сторонами, осуществляемое им до разбора дела в судебном заседании. Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 3 июля 1940 г. «О единоличных определениях и постановлениях, выносимых судьями в случаях, указанных в УПК и ГПК союзных республик» указывает, что ст. 239 УПК РСФСР (в числе других) не противоречит Закону о судостроительстве и суды обязаны ею руководствоваться.

Автор поднимает еще один интересный вопрос. Бывают случаи, когда еще до дня судебного заседания выясняется, что дело, назначенное к слушанию, в силу непредвиденных обстоятельств (например, болезнь подсудимого) не может быть заслушано в назначенный день. Автор правильно указывает, что следует принять меры к извещению участников процесса о том, что дело отложено слушанием до нового вызова. Но далее т. Кошельков делает совершенно неправильное, противозаконное добавление, что все же в назначенный день судебное заседание следует открыть для того, чтобы использовать его для удовлетворения возможных ходатайств других подсудимых (по групповым делам), ходатайств адвокатов и прокурора.

Как же можно открывать судебное заседание по делу, которое отложено и об отложении которого участники процесса извещены? Они не явились в суд, а суд в ущерб их интересам мог разрешить отдельные вопросы. Открытие судебного заседания в таких условиях, заслушивание и удовлетворение ходатайств сторон, явившихся несмотря на то, что они были предупреждены о том, что дело слушаться не будет и являться им не следует, — действия, противоречащие нашему уголовно-процессуальному законодательству.

Отмеченные ошибочные положения, содержащиеся в статье т. Кошелькова, подтверждают тот непреложный вывод, что в деле подготовки и организации судебного процесса, равно как и во всех других стадиях процессуальной деятельности, не следует забывать о необходимости точного и неуклонного исполнения советских законов.

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА УТРАТЫ ТРУДОСПОСОБНОСТИ ПРИ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЯХ НА ПРОИЗВОДСТВЕ¹

И. Скопин

Кандидат медицинских наук

Большую и весьма ответственную часть судебно-медицинской работы составляют экспертизы, связанные с вопросами о возмещении вреда при повреждении здоровья трудящихся от несчастных случаев на производстве.

Согласно ст. 413 ГК РСФСР потерпевший, если он в порядке социального страхования не получает полного возмещения вреда, имеет право дополнительного требования к администрации.

Руководящие указания по применению этой статьи содержатся в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. В п. 6 этого постановления подчеркивается, что размер подлежащих возмещению убытков определяется «в соответствии со степенью (процентом) утраченной потерпевшим трудоспособности». Должна учитываться потеря не только профессиональной, но и общей трудоспособности, так как в случае полной утраты профессиональной трудоспособности причитающееся вознаграждение должно быть уменьшено на сумму, какую мог бы зарабатывать неквалифицированный рабочий или служащий при соответствующем проценте общей трудоспособности. На причинившего вред возлагается обязанность оплачивать расходы на дополнительное питание, протезирование, санаторно-курортное лечение, стоимость постороннего ухода, если потерпевший согласно заключению врачебной экспертизы нуждается в этом.

Из приведенных указаний Верховного суда СССР очевидна необходимость медицинской экспертизы для решения этих вопросов.

При проведении этого вида экспертизы имеются серьезные недостатки организационного и методического характера.

В учебниках судебной медицины (Попов, Авдеев) отмечено, что экспертиза проводится специальными судебно-медицинскими комиссиями. Председатель комиссии — судебно-медицинский эксперт, члены — врачи-специалисты (хирург, невропатолог, терапевт). Однако большинство областных бюро судебно-медицинской экспертизы не организует и не может организовать эти комиссии так, как указывается в учебниках. Для этого требуется наличие в составе бюро врачей-специалистов, которые не предусмотрены штатными нормативами (приказ Министра здравоохранения СССР № 643 от 14 июля 1951 г.). Приглашаемые же иногда консультанты не являются членами постоянно действующей комиссии. Между тем очевидно, что только постоянная комиссия сможет обеспечить экспертизу по делам этой категории.

¹ Статья И. Скопина обсуждалась на совместном заседании кафедры судебной медицины Саратовского медицинского института и бюро судебно-медицинской экспертизы, а также на совещании народных судей г. Саратова. В обоих случаях отмечена необходимость поднять затронутый в ней вопрос в печати.

Фактически в настоящее время экспертиза проводится только судебно-медицинскими экспертами. Лишь иногда потерпевший направляется к консультанту, который единолично решает вопрос, составляя документ, используемый судебно-медицинскими экспертами в качестве основы акта.

В то же время судебно-медицинские эксперты лишены каких-либо инструктивных указаний или научных разработок этого вида экспертизы. Основным недостатком является то, что методика ее проведения не имеет под собой какого-либо научного обоснования.

Из указаний Пленума Верховного суда СССР видно, что основной задачей судебно-медицинской экспертизы является определение (в процентах) степени утраты общей и профессиональной трудоспособности.

Экспертизой трудоспособности в СССР занимаются врачебно-трудо-вые экспертные комиссии (ВТЭК) и специальные институты. В настоящее время стойкая утрата трудоспособности определяется в соответствии с принятыми в системе ВТЭК тремя группами инвалидности.

И только представители судебно-медицинской экспертизы продолжают пользоваться процентной методикой. Судебно-медицинские эксперты, определяя потерю общей трудоспособности, руководствуются неправильными, не едиными таблицами.

Кроме того, таблицы с указанием процентов утраты трудоспособности предназначаются для определения только общей трудоспособности, т. е. позволяющей производить работы непрофессионального характера.

Для определения потери профессиональной трудоспособности вообще не существует указаний. А именно этот вопрос является основным из числа тех, которые ставит суд перед экспертизой: в основу решения суда в связи с несчастным случаем кладется процент утраты профессиональной трудоспособности, устанавливаемый экспертами, — утрата же общей трудоспособности приобретает значение лишь в случае полной утраты способности к профессиональному труду.

Таким образом, судебно-медицинскими экспертами профессиональная трудоспособность всегда устанавливается ориентировочно, «на глазок»: цифру процентов утраты профессиональной трудоспособности в любом акте можно произвольно изменить, и ни один эксперт не сможет отстоять правильность своего заключения.

А между тем работа суда пока сводится к чисто арифметическому подсчету потери трудоспособности, в соответствии с необоснованными цифрами процентов, которые сообщает экспертиза.

А ведь за этими «процентами» стоят интересы советских граждан, интересы Советского государства.

Сейчас, когда советская медицина прочно находится на пути, указанном великим русским физиологом И. П. Павловым, особенно очевидна недопустимость подобного механического подхода к оценке состояния здоровья человека. Основу материалистического учения И. П. Павлова составляет теория о целостности организма, находящегося в постоянном взаимодействии с внешней средой, которое обеспечивается координирующей деятельностью центральной нервной системы (в противоположность этому метафизическая идеалистическая теория Вирхова рассматривает организм как механическую сумму отдельных его частей, сумму клеток). Попытка оценить дефект или заболевание как местное, не учитывая единства всего организма, представляет собой отход от материалистического и диалектического понимания явлений. Не так удивительно то, что юристы, в своем большинстве не знающие сказанного выше, требуют от экспертов процентного выражения утраты трудоспособности. Странно то, что сами судебно-медицинские эксперты не отказались от антинаучного метода. Давно обсуждая вопрос между собой и на съезде и на

конференциях, они не поднимают его на страницах печати и в соответствующих организациях. Недостаточно принципиальную позицию здесь занимает и Главная судебно-медицинская экспертиза.

Что же следует предпринять для правильного решения экспертизой вопроса о возмещении ущерба пострадавшим при несчастных случаях на производстве?

Первым и совершенно необходимым мероприятием должен быть отказ от процентного принципа. Нужно перейти к классификации степени утраты трудоспособности соответственно принятым в системе ВТЭК группам инвалидности (специалисты по трудовой экспертизе давно научно обосновали эту классификацию).

Для лиц, имеющих последствия незначительных повреждений, которые остаются вне третьей группы, следует ввести четвертую группу.

Следует усилить внимание к трудоустройству пострадавших, которого до настоящего времени ни суд, ни судебно-медицинские эксперты не уделяли.

Советские люди любят свою Родину, любят труд, направленный на расцвет нашего государства. Для советского человека естественна радость труда, радость работы в коллективе. Поэтому каждому инвалиду должна быть предоставлена возможность использовать свою сохранившуюся трудоспособность.

В судебном заседании (или до него) должно быть выяснено, какую работу может предоставить предприятие пострадавшему от несчастного случая на производстве. При этом надо руководствоваться конкретными указаниями о трудоустройстве, которые должны быть даны медицинской экспертизой. Возможно, что человеку, частично потерявшему трудоспособность, потребуется переквалификация. В таком случае целесообразно ввести обязанность ответчика на период обучения возместить пострадавшему весь бывший заработок, а затем после обучения выплачивать лишь соответствующую его часть.

Следует пересмотреть вопрос о праве зачета заработка в счет возмещения вреда только в том случае, если потерпевший продолжает работать на том же предприятии. Такое положение способствует тому, что многие лица, которые могли бы работать и приносить пользу государству, уклоняются от этого, чтобы получить всю сумму возмещения полностью.

Нам кажется, что выплачивать возмещение вреда при потере трудоспособности не следует, если человек, имеющий возможность работать, не желает этого делать (кстати, такой принцип применяется по отношению к инвалидам третьей группы, которые получают пенсию только в том случае, если работают). Такая постановка вопроса имела бы значение и для быстрого восстановления утраченной трудоспособности, что в противном случае может неоправданно затянуться.

Широкая приспособительная деятельность центральной нервной системы обеспечивает компенсаторное восстановление способности к труду людей с различными дефектами и заболеваниями. Инвалид, занимающийся доступной ему трудовой деятельностью, активно способствует своему выздоровлению и компенсации имеющегося недостатка.

Мы полагаем, что на основании оценки утраты трудоспособности в соответствии с группами инвалидности, размеров бывшего заработка, возможностей трудоустройства, рекомендованного экспертизой, семейного и имущественного положения потерпевшего, размера получаемой пенсии суд будет иметь все основания для правильного решения вопроса о размерах сумм, подлежащих выплате в виде возмещения за причинение ущерба здоровью пострадавшего.

Несколько слов об организационных формах экспертизы утраты трудоспособности при несчастных случаях на производстве.

Возможна передача всей экспертизы в ведение ВТЭК, которые обычно все равно проводят освидетельствование потерпевших и решают все необходимые вопросы (в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. подчеркивается, что лишь при невозможности или затруднительности представления в суд заключения ВТЭК назначается судебно-медицинская экспертиза). Участие во ВТЭК специалиста — судебно-медицинского эксперта — будет необходимо только в случае, если имеется неясность в обстоятельствах травмы, отсутствуют или вызывают сомнение документы и т. д. Установление же самого механизма образования повреждения, несомненно, всегда является судебно-медицинской функцией.

Возможно и создание при областных бюро судебно-медицинской экспертизы комиссий типа ВТЭК под председательством судебно-медицинского эксперта с участием трех специалистов (терапевт, хирург, невропатолог). Однако это требует соответствующего пересмотра штатов.

Окончательное решение поднятых в настоящей статье вопросов требует обсуждения среди юристов и врачей.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТЕПЕНИ ТЯЖЕСТИ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ

Проф. Н. Владимировский

Для практической работы судебно-медицинской экспертизы большое значение имеет правильное разрешение юридической квалификации тяжести телесных повреждений. Один из таких крайне важных вопросов уже поднимался на страницах журнала «Социалистическая законность»¹.

В статье «Квалификация телесных повреждений» авторы говорят о необходимости изменения правил освидетельствования живых лиц. Мне думается, что дело не в изменении правил, а в необходимости изменить редакцию ст.ст. 142 и 143 УК РСФСР, так как каждый практический судебно-медицинский эксперт испытывает затруднения при определении степени тяжести телесных повреждений живых лиц.

Вопрос об этих трудностях со времени появления ст.ст. 142 и 143 в существующей редакции не сходит с повестки дня судебно-медицинских съездов и конференций. Почти на каждом съезде ставились доклады, выносились резолюции с ходатайством о пересмотре редакции указанных статей; резолюции направлялись в вышестоящие юридические органы, — но все оставалось и остается в прежнем положении. Это до сих пор способствует существованию большого разнобоя при определении степени тяжести телесных повреждений.

Не погрешив против истины, можно сказать, что и не все юристы разбираются в редакции ст.ст. 142 и 143 УК, не говоря уже о лицах, не имеющих юридического образования. Естественно поэтому и произвольное толкование указанных статей врачами.

Как пример приведу часть ст. 142, гласящую «...или явилось последствием причинения систематических, хотя бы и легких повреждений». Как понимать эту «систематичность»? Каково количество, каков промежуток между нанесением повреждений, чтобы это понятие соответствовало «систематическому»? А ведь из этих вопросов вытекает применение медицинской квалификации, соответствующей ст.ст. 142 или 143 — в зависимости от субъективной оценки экспертом того или иного повреждения.

Еще больше затруднений на практике встречает судебный медик в конкретизации и раскрытии содержания термина «причинившие» и «не причинившие расстройства здоровья». Что надо положить в основу такого определения?

В течение многих лет при консультациях и в беседах на эту тему с юристами приходилось слышать от них стереотипный ответ: «вы — врачи, и решайте сами». Квалифицированный судебный медик, естественно, может решить такие вопросы и решает их ежедневно. Ну, а как будет решать их малоквалифицированный эксперт, особенно врач, приглашенный в порядке ст. 193 УПК?

Заключение последних может являться источником судебных ошибок, что совершенно недопустимо. Можно ли мириться с подобным положением? Никак нельзя. В таком же положении может очутиться и рядовой юрист-практик, и любой работник органов расследования.

¹ Н. Миронович и В. Тыверовский, «Квалификация телесных повреждений», «Социалистическая законность» 1951 г. № 1, стр. 21—23.

Советские судебные медики настойчиво добиваются улучшения понимания и конкретизации терминов, вложенных законодательством в понятие телесных повреждений. Автором этих строк в 1950 году на Всесоюзной конференции судебных медиков и криминалистов был сделан доклад об определении степени тяжести телесных повреждений. Основная сущность доклада сводилась к тому, что существующие в ст.ст. 142 и 143 УК определения: «причинившие расстройство здоровья» и «не причинившие расстройства здоровья» являются понятиями бесприметными.

Для внесения ясности в понимание туманных терминов мною предложена в качестве объективного критерия (один из важнейших в нашей советской действительности критериев) утрата трудоспособности с обязательным трехступенным делением повреждений по тяжести. Такой подход более широко охватывает вопрос по существу и ликвидирует существующий субъективизм в определении степени тяжести телесных повреждений.

В качестве основных документов, подтверждающих утрату трудоспособности, будут являться: листок нетрудоспособности, история болезни, для некоторых граждан — амбулаторная карта. Безусловно, необходимо установить средние сроки длительности лечения для восстановления трудоспособности после повреждений, а эти сроки должны быть указаны в соответствующих ведомственных распоряжениях, инструкциях и т. п. Предпосылки для этого есть в опыте, накопленном лечащими врачами и судебными медиками.

Чтобы показать, к чему может повести шаблон в квалификации повреждений на основе текста ст. 143 УК, приведем три простых примера. 1) Перед нами потерпевший с жалобой на боль в пальце. На рентгенограмме — перелом кости ногтевой фаланги. По смыслу ст. 143 УК мы обязаны квалифицировать повреждение как легкое с расстройством здоровья, считая, что для заживления кости надо около четырех недель. 2) Доставляют потерпевшего с переломом двух костей голени. Повреждение квалифицируется тоже как легкое с расстройством здоровья, но на излечение требуется уже 10—12 недель. 3) Перелом бедра: та же квалификация — легкое телесное повреждение с расстройством здоровья, тогда как в этом случае при благополучном исходе требуется 12—14 недель лечения.

Каждому ясно, что знак равенства между переломом ногтевой фаланги и переломом бедра ставить нельзя; тем не менее при существующей редакции ст. 143 УК приходится его ставить. Не приходится удивляться, когда судебный медик слышит от потерпевшего, получившего перелом костей ноги, следующее: «Вы, доктор, определили, что перелом ноги относится к легким повреждениям. Так возьмите себе такое легкое телесное повреждение!»

Надо признать, что внесение поправки в редакцию ст.ст. 142 и 143 УК — давно назревшая необходимость, требуемая самой жизнью.

Нам кажется, что исчерпывающей была бы такая редакция ст. 142 УК: «Умышленное тяжкое телесное повреждение, опасное для жизни, повлекшее за собой потерю зрения, слуха или какого-либо иного органа, неизгладимое обезображение лица, душевную болезнь или иное расстройство здоровья, со значительной потерей трудоспособности...».

Часть 2 ст. 142 УК остается в прежней редакции.

Статью 143 УК желательно сформулировать так: «Умышленное средней тяжести телесное повреждение, не опасное для жизни, сопровождающееся утратой трудоспособности не свыше одной трети...»

Умышленное легкое телесное повреждение без потери трудоспособности...».

В ведомственных указаниях надо отметить, что к значительной утрате трудоспособности следует относить потерю ее не ниже одной трети или продолжительность лечения свыше десяти — двенадцати недель.

Под систематическими легкими телесными повреждениями следует понимать нанесение повреждений через промежутки времени от одного-двух дней до двух недель в течение двух-трех месяцев.

Длительность лечения при повреждениях, указанных в ст. 143, должна быть также отмечена в ведомственных указаниях: к ч. 1 ст. 143 — длительность лечения от двух до восьми — десяти недель; к ч. 2 ст. 143 — длительность лечения до двух недель без потери трудоспособности.

То обстоятельство, что в настоящее время составляется союзный Уголовный кодекс, еще раз заставляет вынести вопрос об определении степени тяжести телесных повреждений по ст. ст. 142 и 143 УК на страницы печати для совместного обсуждения юристами и судебными медиками как вопрос принципиальный, правильное решение которого принесет пользу советскому правосудию.

От редакции.— Редакция просит читателей журнала высказаться по затронутому проф. Н. Владимирским вопросу.

О-
ой
и
т
о-
3,
-
-

ПОДНАЕМ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ И ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

А. Каплан

Важное значение имеет практика Верховного суда СССР по делам поднайма жилой площади, так как многие вопросы, относящиеся к поднайма, нашли в ней принципиальное разрешение.

Прежде всего это относится к вопросам общего характера: 1) об условиях допустимости поднайма в государственном жилищном фонде, где действует принцип планового распределения жилой площади, и 2) об условиях правомерного использования съемщиком принадлежащего ему права сдавать свою жилую площадь в поднаем.

I

Вскоре после издания закона от 17 октября 1937 г. в практике Верховного суда СССР был высказан взгляд, что сдача в поднаем жилой площади в домах государственного жилищного фонда с точки зрения этого закона недопустима. Право съемщика сдавать от себя указанную жилую площадь в пользование поднаемателям отрицалось Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР на том основании, что «таковая категория пользователей и такие формы использования государственного жилого фонда не предусмотрены постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г.»¹.

Однако последующая практика Верховного суда СССР отказалась от этой точки зрения, несовместимой с действующими в союзных республиках гражданскими кодексами, предусматривающими право съемщиков сдавать в наем от себя всю или часть находящейся в их пользовании жилой площади (ст. 168 ГК РСФСР и соответствующие ей статьи ГК других союзных республик).

В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 16 июля 1939 г. по делу Папкова и Кривицкого уже проводится взгляд, что «ни в законе, ни в инструкциях, изданных на основании закона, а также в типовом договоре найма жилого помещения не имеется запрещения сдавать жилую площадь в поднаем на условиях временного пользования»².

Таким образом, в настоящее время сдача жилой площади в поднаем не встречает возражений с точки зрения допустимости ее в условиях действия закона от 17 октября 1937 г. Касаясь побуждений, по которым граждане сдают свою жилую площадь в поднаем, Пленум Верховного суда СССР в постановлении по делу Папкова и Кривицкого отметил, что, как видно из рассмотренных дел, сдача жилой площади в поднаем зачастую «вызвана не желанием съемщиков получить средства в виде

¹ Определение по делу Марковой с жилищным управлением об открытии лицевого счета (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1938 год и первое полугодие 1939 года, стр. 151).

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за второе полугодие 1939 года, стр. 42.

квартирной платы», а желанием помочь родственникам, близким, знакомым и пр. даже «за счет стеснения жилой площадью себя и своей семьи».

В этих случаях сдача жилой площади в поднаем вполне совместима с целью, с которой жилая площадь предоставляется гражданам, — а именно, для удовлетворения личной потребности в жилье.

Отвечает требованиям закона и задачам правильного использования жилищного фонда также и сдача в поднаем своей жилой площади временно отсутствующими лицами, за которыми жилая площадь сохраняется в течение предусмотренного законом срока.

Но все эти соображения в пользу допустимости поднайма жилой площади с точки зрения закона и советской жилищной политики, преследующей цели наиболее целесообразного использования жилищного фонда, разрешают лишь одну сторону вопроса. Другой его стороной являются условия правомерного использования съемщиком принадлежащего ему права сдавать свою жилую площадь в поднаем.

Как этот вопрос разрешается в практике Верховного суда СССР, можно усмотреть из следующего дела. Козлов сдавал в своей квартире одну комнату в 9,5 кв. м поднаемателям Стахову и его жене Орленевой, которые платили за нее Козлову 200 руб. в месяц, а с марта 1948 года стали платить по 100 руб. По этой причине Козлов в апреле 1948 года предъявил иск о выселении их. Во всех инстанциях (вплоть до Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР) этот иск был удовлетворен. Пленум Верховного суда СССР, до которого дошло это дело, нашел, однако, требование Козлова о выселении поднаемателей не подлежащим удовлетворению. Пленум констатировал, что поскольку иск о выселении поднаемателей предъявлен Козловым сейчас же после их отказа платить ему более высокую плату за пользование комнатой, то совершенно ясно, что, добиваясь выселения поднаемателей, Козлов имел в виду вовсе не улучшение своих личных жилищных условий, которые, очевидно, вполне его удовлетворяли, так как он все время заселял свою жилую площадь новыми и новыми жильцами, а стремился путем освобождения от ставших невыгодными жильцов открыть для себя дальнейшую возможность извлечения из нее нетрудовых доходов. Исходя из этих мотивов, Пленум признал, что «удовлетворение исковых требований Козлова находится в резком противоречии со ст. 1 ГК РСФСР, согласно которой гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением»¹.

Из этого указания Пленума Верховного суда СССР вытекает, что правомерность сдачи жилой площади в поднаем определяется характером использования съемщиком принадлежащего ему права. Покуда это право используется в соответствии с его социально-хозяйственным назначением, т. е. служит лишь средством удовлетворения потребности граждан в жилище, оно охраняется законом и защищается судом. Закон и суд в этом случае в равной мере охраняют как право съемщика жилой площади сдавать ее в поднаем, так и право его потребовать освобождения занятой поднаемателем площади, если к тому имеются законные основания.

Но как только поднаем превращается в средство извлечения нетрудового дохода путем запрещаемого законом взимания повышенной квар-

¹ Постановление Пленума Верховного суда СССР от 29 августа 1940 г. по делу Козлова (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1940 год, стр. 103).

тирной платы (ст. 97 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик), съемщик уже не может рассчитывать на охрану и защиту его права судом.

Больше того, в этих случаях в силу п. «г» ст. 171 ГК РСФСР (и соответствующих статей и пунктов ГК других союзных республик) со съемщиком может быть даже расторгнут договор найма неправомерно используемой жилой площади.

Применение этой статьи Гражданского кодекса к жилой площади, сданной съемщиком в поднаем, потребовало от Верховного суда СССР ряда принципиальных разъяснений. Прежде всего требовалось уточнить, кому принадлежит право на иск о расторжении договора найма со съемщиком. По формулировке Гражданского кодекса договор этот может быть расторгнут «по требованию заинтересованных лиц и учреждений»¹. Значит ли это, что таким лицом может быть и поднаематель? Судебная практика, очевидно, допускала это. Пленум Верховного суда СССР разъяснил², что используемая в целях извлечения нетрудового дохода комната «может быть изъята у съемщика судом по иску прокурора или жилищного управления», и особо подчеркнул: «но не по иску поднаемателя» (п. 9). Мотивы Пленума при этом совершенно ясны: такого правомочия не предоставляет поднаемателю ни закон, ни договор поднайма, заинтересованность же поднаемателя в изъятии у съемщика жилой площади не дает ему права на иск.

Требовалось разъяснение Верховного суда СССР и относительно того, какая жилая площадь может быть изъята у съемщика по мотивам извлечения из нее нетрудового дохода. Может ли суд изъять на этом основании жилую площадь, на которой поднаематель проживает совместно со съемщиком и членами его семьи, или же только такую жилую площадь, которую поднаематель занимает индивидуально?

Пленум Верховного суда СССР 12 декабря 1940 г. разъяснил, что изъятой по мотивам извлечения нетрудового дохода может быть лишь отдельная изолированная комната, хотя бы и не являющаяся для съемщика излишком жилой площади (п. 9).

Когда средством извлечения нетрудового дохода является отдельная, изолированная, занимаемая поднаемателем комната, то съемщик подвергается не только уголовному наказанию, но и может быть лишен судом незаконно используемой комнаты. Требование изолированности нельзя понимать в том узком, ограничительном смысле, что изымаемая комната должна существовать как изолированная уже на момент предъявления иска об ее изъятии. Такое понимание создавало бы ничем не оправдываемое льготное положение для тех съемщиков, у которых эксплуатируемая в целях наживы комната оказывалась бы на момент предъявления иска неизолированной, в то время как технически она могла бы быть изолирована.

Другим неперенным условием, необходимым для изъятия комнаты, служащей для съемщика средством извлечения нетрудового дохода, является, по постановлению Пленума от 12 декабря 1940 г., систематическая сдача ее в поднаем с указанной целью (п. 9). Следовательно, при отсутствии систематичности в сдаче в поднаем жилого помещения за

¹ Пункт «г» ст. 171 ГК РСФСР.

² Постановление Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. «О судебной практике по применению постановления ЦИК и СНК СССР от 17 сентября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1940 год, стр. 24).

повышенную плату нет оснований для изъятия этого помещения у съемщика. В этом случае имеется лишь основание для привлечения съемщика к ответственности по ст. 97 УК РСФСР. Также нет основания для изъятия сдаваемой в поднаем комнаты и в том случае, когда она сдается хотя и систематически, но не за повышенную плату.

Как показывает смысловое значение слова систематичность, действия, характеризующиеся этим понятием, должны быть не случайными, а представлять собою систему действий, объединяемых общей целью или стремлением. Есть ли в тех или иных действиях система или, иначе говоря, являются ли они систематическими, можно установить лишь путем анализа и оценки этих действий в их совокупности. При этом надо иметь также в виду, что оценку, данную рассматриваемым действиям в одном случае, не всегда и не при всех обстоятельствах можно распространять на внешне одинаковые действия в другом случае. Здесь не может быть шаблона. Поэтому дать какие-либо общие, формальные признаки, пригодные для всех случаев установления наличия систематичности в сдаче в поднаем жилой площади, не только практически невозможно, но было бы и неправильно.

Приведем пример. Сырцова занимала квартиру из двух смежных комнат в 17 и 11 кв. м и одной изолированной в 14 кв. м. Жилищное управление передало изолированную комнату и одну из смежных комнат (размером в 11 кв. м) Путилину. Сырцова обратилась в суд с иском о возврате ей смежной комнаты. При рассмотрении дела представитель жилищного управления заявил, что Сырцова сдавала в наем две комнаты из трех, занимаемых ею в квартире. Это подтверждалось выпиской из домовой книги: на площади Сырцовой, начиная с декабря 1937 года по июль 1948 года, проживали в качестве временных жильцов разные лица, причем некоторые из них длительное время; ко времени вселения Путилина с площади Сырцовой выбыла семья Ивашечкиных, которая проживала в квартире Сырцовой с 1945 по 1948 год.

Судебная коллегия Верховного суда СССР не согласилась с решением суда о возврате Сырцовой смежной комнаты, отменила вынесенные по делу решения и определения и передала его на новое рассмотрение, указав, что эти обстоятельства «имеют существенное значение и должны быть обсуждены судом при разрешении дела, так как в случае систематической сдачи съемщиком комнаты в целях извлечения нетрудового дохода используемая в этих целях жилая площадь может быть изъята, даже когда она не является излишком».

Необходимо остановиться еще на том, что следует понимать под нетрудовым доходом. Извлечение нетрудового дохода налицо, если фактически взимаемая съемщиком плата за сдаваемое жилое помещение превышает размер квартирной платы, полагающейся за него на основании постановления исполкома местного Совета. Однако такое решение вопроса не всегда будет правильным. Жилая площадь зачастую сдается в поднаем с предоставлением поднаемателю права пользования мебелью, посудой и пр., оказанием ему различных бытовых услуг, с зачетом стоимости коммунальных услуг и т. п. При этих условиях превышение фактически взимаемой за помещение платы над размером ее, полагающимся по закону, не может рассматриваться как извлечение нетрудового дохода.

По делу Кондратьевой и Фесенко, по которому первой ставилось в вину извлечение нетрудового дохода от сдачи в поднаем комнаты, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР не признала этого факта, поскольку «взимание Кондратьевой с Фесенко повышенной квартирной платы в размере 150 руб. в месяц связано с поль-

зованием Фесенко мебелью Кондратьевой и предоставлением Фесенко бесплатных коммунальных услуг»¹.

Таким образом, вопрос, является ли взимаемая с поднаемателя плата за помещение источником нетрудового дохода для съемщика, должен всякий раз решаться не формально, а с учетом всех обстоятельств.

Следует остановиться еще на одном вопросе: требуется ли для предъявления исков об изъятии жилой площади предварительное осуждение съемщика в уголовном порядке за взимание с поднаемателя квартирной платы, превышающей установленные законом размеры?

Этот вопрос возникает в связи с постановлением Пленума Верховного суда СССР по делу Папкова и Кривицкого. «В случае установления факта взимания съемщиком повышенной квартирной платы с целью наживы и осуждения съемщика по ст. 97 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик жилищное управление может предъявить иск о расторжении договора по п. «г» ст. 171 ГК РСФСР и по соответствующим статьям ГК других союзных республик»².

Между тем ни п. «г» ст. 171 ГК РСФСР, ни другие законы не обуславливают предъявление иска о расторжении договора найма жилой площади предварительным осуждением съемщика за спекулятивное использование жилой площади. Факт взимания с поднаемателя повышенной квартирной платы с целью наживы, установленный по гражданскому делу, обязателен для суда и по делу уголовному, и наоборот, и не подлежит вторичному доказыванию. Таким образом, совершенно безразлично, установлен ли этот факт в порядке уголовного или гражданского судопроизводства. Поэтому для предъявления указанных исков об изъятии жилой площади нет надобности, чтобы съемщик был предварительно осужден по ст. 97 УК РСФСР.

Так именно и разрешает этот вопрос постановление Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. По п. 9 этого постановления право предъявления иска об изъятии жилой площади, используемой съемщиком в спекулятивных целях, принадлежит как прокурору, так и жилищному управлению, причем это право предварительным осуждением съемщика не обусловлено.

II

Другую группу вопросов, нашедших разрешение в практике Верховного суда СССР по делам о поднаеме жилой площади, составляют: правовое положение поднаемателя, а также условия прекращения, возобновления и досрочного расторжения договора поднайма.

Правовое положение поднаемателя в основных чертах определено постановлением Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. Поднаематель не имеет самостоятельного права на занимаемую им жилую площадь (п. 4). Это право принадлежит съемщику площади (п. 1). Таким образом, право поднаемателя основано на праве съемщика и зависит от него. Зависимость эта выражается главным образом

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1938 год и первое полугодие 1939 года, стр. 146.

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за второе полугодие 1939 года, стр. 42.

в том, что «с момента освобождения помещения съемщиком договор поднайма прекращается», — под таким заголовком опубликовано определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 22 февраля 1940 г. по делу Шафранович с Хрюкиной¹. С прекращением же договора поднайма у поднаемателя не остается законного основания для дальнейшего пользования занимаемым помещением, и он обязан освободить его одновременно с освобождением его основным съемщиком.

Обязанность поднаемателя освободить помещение, оставленное съемщиком, является безусловной. Если поднаематель добровольно не выполняет ее, он подлежит выселению в судебном порядке по иску домоуправления или вышестоящего жилищного органа либо по иску лица, которому в установленном порядке выдан ордер на помещение, которое незаконно продолжает занимать поднаематель.

В тех случаях, когда у суда нет оснований отказать в иске о выселении поднаемателя из помещения, освобожденного съемщиком, поднаематель может остаться в нем лишь при условии приобретения им самостоятельного права пользования этим помещением. Самостоятельное право на освобожденную съемщиком жилую площадь может быть установлено для бывшего поднаемателя лишь соответствующими жилищными органами, в распоряжении которых находится освобожденная жилая площадь. В практике вопрос о порядке приобретения этого права разрешается не всегда правильно. Нередко суды сами выносят решения о передаче в самостоятельное пользование поднаемателю освобожденной съемщиком жилой площади. Между тем суды по своей компетенции не вправе этого делать.

В связи с изъятием у съемщика комнаты возникает вопрос: в чье распоряжение суд обязан передать изъятую комнату? Суды нередко выносят решения об оставлении изъятых комнат в дальнейшем пользовании поднаемателя. Суды при этом упускают из виду, что с момента изъятия комнаты у съемщика действие договора поднайма прекращается и поднаематель теряет право на пользование ею, — таким образом, оставление помещения в пользовании поднаемателя является по существу наделением его жилой площадью за счет жилищного фонда, которым суд распоряжаться не вправе.

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. (п. 7) запрещает судам заниматься наделением граждан жилой площадью, относящимся к компетенции жилищных органов, но не суда. Изъятие у съемщика жилого помещения, которое тот использовал как средство извлечения нетрудового дохода, суд обязан передать это помещение в распоряжение жилищных органов, и от них уже зависит, оставить ли его в пользовании бывшего поднаемателя, выдав ему ордер на него, или обратиться в суд с иском о выселении бывшего поднаемателя как лица, занимающего жилую площадь без законного основания.

Необходимо указать на неправильный взгляд, что право поднаемателя на освобожденную съемщиком жилую площадь приобретается в результате долговременного проживания на площади съемщика, — отсюда судебной практикой допускаются ошибки.

Как разъяснила Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, этот взгляд противоречит руководящим указаниям Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г., в силу которых под-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1940 год, стр. 269.

наниматель не может приобрести права на жилую площадь съемщика, сколько бы он, поднаниматель, ни проживал на ней¹.

Распространен также и другой ошибочный взгляд, что самостоятельное право на занимаемую жилую площадь может быть приобретено поднанимателем путем открытия ему домоуправлением самостоятельного лицевого счета.

Так, например, Варшавская, вселившаяся на площадь съемщика Банфельда в качестве поднанимателя, осталась проживать на ней и после выезда Банфельда. Домоуправление открыло Варшавской самостоятельный лицевой счет, затем заключило с ней договор найма жилого помещения. Несмотря на это, жилищный отдел Выборгского района Ленинграда предъявил к Варшавской иск о выселении по тем мотивам, что она, поселившись на спорной площади как поднаниматель, самостоятельного права на эту площадь после выезда с нее съемщика Банфельда не приобрела.

Народный суд согласился с этими мотивами и постановил выселить Варшавскую, а заключенный с нею договор жилищного найма признал недействительным, как совершенный в обход закона. Ленинградский городской суд оставил это решение в силе. Однако Верховный суд РСФСР отменил решение народного суда и определение Ленинградского городского суда и отказал в иске о выселении Варшавской на том основании, что Варшавская состоит с домоуправлением в договорных отношениях по найму жилой площади, ей открыт лицевой счет на занимаемую жилую площадь и по этому счету с нее с 1946 года получается квартирная плата.

Пересмотревшая это дело Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР не согласилась с тем, что Варшавская в данных конкретных условиях приобрела самостоятельное право на занимаемую ею жилую площадь². Судебная коллегия сослалась на ст. 23 Закона от 17 октября 1937 г., согласно которой свободные жилые помещения в домах местных Советов предоставляются гражданам в пользование исключительно лишь по ордерам жилищных органов. Открытие же Варшавской лицевого счета и заключение с нею договора жилищного найма, не основанные на ордере жилищного органа, явились грубым нарушением закона и, следовательно, прав на пользование жилой площадью для Варшавской не создали.

Договор поднайма прекращается также и за истечением срока, на который он заключен. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. допускает заключение договора поднайма как на определенный, так и на неопределенный срок (п. 5), в отличие от договора найма со съемщиком, заключаемого согласно ст. 24 Закона от 17 октября 1937 г. исключительно на срок определенный — не свыше пяти лет. Пункт 5 этого постановления дает право съемщику потребовать выселения поднанимателя тотчас же по истечении срока договора, а если он заключен на неопределенный срок, то по истечении трех месяцев со дня предупреждения о прекращении договора³.

Возобновление договора поднайма по истечении его срока находится в зависимости исключительно от усмотрения съемщика. Такого права,

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по делу Тбилисского городского жилищного управления к Нельской („Судебная практика Верховного суда СССР“ 1948 г., вып. I, стр. 9).

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 10 февраля 1951 г. по иску жилищного отдела исполкома Выборгского районного Совета депутатов трудящихся к Варшавской.

³ Статья 155 Гражданского кодекса РСФСР (и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик).

какое гарантировано законом съемщикам в виде обязательного возобновления договора найма жилой площади при условии добросовестного выполнения его съемщиком, у поднанимателя нет. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР разъяснила, что возобновление договора поднайма «не зависит от соблюдения поднанимателем условий договора (уплата квартирной платы и пр.)»¹.

В силу зависимости поднайма только от воли съемщика никто не может заставить его возобновить договор поднайма, если он этого не желает. Даже в тех случаях, когда дело идет о возобновлении договора поднайма в ведомственном доме, где согласие владельца дома на поднаем имеет решающее значение (как это предусматривает, например, украинское законодательство²), — согласие владельца на возобновление договора поднайма не играет абсолютно никакой роли в споре поднанимателя со съемщиком по этому вопросу.

Верховный суд Украинской ССР, например, отменил решение народного суда о выселении поднанимателя за истечением срока договора, мотивировав свое определение об отмене тем, что владелец дома не возражает против дальнейшего проживания в его доме ответчика-поднанимателя. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, однако, не согласилась с этим и указала, что «согласие владельца дома, завода «Большевик», на проживание поднанимателя Володарского на площади основного семщика квартиры Лишневецкого также не может создавать для последнего обязанности сохранять в дальнейшем договорные отношения с поднанимателем Володарским»³.

В заключение — несколько слов о досрочном расторжении договора поднайма. Этот вопрос чрезвычайно слабо отражен в практике Верховного суда СССР. Единственное указание по этому поводу, да и то сделанное вскользь, содержится в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. В п. 5 этого постановления указание о выселении съемщика по истечении срока договора сопровождается оговоркой: «если к досрочному выселению нет других поводов, основанных на законе». Пленум, следовательно, допускает досрочное расторжение договора с поднанимателем, если к тому имеются законные основания. Специально для поднайма такие основания законом не предусмотрены. Очевидно, они — те же, что и установленные ст. 171 ГК РСФСР для досрочного расторжения договора найма.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по делу Лишневецкого с Володарским (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1941 год, стр. 118).

² Статья 2 постановления ЦИК и СНК Украинской ССР от 11 июня 1938 г. — «Об условиях поднайма жилой площади в Украинской ССР» (СЗ Украинской ССР 1938 г. № 31, ст. 126).

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по делу Лишневецкого с Володарским (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1941 год, стр. 118).

О СУДЕЙСКОЙ БЕСПРИСТРАСТНОСТИ

А. Кукаров

Помощник прокурора Калининской ж. д.

В журнале «Социалистическая законность» (№ 7 за 1953 год) напечатана статья народного судьи т. М. Буня «О судейской беспристрастности». Автор правильно считает эту тему чрезвычайно важной.

Деятельность органов социалистического правосудия рассматривается как активная деятельность. Она регулируется законом, исходя из задач Советского государства в период постепенного перехода от социализма к коммунизму. Следовательно, активность действий каждого работника суда, прокуратуры и следствия в осуществлении поставленных перед ними задач есть их прямая обязанность.

Можно ли сводить понятие о судейской беспристрастности к пассивности советского суда, в частности — к пассивной роли судей в судебном следствии? Безусловно, нельзя.

Партия и Советское правительство всегда вели и ведут решительную борьбу с пассивным отношением органов социалистического правосудия к разоблачению врагов народа, расхитителей социалистической собственности, всякого рода нарушителей советских законов, нарушителей социалистического правопорядка.

В. И. Ленин на XI съезде партии в 1922 году, ставя задачу перед органами Госполитуправления и судами энергично и решительно бороться с врагами пролетарской революции, говорил:

«...наши суды должны делать это не так вяло, как делают до сих пор, а помнить, что они — пролетарские суды, окруженные врагами всего мира» (Соч., т. 33, стр. 261).

В. И. Ленин не терпел пассивности, волокиты, киселеобразности в деятельности судов, Наркомюста. Он призывал бороться с классовым врагом активно, энергично, по всем правилам искусства.

Основные черты, определяющие сущность советского уголовного процесса, относятся ко всем его стадиям.

Активность в деятельности всех органов социалистического правосудия выражает и определяет единство их задач в борьбе с преступностью, в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей. Следовательно, пассивность судей в стадии судебного следствия недопустима, практически вредна.

При пассивном отношении суда в судебном заседании к исследованию доказательств и раскрытию истины по делу суд не в силах вынести правильный и обоснованный приговор, не сможет правильно разрешить все вопросы, предусмотренные в ст. 320 УПК РСФСР, т. е. вопросы, связанные с обоснованностью приговора. Вынесение же судом необоснованного приговора является одним из самых вредных последствий, так как в этих случаях подрывается принцип законности в деятельности органов социалистического правосудия.

Такое отношение суда неизбежно приводит к нарушению требований ст. 23 Основ уголовного судопроизводства, согласно которой приговор должен быть основан на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Данные предварительного следствия должны

быть рассмотрены и проверены судом в процессе судебного следствия, и только такие данные могут быть положены в основу приговора.

При пассивном и формальном отношении к рассматриваемому делу суд не сможет правильно оценить данные предварительного следствия. Неправильная же оценка судом данных, добытых на предварительном следствии и недостаточно проверенных в судебном заседании, ведет в свою очередь к ряду вредных последствий, в частности к ошибкам.

В практике судов чаще всего встречаются следующие ошибки, вытекающие из пассивности и формального отношения суда к рассматриваемому в судебном заседании делу.

Иногда суд, видя в ходе судебного следствия, что дело недостаточно выяснено и что по делу могут быть истребованы новые доказательства, все же продолжает и заканчивает судебное следствие при недостаточно выясненных обстоятельствах и в итоге выносит необоснованный приговор, вместо того чтобы самому по возможности добыть новые доказательства или же направить дело на дополнительное расследование.

Иногда суд, не проводя активного судебного следствия, неосновательно возвращает дело органам предварительного следствия, т. е. возвращает дело к исследованию по таким обстоятельствам и данным, которые достаточно исследованы органами предварительного следствия и требуют лишь оценки их судом. Такое неосновательное возвращение к исследованию дела ведет, как правило, к волоките.

Часто встречаются и такие ошибки, когда суд в ходе судебного следствия по собственной инициативе легко мог бы добыть новые доказательства, неизвестные ранее органам предварительного следствия, однако опять-таки не истребует этих доказательств, а возвращает дело к исследованию.

Можно привести ряд примеров игнорирования требований ст. 23 Основ уголовного судопроизводства (ст. 319 УПК РСФСР), влекущих за собой вынесение необоснованных приговоров.

Сошлемся на последние данные судебной практики Верховного суда СССР (см. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1953 г. № 4).

По протесту Председателя Верховного суда СССР определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 9 мая 1953 г. отменен как необоснованный приговор народного суда Охотского района Нижне-Амурской области по делу Егорова, осужденного по ч. 2 ст. 116 УК РСФСР, и дело дальнейшим производством прекращено.

В определении Судебной коллегии отмечено, что народный суд в нарушение ст. 23 Основ уголовного судопроизводства (ст. 319 УПК) обосновал свой вывод о виновности Егорова не на данных, рассмотренных в судебном заседании, а на данных предварительного расследования (которое было к тому же проведено с нарушением ст. 111 УПК РСФСР).

Несмотря на явную неполноту предварительного расследования, из семи свидетелей, указанных в списке обвинительного заключения, был допрошен в судебном заседании лишь один свидетель — Комаров.

Насколько невнимательно суд подошел к проверке данных предварительного следствия, свидетельствует тот факт, что суд в приговоре повторил ошибку предварительного следствия: мотивировал виновность Егорова в присвоении 2500 руб. справкой отделения милиции поселка Моготуйск об отсутствии в этом поселке управления рынками, тогда как

из имеющегося в деле счета видно, что 2500 руб. уплачены Егоровым управлению рынками г. Читы.

В итоге судебная коллегия отмечает, что народный суд судебное следствие провел формально, с нарушением ст. 257 УПК РСФСР, требующей направления судебного следствия в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины.

Не менее характерным является определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Заварькина.

Приговором Новосибирского областного суда Заварькин был признан виновным в том, что, работая шофером орс^а Томской ж. д., систематически нарушал трудовую дисциплину, выезжал на автомашине в нетрезвом виде, вследствие чего неоднократно задерживался государственной автоинспекцией. Этим же приговором суд признал недоказанной основную вину Заварькина в том, что он 4 августа 1952 г., находясь в нетрезвом состоянии и управляя автомашиной № НБ-31-31, во время следования по улице наехал на пешехода Миракина, нанес ему смертельные повреждения и с места происшествия скрылся. В связи с этим действия Заварькина, квалифицированные предварительным следствием по ч. 2 ст. 59^а УК РСФСР, судом переквалифицированы на ч. 1 ст. 59^а.

Приговор этот по протесту Председателя Верховного суда СССР отменен и дело направлено на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства на том основании, что судом нарушены требования ст. 319 УПК, так как оценка доказательств судом дана без учета всех обстоятельств, установленных по делу.

В определении судебной коллегии отмечено, что вывод суда о невиновности Заварькина в основном преступлении основан лишь на предположении. Судебная коллегия сослалась на то, что зафиксированное в акте осмотра места происшествия положение трупа Миракина опровергает показание свидетеля Волкова, подтвердившего, что пешеход Миракин шел навстречу автомашине. В судебном заседании не допрошены составители акта осмотра места происшествия или специалисты, которые могли бы дать заключение по этому поводу.

Не трудно видеть, что эти ошибки проистекают именно из-за недооценки судебного следствия, что привело к пассивному и формальному отношению суда к рассматриваемому в судебном заседании делу.

Действующие уголовно-процессуальные законы обязывают судей не пассивно, а активно проводить и направлять судебное следствие в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины. Именно эта обязанность лежит на судьях при выполнении в судебном заседании требований ст. ст. 257, 283, 289, 290, 294, 295—302, 311—316, 325 УПК РСФСР (а также соответствующих статей УПК других союзных республик).

Правильно пишет т. Буня в своей статье, что судебская беспристрастность в советском уголовном процессе заключается не в пассивной роли судей в судебном следствии, не в беспринципном их отношении к рассматриваемому делу, а в тщательном и всестороннем исследовании дела в судебном заседании, в активном исследовании дела непосредственно судьями, в объективном подходе ко всем доказательствам и свободной оценке их судом.

Судейская беспристрастность достигается и обеспечивается установленными в советском уголовном процессе порядком и способами проверки правильности действий суда, обеспечением гражданам гарантированных законом прав и обязанностей при осуществлении задач социалистического правосудия.

Ряд мер и средств обеспечения судейской беспристрастности в советском уголовном процессе прямо предусмотрен законом.

Научные работники права в содружестве с практическими работниками органов суда, прокуратуры и следствия должны глубоко обосновать вопрос о судейской беспристрастности, так как в имеющейся советской правовой литературе этот вопрос почти не освещен. Имеются отдельные высказывания, но большинство из них неправильные и сводят это понятие именно к пассивной роли суда при рассмотрении дел.

При теоретической разработке нужно научно обобщить практику работы судебных органов, свидетельствующую об активной деятельности советского суда в разрешении поставленных перед ним задач Советским государством.

* *

С. Бабак

Прокурор Шосткинского района Сумской области Украинской ССР

В статье народного судьи г. Глазова Удмуртской АССР т. М. Буны «О судейской беспристрастности» затронут чрезвычайно важный и серьезный вопрос.

Судебное следствие по делу — важный этап в раскрытии и установлении объективной истины. От того, как будет проведено судебное следствие судом, зависит, справился он или нет с возложенными на него задачами.

Приведенный в статье т. Буны пример с делом крупного расхитителя государственного добра Иванова ни в коей мере не может служить примером судейской беспристрастности. Такое судебное «следствие», когда в начале его все ясно, а к концу «туман получается», — образец судейской беспомощности и грубого нарушения уголовно-процессуального законодательства. Подсудимый Иванов совершил преступление, предусмотренное ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Поэтому в рассмотрении этого дела должен принимать обязательное участие прокурор, однако об участии его т. Буны ничего не говорит.

Роль председательствующего четко определена в законе. Председательствующий в судебном заседании, говорится в ст. 257 УПК РСФСР, управляет ходом судебного заседания, устраняет из судебного следствия и прений сторон все, не имеющее отношения к делу, направляет судебное следствие в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины. Отсюда видно, что задача председателя суда, а равно и остальных судей заключается именно в активной деятельности, направленной на установление истины по делу.

Тов. Буны совершенно забыл о сторонах в уголовном процессе, свел содержание своей статьи к поведению председателя суда в ходе судебного процесса.

Между тем по большинству важнейших категорий уголовных дел в судах выступают обвинители и защитники. Давно уже в юридической литературе установилось твердое мнение, что порядок допроса подсудимого, установленный в УПК УССР, — наиболее правильный. Такой порядок, когда подсудимый допрашивается сначала сторонами, а после них судом, нередко применяется и судами других союзных республик.

Значит ли это, что с последовательным применением и проведением в жизнь принципа состязательности уменьшается активность суда, при-

нижается его роль? Нисколько! Наш суд никогда не может безразлично относиться к происходящему на судебном следствии. Он не может оставить неисправленными ошибки сторон, участвующих в деле; поэтому умело поставленными вопросами суд обязан выяснить то, что не выяснено сторонами, восполнить судебное следствие с таким расчетом, чтобы к его окончанию не было невыясненных вопросов, чтобы не осталось места для сомнения.

Если советский уголовно-процессуальный закон требует активности суда по делам, где принимают участие стороны, то рассмотрение судом уголовных дел без участия обвинителя и защиты требует от председателя судебного следствия и членов суда еще большей активности и настойчивости в проведении судебного следствия.

Следует особо подчеркнуть, что проведение принципа гласности в уголовном процессе возлагает на наш советский суд большие задачи по воспитанию граждан в духе глубокого уважения к советским законам. Деятельность советского суда повсеместно проходит под контролем общественности, а это заставляет каждого судебного и прокурорского работника сознавать повышенную ответственность за свою работу.

Судья должен быть вежливым и культурным, однако он должен последовательно и настойчиво, принципиально и активно проводить принцип объективной истины. В этом отношении интересной является заметка «Положительный опыт работы народного судьи 2-го участка Клиновского района Брянской области тов. И. Ф. Зотовой» («Социалистическая законность» 1953 г. № 1, стр. 53—56). Особенно ценным является то, что т. Зотова не допускает случаев необоснованного возвращения дел к доследованию путем соответствующего дополнения судебного следствия, его активизации.

Истина, которую устанавливает суд, должна быть понятна массам. «Советский суд, — пишет акад. А. Я. Вышинский, — должен прежде всего уметь убедить, доказать, подчинить общественное внимание своему моральному влиянию и авторитету. Убедить массы в правильности своих решений, направленных против вражеских остатков эксплуататорских классов и их агентуры, против кучки недисциплинированных и разложившихся людей из своего собственного класса, — это исключительно важная общественно-политическая задача» («Теория судебных доказательств в советском праве», изд. 3-е, 1950, стр. 26)

Из всего вышесказанного видно, что нашему судье нечего скрывать свое отношение к преступлению. Тов. Буня прав, указывая на необходимость активного исследования судьями обстоятельств дела при проведении судебного следствия.

* * *

Н. Стройков

Народный судья Свечинского района Кировской области

С точкой зрения народного судьи г. Глазова Удмуртской АССР М. Буня следует полностью согласиться.

Некоторые народные судьи, ссылаясь на принцип состязательности в советском процессе и придерживаясь трактовки отдельных наших ученых-юристов, неправильно считают, что в ходе судебного следствия только на прокурора возложена обязанность доказать наличие состава

преступления, вменяемого подсудимому, суд же не должен проявлять активности в исследовании всех обстоятельств по делу. Этим якобы достигается судейская беспристрастность. Такое понимание судейской беспристрастности в советском процессе на практике нередко приводит к вынесению необоснованных приговоров.

В советском процессе состязательность сторон обеспечивает достижение соответствия данных, добытых в судебном заседании, фактам объективной действительности. Причем это соответствие должно быть настолько убедительным, чтобы у присутствующих в зале суда никаких сомнений не возникало. Но этого можно достигнуть только при наличии активного ведения судебного следствия судьями, когда суд (в частности, председательствующий) проявляет свое отношение к тем или иным доказательствам и вообще к делу, не скрывая этого от публики.

Проф. М. Чельцов, говоря о принципе состязательности в советском процессе, ссылается на определение А. Вышинского: «Советский принцип состязательности — это состязательность сторон плюс активное участие в судебном процессе самого суда на основе гласности и равенства сторон, на основе социалистического демократизма, являющегося важнейшей гарантией правильного, справедливого осуществления социалистического правосудия» (А. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, изд. 3-е, 1950, стр. 249). Но проф. М. Чельцов добавляет: «Казалось бы более правильным переставить две части этой формулировки и дать такое определение: «Советский принцип состязательности — это активность суда плюс состязательность сторон...» (М. Чельцов, Советский уголовный процесс, 1951, стр. 85).

Можно ли после этого согласиться с судьей, который рассматривал дело по обвинению бывшего продавца городского торгового Ивана Иванова, что «показать судейскую беспристрастность можно только при том условии, если судьи будут безразличными к показаниям, доказательствам и тем самым скрывать от публики свое отношение к делу. При активном ведении следствия добиться этого невозможно, так как может создаться мнение, что исход дела уже предрешен».

Такое утверждение является неправильным. Оно приводит к утрате огромного значения предупредительной деятельности советского суда. Всем ясно, что приговор, не основанный на данных судебного следствия, является неубедительным для публики, тем самым теряет свое воспитательное значение и снижает авторитет суда. Отсутствие активности суда в процессе есть пренебрежительное отношение судей к исполнению своих обязанностей.

Говоря о мерах борьбы с расхитителями социалистической собственности, И. В. Сталин указывал, что одними мерами наказания воров не изведешь. «Тут нужна другая мера, более действительная и более серьезная. Эта мера состоит в том, чтобы создать вокруг таких воришек атмосферу общего морального бойкота и ненависти окружающей публики. Эта мера состоит в том, чтобы поднять такую кампанию и создать такую моральную атмосферу среди рабочих и крестьян, которая исключала бы возможность воровства, которая делала бы невозможными жизнь и существование воров и расхитителей народного добра...» (Соч., т. 8, стр. 136—137).

Разве это указание не относится к судебным органам? Кто, как не суд при рассмотрении уголовного дела, в глазах присутствующей публики в зале судебного заседания должен создать вокруг расхитителя или другого лица, совершившего преступление, атмосферу общего морального бойкота и ненависти? Этим как раз и достигается выполнение воспитательной функции советского суда.

* *

*

М. Брайнин*Кандидат юридических наук*

В статье «О судебской беспристрастности» т. Буня поднял ряд вопросов, мимо которых пройти нельзя. Автор статьи выступает по существу против требования беспристрастного рассмотрения судебных дел в советском уголовном процессе. Беда автора статьи в том, что он понятие беспристрастности противопоставляет понятию классового характера суда. Между тем советский суд должен рассматривать находящиеся у него в производстве дела только беспристрастно, и это обстоятельство ни в какой мере не будет умалять классовой направленности его деятельности, ни в какой степени не будет противоречить тому, что советский суд есть один из органов государства, с помощью которого Советский Союз осуществляет свою политику.

Можно смело утверждать, что конституционный принцип независимости судей и подчинение их только закону в первую очередь имеет в виду осуществление советскими судьями беспристрастного, нелицеприятного правосудия, разрешения дел невзирая на лица, памятуя о том, что перед законом все одинаковы, все равны.

Требование строжайшего соблюдения социалистической законности означает прежде всего, что суд в своей деятельности будет исходить только из принципа объективного, беспристрастного рассмотрения дел, без одностороннего, предвзятого подхода, что суд будет осуждать только совершивших преступление, виновность которых будет доказана на суде, а не исходить из всякого рода впечатлений, предположений, не находящихся себе подтверждения в данных предварительного и судебного следствия.

Для того чтобы приговор удовлетворял этому требованию, наш законодатель построил уголовный процесс таким образом, чтобы самый порядок рассмотрения дела устранял всякое сомнение в беспристрастности, в объективности исследования дела органами, ведущими дело.

Именно из этих соображений ст. 41 УПК РСФСР не разрешает в состав суда по одному и тому же делу входить в качестве судей лицам, состоящим между собой в родстве.

Ту же цель преследуют и ст. ст. 43—44 УПК, указывая конкретные случаи, когда судья не может участвовать в рассмотрении дела.

Статья 45 УПК специально подчеркивает, что «судья может подлежать отводу в тех случаях, когда стороной будут указаны обстоятельства, вызывающие сомнение в беспристрастности судьи». В частности, исходя из этих именно соображений, Верховный суд СССР неоднократно указывал, что лицо, являющееся очевидцем преступления, не может участвовать в качестве судьи по данному делу (см., например, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Синелобова — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1943 г., вып. V, стр. 22—24).

Отвод, заявленный против судьи, разрешается остальными участвующими в деле судьями в отсутствие отводимого. Такой порядок установлен со специальной целью, чтобы отводимый судья не смог в какой бы то ни было мере влиять на объективное, беспристрастное рассмотрение разрешаемого вопроса. Заслуживает особого внимания то, что при равенстве голосов судья считается отведенным (ст. 47), т. е. малейшее сомнение, колебание одного из судей влечет за собой в интересах беспристрастного рассмотрения дела удовлетворение отвода.

Затем порядок, в каком стороны могут подавать замечания на протокол судебного заседания, с указанием на его неправильность или неполноту, также имеет в виду устранение могущих возникнуть сомнений в объективном, беспристрастном собирании данных, легших в основание приговора.

Больше того. Требование ведения протоколов вообще, — а судебного заседания в частности, — преследует эту же цель, ибо в конечном счете протоколы служат главным материалом для проверки кассационной инстанцией обоснованности вынесенного приговора, для устранения сомнений в справедливости, беспристрастности приговора.

Той же цели служит институт обжалования, дающий право лицу подавать вышестоящим органам жалобы на действия тех или иных должностных лиц (ст. ст. 107, 122, 212—220 УПК).

Нельзя пройти и мимо того, что вообще все основные принципы уголовного процесса, как то: непосредственность, устность, гласность, состязательность, — не только не противоречат разбираемому нами требованию беспристрастности, но находятся с ним в гармоническом сочетании.

Все эти принципы в конечном счете направлены к достижению единственной цели — вынесению приговора справедливого, не подлежащего сомнению, основанного на беспристрастном, объективном, всестороннем исследовании всех обстоятельств дела.

Как же можно говорить о наличии «ложной охраны судейской беспристрастности», когда требованием беспристрастности проникнут, пронизан наш процесс от начала и до конца?!

Ссылки на буржуазных теоретиков, говорящих о «беспристрастном» надклассовом характере суда, в данном случае не уместны. Тов. Буна спрашивает: должен ли судья до вынесения приговора или решения выражать свое отношение к делу? До сих пор отрицательный ответ на этот вопрос не вызывал никаких сомнений, считался бесспорным. По мнению же автора статьи, судьи, если бы даже и хотели скрыть свое отношение к делу, практически просто не смогли бы этого сделать. Автор даже с недоумением вопрошает: а зачем судьи «так тщательно скрывают свое отношение к показаниям подсудимого».

Если до рассмотрения дела в целом судьи будут относиться к обвиняемому, как к уже разоблаченному преступнику, тогда все судебное дело будет выглядеть как пустая, никчемная формальность, как тягостная процедура, одинаково утомительная для суда, сторон, для всех участников процесса и даже для присутствующих.

Можно ли говорить при таких условиях о воспитательном воздействии суда на граждан, в частности, на присутствующих в судебном заседании? И действительно, иной судебный процесс вследствие неумелого ведения его судом производит на присутствующих именно такое впечатление — простого оформления того, что, дескать, заранее давно уже предreshено, кажется никчемной, излишней затратой времени и средств.

Судьи не только не должны демонстрировать своей точки зрения по данному делу, но фактически в данной стадии процесса у них и не может быть сложившегося внутреннего убеждения, могущего быть основанным только на всех обстоятельствах дела, взятых в их совокупности. После каждого доказательства, проходящего перед судьями, у них пока может только складываться то или иное впечатление, благоприятное или неблагоприятное для подсудимого. Конечно, демонстрировать перед присутствующими это мимолетное отдельное впечатление нет никакой надобности.

Ссылка т. Буны на то, что иной раз перед судьями проходят бесспорные доказательства, сразу вызывающие определенное отношение судей к подсудимому, которое нет надобности скрывать, — тоже не может быть признана уважительной: советское доказательственное право, чуждое теории формальных доказательств, не может придавать решающее значение тому или иному виду доказательств, каким бы совершенным или бесспорным оно ни казалось, а обязывает рассматривать и оценивать все собранные доказательства в их совокупности, а судебная и следственная практика знают различные, самые неожиданные случаи, когда казавшееся вначале бесспорным доказательство при проверке оказывалось не выдерживающим критики. Для чего, зачем нужно суду демонстрировать перед собравшимися свое первое впечатление от того или иного доказательства, прошедшего перед судом, какое значение может это иметь для процесса, — автор не говорит и сказать не может.

Наконец, т. Буны считает, что подлинное социалистическое правосудие может обеспечить активный допрос свидетелей, подсудимых и других лиц судьями раньше опроса их сторонами.

Советский уголовный процесс требует, чтобы суд не был пассивным, чтобы он активно участвовал в судебном разбирательстве дела. Это — правильное и бесспорное положение. Однако из него вовсе не следует, что активность состоит в неременном предварительном допросе судом свидетелей и других лиц. Если следовать такой точке зрения, то выйдет, что в нашем процессе вообще нет никакой надобности в сторонах, ибо суд сам все отлично разберет, всесторонне исследует.

Активность суда состоит в том, что при помощи сторон, не ограничиваясь представленными ими доказательствами, не отнимая у них инициативы в представлении и исследовании доказательств, суд отыскивает истину и делает из нее соответствующие выводы в своем приговоре.

В ПОМОЩЬ НАРОДНОМУ СУДЬЕ

ПЛАН СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

На страницах журнала «Социалистическая законность» в ряде статей поднимался вопрос о планировании судебного следствия. Вопрос этот назрел, выдвинут практикой и заслуживает разработки в целях дальнейшего улучшения работы судов.

Важнейшая задача судов, вытекающая из решений XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, состоит в том, чтобы обеспечить дальнейшее повышение уровня их работы. Успешное решение этой задачи возможно лишь при четкой организации судебной работы, в первую очередь судебного заседания. Как это следует из ст. 4 Закона о судостроительстве, судебное заседание является центральным, наиболее ответственным участком судебной работы, так как советское правосудие осуществляется путем рассмотрения дел в судебном заседании.

Выступая на торжественном заседании, посвященном 10-летию Верховного суда СССР, М. И. Калинин говорил:

«Судья должен не только уметь правильно политически разобраться в данном конкретном деле, в той обстановке, в которой это дело произошло, правильно оценить, распознать людей, участвовавших в этом деле, выявить все пружины каждого данного дела, его классовую подоплеку и сущность, но он должен еще, кроме того, суметь это сделать так убедительно, так показательно, чтобы не только он сам и народные заседатели, но и все присутствующие на суде разобрались в этом деле и поняли правильность вынесенного судом решения»¹.

Правильно организованный судебный процесс имеет огромное воспитательное значение. Сила его воздействия распространяется не только на присутствующих в зале суда, но и далеко за его пределами. Отсюда очевидно, какое огромное значение имеют правильная организация и проведение судебного следствия.

Но правильная организация столь важного участка судебной работы предполагает в свою очередь глубокое, всестороннее планирование судебного следствия.

План судебного следствия — не процессуальный документ: планирование судебного следствия не предусмотрено уголовно-процессуальным законом. Отсюда, однако, не вытекает, что составление плана не обязательно.

¹ «История советской прокуратуры в важнейших документах», М., 1952, стр. 499.

Нельзя забывать, что Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (как и УПК других союзных республик) предусматривает определенную систему норм, содержащих в себе указания на конкретные действия судебно-следственных органов в определенной последовательности. Не может, например, следователь закончить следствие по делу, не допросив обвиняемого, не может прокурор утвердить обвинительное заключение, пока не предъявлено обвиняемому для ознакомления следственное дело, и т. д.

Глава Уголовно-процессуального кодекса о судебном заседании также содержит стройный перечень процессуальных норм, указывающих на действия суда в строго определенном порядке. Не может, например, председательствующий, открыв судебное заседание, сразу же приступить к допросу подсудимого; или, не выяснив причину неявки свидетелей, продолжать слушать дело и т. д.

Советский уголовный процесс построен на системе демократических принципов, обеспечивающих достижение высоких и благородных целей правосудия. В судебном заседании эти принципы получают наиболее полное выражение, а их успешное осуществление находится в прямой зависимости от того, насколько правильными, продуманными, основанными на законе будут действия суда. Если судом недостаточно изучено дело или даже изучено, но не продуман план судебного следствия, то такой суд не сможет правильно, со всей полнотой осуществить, например, принцип активности суда, не сможет осуществить принципы объективной истины, гласности и вытекающие отсюда задачи достижения воспитательной цели судебных процессов и т. д.

Таким образом, следует прийти к выводу, что необходимость и обязанность планирования действий суда в связи с рассмотрением уголовного дела вытекает из существа нашего уголовно-процессуального закона, из его демократических основ.

Однако составление планов судебного следствия проводится еще далеко не всеми судами. Кроме того, нет более или менее четкого представления, что считать планом судебного следствия и каким он должен быть.

На страницах «Социалистической законности» т.т. Бибииков, Хорхорин, Особова поделились ценным опытом изучения судьями уголовных дел. Безусловно, подробное

предварительное изучение дела, умелая запись изученного материала должны подготовить суд к выяснению истины по делу в судебном заседании, так как немисливо рассмотреть дело и установить объективную истину при поверхностном изучении дела. Поэтому совершенно правильно указала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в определении по делу Саркисьяна на то, что самый факт плохого изучения дела судьями «дискредитирует судебные органы»¹.

Но записи судьи при изучении им дела, как бы подробны они ни были,— это еще не план судебного следствия, и они не могут его заменить. Здесь иногда происходит отождествление системы изучения дела, способа сосредоточения изученного материала с планом судебного следствия. По существу же речь идет об удобном, необходимом, но все же «справочном листе», а не плане.

Начальным моментом составления плана судебного следствия является тщательное и внимательное изучение следственного дела, на основании которого и может быть составлен план судебного следствия, соответствующий характеру, особенностям данного дела. «Справочный лист» в этом случае является базой, основой составления плана.

Способ систематизации данных изученного дела не может быть предложен один раз навсегда, все зависит от характера, специфики дела, его объема. Не случайно поэтому, что товарищи, поделившиеся опытом систематизации, привели различные способы, соответствующие в каждом случае конкретным особенностям рассматриваемого дела.

Но если может быть различный подход к системе записей, то, что касается плана судебного следствия, здесь, нам кажется, должно быть единое начало.

Совершенно ясно, что нет стандартных дел, дела всегда индивидуальны, и потому речь не идет о каком-то стандартном плане судебного следствия. Каждый план судебного следствия индивидуален, наполнен иным содержанием, чем план по другому делу. Но при всей этой индивидуальности надо установить общее, принципиальное: из чего должен складываться план судебного следствия.

Практика показывает, что план должен состоять из двух основных разделов: в первом необходимо предусмотреть порядок исследования доказательств — в какой последовательности будут допрошены подсудимые, свидетели, эксперты и исследованы другие доказательства; во втором разделе планируется допрос отдельных лиц, вызываемых в суд, предусматривается перечень наиболее важных вопросов, подлежащих выяснению у каждого из допрашиваемых.

Исследование доказательств в тех случаях, когда подсудимый желает дать пока-

зания по существу дела, должно быть начато с допроса подсудимых. Решение же вопроса, какой следует наметить порядок исследования доказательств после допроса подсудимого, зависит от каждого конкретного дела.

При рассмотрении большинства дел есть возможность сгруппировать основные доказательства по эпизодам, в соответствии с чем и в плане будет предусмотрена именно такая последовательность допроса вызванных в суд лиц.

Может быть принят и другой порядок: допрос подсудимых, а затем свидетелей, дающих показания по наиболее важным эпизодам обвинения, хотя и не в хронологической последовательности. Например, подсудимый обвинялся в том, что: 1) 20 апреля 1953 г. оказал сопротивление представителю органов власти, нанес ему оскорбление; 2) 21 мая 1953 г. из хулиганских побуждений избил гражданку Васильеву; 3) 23 мая 1953 г. совершил разбойное нападение на гражданина Канивца, причем нанес ему четыре удара ножом, в результате чего Канивец, не приходя в сознание, в тот же день умер. Порядок допроса свидетелей по этому делу был определен такой: первыми допрошены свидетели, давшие показания по третьему эпизоду, затем свидетели, показавшие о фактах, относящихся к событию, имевшему место 21 мая, и затем свидетели о событии, которое было 20 апреля.

Планирование судебного следствия должно способствовать четкому определению круга вопросов, подлежащих рассмотрению.

Существует мнение, что в плане судебного следствия нет необходимости предусматривать вопросы, подлежащие выяснению в суде. Согласиться с такой точкой зрения — значит признать отсутствие настоящего плана, ибо постановка основных вопросов, возникших при изучении дела, с целью их выяснения в судебном следствии есть наиболее существенная часть плана.

Тов. Бибииков («Социалистическая законность» 1951 г. № 6) категорически возражает против планов судебного следствия, содержащих вопросы, которые судья имеет в виду выяснить при допросе подсудимых, свидетелей. При этом т. Бибииков считает, что самая постановка в плане таких вопросов якобы является попыткой заранее определить ход судебного процесса.

По нашему мнению, судья должен, конечно, предусмотреть в плане вопросы, которые необходимо выяснить при допросе подсудимых, свидетелей, экспертов, причем характер этих вопросов будет вытекать: а) из состава данного преступления, б) из причинной связи исследуемого обстоятельства с предметом судебного дела и его юридическими элементами.

Суд окончательно оценит доказательства только в результате судебного следствия. Однако нельзя представлять вопрос так, что судья, составляя план судебного

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 7.

следствия на основании изученных данных дела, не может поставить основные, узловые, существенные вопросы и смежные с ними, которые необходимо исследовать в суде, что он не имеет этого права якобы на том основании, что для судьи, изучающего дела до подготовительного заседания, нет и не должно быть доказательств существенных и несущественных.

Нельзя пользоваться терминном «оценка доказательств», вкладывая одинаковое его понятие для любой стадии процесса. Оценка доказательств судом в подготовительном заседании проходит в других, качественно отличных условиях, чем при рассмотрении дела с участием сторон; равно как оценка доказательств при кассационном пересмотре отличается по своим условиям от оценки доказательств и в подготовительном и в судебном заседании суда первой инстанции.

Оценка доказательств, безусловно, имеет место и в момент глубокого изучения дела судьей перед рассмотрением в подготовительном заседании. Иначе немисливо представить себе, как суд в подготовительном заседании может разрешить вопросы о наличии в действиях обвиняемого состава преступления, о полноте предварительного следствия, о достаточности и обоснованности предъявленного обвинения; как судья, изучивший дело, может представить в подготовительном заседании свои соображения по этому поводу, если изученные доказательства не проанализированы, не оценены с точки зрения достаточности для решения вопросов, подлежащих разрешению в подготовительном заседании в соответствии с требованиями постановления Пленума Верховного суда СССР от 15 июля 1940 г.

В результате такой критической оценки собранных предварительным следствием данных у судьи неизбежно возникает ряд важных вопросов, выяснение которых не должно быть упущено в судебном следствии. Постановка таких вопросов в плане вовсе не означает, что суд будет игнорировать выяснение других вопросов, которые возникнут в ходе судебного следствия, и что такая предварительная их постановка заранее предопределяет строго обязательные пределы судебного исследования. Несомненно, что пределы эти могут и будут расширяться в соответствии с необходимостью наиболее полного, объективного рассмотрения конкретного дела.

Из ошибочного мнения о ненужности планирования вопросов т. Бибилов пришел к неправильному выводу и о том, что не следует делать никаких записей о сущности показаний допрошенных на предварительном следствии обвиняемых и свидетелей, а записывать лишь фамилии и номера листов дела. Такие голые записи не принесут пользы: судья, изучивший еще ряд дел в промежутке времени от подготовительного заседания по данному делу до судебного заседания, вынужден будет при

судебном разбирательстве перечитывать показания, «вылавливать» в них то важное, что повлечет постановку вопроса, — естественно, что и вопрос окажется недостаточно продуманным, и весь процесс будет проведен нецелесообразно. Таким образом, именно записи (короткие) по наиболее важным показаниям обвиняемых и свидетелей могут создать условия для правильной, глубоко продуманной постановки вопросов на судебном заседании и для выяснения всего необходимого по делу.

Нет надобности, конечно, загромождать план перечнем второстепенных вопросов, но вопросы существенные, т. е. такие, ответ на которые позволит судить о событии преступления, о причинах его, о степени участия в преступлении привлеченных к ответственности лиц, о правильности квалификации преступных действий, — такие вопросы не могут быть упущены при судебном следствии и должны найти освещение в плане.

Суд, рассматривая дело Рыжова, обвинявшегося в систематическом вымогательстве взяток у рабочих комбината «Союзпищепромреклама»; не поставил перед собой вопрос — и, естественно, не исследовал этого в судебном следствии, — какие административные права имел Рыжов, могли ли он влиять на назначение рабочих на более выгодные участки работ и за что вообще могли давать ему взятки (см. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 1). По делу Родака, обвинявшегося в том, что он как дежурный по депо не принял мер, которые предотвратили бы обвал в пескосушилке, суд также не поставил перед собой вопрос и потому не исследовал, входило ли в обязанности дежурного по депо наблюдение за работой в пескосушилке и отвечал ли он за безопасность работы по обеспечению паровозов песком (см. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 3). Приговоры по этим делам отменены Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР. Можно привести ряд других дел, когда к отмене приговора приводило то обстоятельство, что суд не ставил на разрешение и не исследовал важнейших вопросов, без ответа на которые приговор не может быть признан законным и обоснованным, например: по делу Антонова («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 2) и по делу Карпова («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 5), — связанным с установлением алиби подсудимых; по делу Миргородского («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 5), относящемуся к истребованию инструкций, документов; по делу Петрукевича («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 4), связанному с выяснением взаимоотношений обвиняемого с потерпевшим, и т. д.

Часть вопросов, предусмотренных пла-

ном, может быть выяснена сторонами, в этом случае суд исключает их из плана. С другой стороны, в ходе судебного следствия могут возникнуть и новые вопросы, которые дополняют план. Но и в том и в другом случае планирование продуманных вопросов является важнейшим условием,

1) Вопросы, подлежащие выяснению

2) Что имеется в деле по каждому вопросу

Графа первая не требует пояснений. Необходимо лишь добавить, что расположенные вопросы должны быть таким, чтобы последовательно восстанавливались обстоятельства, выяснение которых составит предмет судебного разбирательства.

Графа вторая — «что имеется в деле» содержит чрезвычайно краткие (в двух-трех словах) заметки из дела, относящиеся к показаниям данного свидетеля (подсудимого), допрос которого по плану предусматривает выяснение тех или иных вопросов. Судья при исследовании доказательств в судебном заседании сразу же видит, что установлено в предварительном следствии, какие есть неясности, пробелы, почему возник этот вопрос, как он освещен на предварительном следствии. При противоречивости показаний судья сразу видит эти противоречия, принимая меры к их устранению. Свидетель (или подсудимый) может дать показания, о которых не было и речи на предварительном следствии, — и в этом случае имеющаяся короткая запись во второй графе позволит сразу обнаружить эту особенность в показаниях и проверить правильность ее. Наконец, свидетель может упустить важные обстоятельства, недостаточно сосредоточить внимание на важных для дела обстоятельствах, — и тогда суд сразу увидит этот пробел и легко может его восполнить.

Графа третья — «результат выяснения» также отмечается несколькими словами. Например, устанавливается, почему свидетель дал трижды различные показания о том, в котором часу он видел подсудимого. В суде выясняется, что свидетель видел подсудимого на месте преступления в 10 час. утра, чем опровергается алиби, при этом свидетель объяснил, что его склоняли к даче неправильных показаний родственники подсудимого, о чем может подтвердить гражданин Сылкин. В графе третьей отмечается «видел в 10 час. утра. Склоняли родственники. Знает Сылкин» (в графе 4 — «отдельные отметки» судья запишет «вызвать, допросить Сылкина»).

Графа четвертая — «отдельные отметки» заполняется тогда, когда при выяснении поставленного вопроса возникает необходимость в последующем оглашении какого-либо документа, выяснения определенных вопросов у других свидетелей или подсудимых в связи со ссылкой на какие-то источники данного допрашиваемого лица,

обеспечивающим глубокое исследование дела и вынесение обоснованного приговора.

Таким образом, второй раздел плана, предусматривающий допрос в отдельности подсудимых и лиц, вызванных в суд, должен содержать в себе:

3) Результат выяснения

4) Отдельные отметки

Второй раздел плана содержит также указание на необходимость оглашения в суде определенных документов: характеристик, акта судебно-медицинской экспертизы, акта автотехнической экспертизы, протокола осмотра места происшествия и др., причем заранее предусматривается, в какой части судебного следствия наиболее целесообразно и в связи с какими предшествующими или последующими действиями необходимо к этому прибегнуть.

При исследовании дела, содержащего много эпизодов, целесообразно по каждому эпизоду составлять отдельный лист-вопросник (приведенный выше).

Настоящая статья не преследует целей составления каких-то специальных схем планов, так как «суд имеет дело с таким многообразием индивидуальных особенностей, которые нельзя предусмотреть ни в каких заранее установленных правилах» (А. Я. Вышинский, Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе, «Советская юстиция» 1936 г. № 23, стр. 10). Речь идет лишь об основных вопросах, касающихся содержания плана, его направления, его составных частей. Решив эти вопросы, можно уже правильно применить их при рассмотрении конкретного дела.

Судебному следствию предшествует подготовительная часть судебного разбирательства, правильность проведения которой обеспечивает выяснение возможности рассмотрения дела по существу, то есть возможности проведения судебного следствия. Другие части судебного разбирательства: прения сторон, последнее слово подсудимого, вынесение и оглашение приговора — также находятся в самой непосредственной связи с проведенным судебным следствием.

Выше указывалось о планировании судебного следствия как об основной задаче. Но ввиду такой связи всех частей судебного разбирательства более чем полезно, чтобы вместе с планом судебного следствия судья, как ни велик его опыт судебной работы, имел перед собой составленную памятку, в которой бы содержался перечень действий, обязательных для суда в соответствии с требованиями УПК. Могут сказать, что поскольку в Уголовно-процессуальном кодексе предусмотрены нормы, которыми обязан руководствоваться суд при рассмотрении дела, то и надобности

нет в указанной выше памятке. Конечно, вовсе не имеется в виду подменить кодекс этой памяткой, но не так уж редки случаи, когда судьи, зная требования кодекса, касающиеся проведения судебного разбирательства, не выполняют их вследствие поспешности, непродуманности действий либо по другим причинам. Так, при рассмотрении дела суд «забыл» выяснить вопрос об отводе (дело Нармерян и др. — «Социалистическая законность» 1951 г. № 7, стр. 91); не предоставил последнего слова подсудимому (Дело Мунчаева и др. — «Социалистическая законность» 1952 г. № 5, стр. 91); не выслушал объяснений сторон о возможности слушать дело в отсутствие неявившихся свидетелей, гражданского истца и экспертов, не спросил стороны об имеющихся у них ходатайствах, председатель суда не спросил прокурора и адвоката, имеют ли они чем-либо дополнить судебное следствие (дело Арутюняна — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 4, стр. 25); не установил причин неявки свидетелей, не заслушал мнения подсудимых о возможности рассмотрения дела при наличии явившихся свидетелей, не вынес определения (дело Пакина — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 9, стр. 24); не удалил из зала судебного заседания вызванных в судебное заседание свидетелей (дело Журуновой — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 8, стр. 25).

Подобные нарушения судом процессуальных прав сторон, в частности подсудимых, неизбежно отражаются на качестве судебного следствия. Поэтому, раз составление плана судебного следствия преследует цель улучшения качества его проведения, то следует одновременно обеспечить и устранение приведенных выше ошибок, которые даже при хорошо составленном плане судебного следствия приводят к отрицательным последствиям.

Устранению таких нарушений способствует памятка, которую должен составить сам судья и пользоваться ею при рассмотрении каждого дела. Памятка эта может быть изображена в таком, примерно, виде:

1. Удостоверение личности подсудимого. Вручена ли копия обвинительного заключения; с какого времени под стражей.
2. Объявить состав суда. Спросить об отводе. Определение.
3. Выяснение возможности слушания дела при неявке подсудимого. Определение.
4. Установление личности сторон, явки свидетелей, экспертов. Выяснение причин неявки. Мнение сторон о возможности слушать дело. Определение.
5. Предупреждение свидетелей, подписка. Удаление свидетелей.
6. Ходатайства сторон. Определение.
7. Предупреждение экспертов.

8. Разъяснение прав подсудимым.

9. Оглашение обвинительного заключения. Разъяснение подсудимому сущности предъявленного обвинения.

10. Вопрос к подсудимому, признает ли он себя виновным.

11. Мнение сторон о порядке исследования дела. Определение.

12. Выяснение у сторон, чем они могут дополнить судебное следствие. Определение при наличии ходатайств.

13. Окончание судебного следствия. Прения сторон.

Речь обвинителя

Речь гражданского истца

Речь защитника

(предоставить слово для защиты подсудимому при отказе его от защитника).

14. Окончание прений сторон. Последнее слово подсудимого.

Имея перед собой такую, примерно, запись, судья отмечает выполнение каждого процессуального действия и тем контролирует себя, чтобы не допустить процессуальных нарушений при рассмотрении уголовного дела.

Не обязательно составлять каждый раз эту запись (она может быть пригодна при рассмотрении всех дел), но важно, чтобы при каждом судебном разбирательстве судья контролировал ведение судебного заседания по такой записи.

Пункты 2 и 5 приведенной записи умышленно обозначены не в той последовательности процессуальных действий, как это предусмотрено УПК РСФСР, по следующим основаниям: для разрешения в подготовительной части судебного заседания ряда важных процессуальных вопросов, предусмотренных в гл. 22 УПК РСФСР и УПК других союзных республик, суд должен быть полномочен на эти действия (вынесение определений и т. д.), между тем как в соответствии со ст. 278 УПК РСФСР вполне возможно, что такие действия проведены составом суда, которому будет затем объявлен законный отвод. Правильнее поэтому объявить состав суда и разрешить вопрос о возможности слушания дела данным составом суда не в конце подготовительной части судебного заседания, а после установления личности подсудимого. Далее, в интересах объективности судебного следствия и большей точности показаний свидетелей целесообразнее, чтобы ходатайства сторон до начала судебного следствия о вызове новых свидетелей, истребовании новых доказательств и др. заявлялись не в присутствии явившихся свидетелей, как это вытекает из последовательности ст. ст. 272 и 274 УПК РСФСР, а после удаления свидетелей из зала судебного заседания. Это удобно для сторон, так как в соответствии со ст. 272 УПК РСФСР сторона, заявляя ходатайство, обязана обосновать его, что чаще всего бывает невозможно в присутствии явившихся свидетелей, так как в обоснование ходатайств указываются такие об-

стоятельства, по поводу которых свидетели будут давать показания.

Составление планов судебного следствия по любому делу, независимо от его сложности, умелое использование этого плана и руководство судебным заседанием

при условии указанного самоконтроля безусловно будет способствовать улучшению судебной работы, дальнейшему усилению социалистической законности в работе судов.

А. Д.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО И СВИДЕТЕЛЕЙ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ

Цель допроса подсудимого в суде заключается в том, чтобы получить доказательства, которые могут как уличить, так и оправдывать его.

Значение допроса подсудимого состоит в предоставлении ему реальной возможности высказаться по существу предъявленного обвинения. Для подсудимого допрос его в суде — это средство защиты.

Показания подсудимого являются источником доказательств. Статья 58 УПК РСФСР, перечисляющая виды доказательств, упоминает среди них «личные объяснения обвиняемого». На судебном следствии подсудимому согласно ст. 280 УПК предоставляется возможность «дать объяснения по существу предъявленного ему обвинения». В ст. 282 УПК эти же объяснения называются показаниями. Оба эти термина, встречающиеся и в других статьях УПК, применяются в законе в одинаковом понимании.

Между тем в нашей процессуальной литературе делаются попытки провести различие между показаниями подсудимого и его объяснениями. Разграничение обоих понятий носит, на наш взгляд, искусственный характер. Подсудимый никогда не вызывается для того, чтобы получить от него первоначально объяснения, а затем показания. Сам обвиняемый не в состоянии осознать такой двойственный характер своих объяснений. Он и не предупреждается судом о том, что может давать и объяснения и показания или выбрать одну какую-либо форму. Поэтому следует отказать от искусственного, не имеющего ни теоретического, ни практического значения разграничения на показания подсудимого и на его объяснения.

Допрос подсудимого на суде имеет самостоятельное значение, независимо от характера его показаний в стадии предварительного расследования. Цель судебного разбирательства вовсе не состоит в том, чтобы во что бы то ни стало сохранить в неприкосновенности показания обвиняемого, данные следователю, а в том, чтобы проверить их.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в определении от 14 декабря 1949 г. по делу Жиздринского

и др. указала, что подсудимые: «...Лукашина, Жиздринский, Степаненко, Терехова, Бигюк, Демина, Ванин и Гринина отказались в суде от показаний, данных на предварительном следствии. Суд же, игнорируя эти заявления и не выяснив причин отказа и его обоснованности, не исследовав с достаточной полнотой обстоятельства дела, положил в основание приговора данные предварительного следствия, сведя тем самым судебное разбирательство к формальной процедуре. Такой способ судебного разбирательства противоречит духу и основным принципам советского правосудия, поскольку данные предварительного следствия подлежат обязательной проверке в судебном заседании и только в том случае, если они находят подтверждение в суде, могут быть положены как доказательство в основу приговора» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 2, стр. 22).

Процессуальный порядок дачи показаний подсудимым в суде определен законом следующим образом.

а) подсудимый, признав правильным предъявленное ему обвинение и согласившись с обвинительным заключением, имеет возможность немедленно дать показания (ст. 282 УПК);

б) не признав правильным предъявленное обвинение и желая дать показания по существу его, подсудимый дает эти показания во время его допроса (ст. 282 УПК);

в) подсудимый вправе давать показания как по существу всего дела, так и по поводу отдельных обстоятельств в любой момент судебного следствия (ст. 277 УПК);

г) последовательность допроса подсудимого такова: он производится председателем и членами суда, затем обвинителем, гражданским истцом, защитником и другими подсудимыми (ст. 283 УПК). УПК Украинской ССР в ст. 263 устанавливает иной порядок, согласно которому допрос подсудимого начинает обвинитель, затем переходит к защитнику и другим обвиняемым и завершается составом суда.

Подсудимому предоставляется возможность в ответ на предложение председательствующего в суде рассказать все, что он считает необходимым по существу

предъявленного обвинения. Показание может быть дано и в виде ответов подсудимого на вопросы, поставленные ему судьей и сторонами.

Вслед за свободным рассказом подсудимого о том, что ему известно по делу, обычно следует допрос, заключающийся в постановке вопросов и получении от подсудимого ответов на поставленные вопросы.

К этой части допроса должны быть предъявлены такие требования:

а) Вопросы могут ставиться подсудимому, если данные им объяснения являются неполными, неопределенными или противоречащими обстоятельствам дела. В зависимости от этого вопросы будут преследовать цель дополнения, проверки или уточнения показаний подсудимого.

б) Вопросы должны задаваться в определенной последовательности. Это значит, что к выяснению очередного, интересующего суд вопроса можно переходить после того, как выяснен предыдущий вопрос.

в) Вопросы должны быть краткими, ясными, конкретными, недвусмысленными и ненаводящими. Чем конкретнее вопрос, тем конкретнее будет и ответ на него, тем менее вероятно, что подсудимый уклонится от него. Наоборот, если вопрос ставится в общей форме и носит неопределенный характер, это даст подсудимому возможность ответить в столь же общей и неопределенной форме и тем самым фактически уклониться от ответа. Наводящие вопросы недопустимы.

г) Вопросы должны ставиться в прямой форме. Это, конечно, не значит, что ответ на такой прямой вопрос может быть только «да» или «нет» — утвердительный или отрицательный. Очень часто нет возможности лаконично и прямо ответить на вопрос. Но прямой вопрос по самому характеру своему делает допрос целенаправленным и обеспечивает получение ответа по существу вопроса.

д) Вопросы не должны быть «улавливающими». Тот временный «успех», который достигается этим, не оправдывает себя, и результаты такого допроса оказываются зачастую обманчивыми и только дезориентируют суд.

е) Подсудимому должна быть предоставлена полная возможность формулировать свои ответы. Нельзя ловить обвиняемого на слове. Случайно сказанное, оброненное слово нельзя «ставить в строку» подсудимому (необходимо всегда учитывать душевное состояние допрашиваемого).

Правильная оценка судом показаний подсудимого — одно из условий достижения объективной истины по уголовному делу. Суд не обязан определять свое отношение к каждому доказательству, имеющемуся в деле, но в то же время должен оценивать показания обвиняемого и определить, признаются ли они правильными или они полностью или частично недостоверны.

В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре» указано, что если подсудимый признает себя виновным, «приговор должен содержать конкретные указания, какие именно преступные деяния совершил подсудимый, время, место и способ совершения преступления, а также все иные обстоятельства, имеющие отношение к совершению преступления». Касаясь тех случаев, когда подсудимый отрицает свою вину, Пленум поясняет, что в обвинительном приговоре должно быть указано, «почему судом отвергнуты объяснения подсудимого в его защиту, а также другие, оправдывающие его доказательства».

Суд должен дать оценку как показаний подсудимого, носящих характер признания, так и его показаний, которыми отрицается его виновность. В постановлении Пленума Верховного суда СССР «О судебном приговоре» подчеркивается, что вынесенный с соблюдением закона, на основе тщательного разбора доказательств, по внутреннему убеждению судей, в соответствии с высокими принципами коммунистической морали приговор содействует укреплению социалистической законности и социалистического правопорядка.

Соблюдение закона в отношении показаний подсудимого имеет весьма большое значение. Случаи нарушения закона всегда встречаются решительный отпор Верховного суда СССР, добивающегося строгого и точного соблюдения закона, и влекут за собой отмену приговора. Приведем примеры.

Днепропетровский областной суд, признав Кузнецова виновным в халатности и служебном подлоге, перешел за пределы первоначально предъявленного ему обвинения. Верховный суд СССР признал, что приговор в части обвинения в подлоге «был вынесен судом даже без заслушания объяснений подсудимого, чем были грубо нарушены его права на защиту». Ввиду изложенного дело по обвинению Кузнецова в подлоге было производством прекращено (см. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 4, стр. 21).

Другой пример. Подсудимый Грузинов, считая, что заслушание его дела без участия адвоката нарушает его право на защиту, отказался давать показания в судебном заседании. Верховный суд СССР признал, что вынесенный при этих условиях народным судом 3-го участка Балашихинского района Московской области приговор является неправосудным и поэтому не может быть оставлен в силе. Приговор отменен («Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 2, стр. 34).

То обстоятельство, что показания обвиняемого являются средством защиты, не дает основания считать, что если обвиняемый не докажет своей невиновности, то его следует признать виновным. Когда линейный суд Закавказской ж. д. сослался в приговоре по делу Тертерсян на то, что она

не могла доказать, что при получении и отпуске товаров допускала ошибки, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР указала в своем определении от 20 октября 1951 г.: «Такое обоснование обвинительного приговора в отношении Тертерсян совершенно неправильно. Суд не вправе возлагать на обвиняемого обязанность доказывать свою невиновность в предъявленном ему обвинении, равно как не вправе считать обвинение доказанным только потому, что обвиняемый не доказал своей невиновности» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 6, стр. 16).

Признание подсудимым своей вины рассматривается в советском уголовном процессе только как одно из доказательств, которое должно быть оценено в совокупности с другими, имеющимися в деле доказательствами. Суд, который призван тщательно проверить собранные предварительным расследованием доказательства, должен критически оценить и сознание подсудимого, данное в этой стадии. Недопустимо, когда суд без достаточных к тому оснований не считается с отказом подсудимого от ранее данных показаний. Сыроегин был признан виновным в хище-

нии одного мешка зерна с колхозного тока. На предварительном следствии Сыроегин признал себя виновным в хищении, а на суде заявил, что ранее данные им показания являются неправильными и что отобранная у него рожь принадлежала гр-ке Козловой, а не колхозу. Это обстоятельство нашло подтверждение в данных судебного следствия. Однако народный суд 1-го участка Семеновского района Горьковской области, рассматривавший это дело по существу, поверил именно тем показаниям Сыроегина, которые были даны в стадии предварительного следствия. Этот незаконный приговор был отменен Верховным судом СССР, а дело в отношении Сыроегина производством прекращено («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 1, стр. 17).

Советская система оценки доказательств не знает никакого шаблона и формализма в оценке показаний обвиняемого. Руководствуясь своим внутренним убеждением и исходя из анализа имеющихся доказательств, суд отдает предпочтение тем показаниям подсудимого, которые находят себе подтверждение в других обстоятельствах дела.

II

Обсуждая в подготовительном заседании список свидетелей, подлежащих вызову в суд, суд должен исходить из того, что каждое важное для дела свидетельское показание подлежит обязательной проверке в суде.

Верховный суд СССР неоднократно высказывался по поводу списка свидетелей, подлежащего рассмотрению в подготовительном заседании. По делу Кузнецова и Мурашкевич Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отменила своим определением от 26 апреля 1950 г. приговор Верховного суда Карело-Финской ССР по следующим основаниям: «Суд, рассматривая дело Кузнецова в подготовительном заседании, обязан был с особой тщательностью обсудить вопрос о свидетелях, допрос которых необходим в судебном заседании. Это диктовалось еще и тем, что по делу Кузнецова на предварительном следствии было допрошено 12 человек, а в приложенном к обвинительному заключению списке свидетелей, подлежащих вызову, указывалось только четверо. Список лиц, подлежащих согласно обвинительному заключению вызову в судебное заседание, для суда ни в какой степени не является обязательным и отражает лишь точку зрения органов предварительного следствия по данному вопросу. В решении вопроса о вызове свидетелей для дачи показания права суда ничем не ограничены, и он в полной мере может эти права использовать не только в судебном, но и в подготовитель-

ном заседании». Верховный суд СССР отменил приговор по делу Супрунова («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 7, стр. 20—21), обвинявшегося в хищении государственного имущества. В подготовительном заседании суд определил рассмотреть дело без вызова свидетелей по следующим мотивам, что «вызов свидетелей нецелесообразен, ибо их показания не противоречат показаниям подсудимого, тем более, что подсудимый приписываемых ему фактов не отрицает». Впоследствии, при рассмотрении дела по существу, выяснилось, что Супрунов изменил на суде свои показания и виновным себя не признал. В определении Верховного суда СССР от 9 апреля 1952 г. по этому делу указывается: «...поскольку в судебное заседание не были вызваны свидетели, суд не имел возможности проверить, соответствуют ли действительности объяснения подсудимого, и в нарушение ст. 319 УПК обвинительный приговор в отношении Супрунова основан лишь на материалах предварительного следствия, не проверенных в судебном заседании» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 7, стр. 20—21).

Основной признак, по которому свидетель, допрошенный в стадии предварительного расследования, должен быть включен в список свидетелей для допроса на суде,— это существенность его показаний: если показание освещает обстоятельство, имеющее значение для дела, такой свидетель должен быть допрошен на суде.

Суд должен проверить ходатайства обвиняемых о вызове на допрос свидетелей, заявленные следователю, но не удовлетворенные последним, а также разобраться в ходатайствах обвиняемых о вызове дополнительных свидетелей, поданных непосредственно суду.

Список свидетелей может пополняться и в ходе судебного разбирательства. Во всех случаях заявления сторонами ходатайств о вызове в суд дополнительных свидетелей суд должен исходить из интересов полноты и объективности судебного следствия.

Если в ходе судебного следствия появляется необходимость допросить в качестве свидетеля лицо, присутствующее в зале судебного заседания, но ранее не вызывавшееся в качестве свидетеля, то один факт, что данное лицо слушало показания ранее допрошенных свидетелей, не может послужить формальным препятствием к вызову его в качестве свидетеля. Указание по этому вопросу мы находим в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 28 января 1940 г. по делу Горчакова и др.: «Из материалов дела видно, что Желиховский не был включен в список свидетелей ни обвинительным заключением по делу, ни подготовленным заседанием суда и явился в суд не в качестве свидетеля, а в качестве постороннего лица, присутствовавшего в зале, поскольку дело рассматривалось в открытом судебном заседании. Таким образом, поскольку Желиховский явился в суд не в качестве свидетеля, допрос свидетелей, давших показания до Желиховского, был проведен без нарушения ст. 284 УПК РСФСР, которая не допускает допроса свидетелей в присутствии еще недопрошенных свидетелей. С другой стороны, если бы даже было установлено, что Желиховский присутствовал в зале судебного заседания, не будучи вызван в качестве свидетеля, при допросе других свидетелей, то одно это обстоятельство не препятствовало бы последующему допросу его по специальному определению суда (как это имело место в данном случае) в качестве свидетеля, так как ст. 284 УПК РСФСР предусматривает обязательный допрос свидетелей в отсутствие еще не допрошенных свидетелей, но не воспрещает допрос в качестве свидетеля лица, присутствовавшего при допросе ранее допрошенных свидетелей, если только это лицо не было вызвано ранее в качестве свидетеля. В данном случае суд, имея формальное право на допрос такого лица, должен при оценке его показаний учесть, что допрашиваемое лицо присутствовало на допросе других свидетелей» («Вопросы уголовного процесса в практике Верховного суда СССР», М., 1948, стр. 163). На суде свидетели должны допрашиваться порознь и в отсутствие других, еще не допрошенных свидетелей. Эти условия допроса установлены законом для того, чтобы свидетели не подвергались чьему-либо влиянию и были независимы при даче показаний. Соблюдение указанного правила в

стадии судебного разбирательства представляет особую сложность, поскольку обычно к началу судебного разбирательства собираются в суд все или почти все свидетели по данному делу.

Для того чтобы при допросе свидетелей избежать сговора между ними и согласования их показаний с услышанным на суде, законом предусматриваются следующие условия допроса:

а) свидетели подлежат удалению в отдельное помещение, предназначенное специально для них, после того как им разъяснена их обязанность показывать все известное им по делу и они предупреждены об ответственности за ложные показания (ст. 274 УПК);

б) суд должен принять меры к тому, чтобы свидетели, находящиеся в особом помещении, не входили в сношения между собой по делу, по которому они вызваны (ст. 274 УПК);

в) по окончании допроса свидетель не вправе удалиться из зала суда без разрешения председательствующего, причем председатель вправе разрешить допрошенным свидетелям удалиться из зала ранее окончания судебного следствия не иначе, как с согласия сторон; находясь в зале судебного заседания после допроса, свидетель лишается всякой возможности общаться с еще не допрошенными свидетелями;

г) свидетели допрашиваются порознь, т. е. каждый свидетель допрашивается в отсутствие других свидетелей, еще не допрошенных по делу.

В отношении существа показания свидетеля на суде предъявляется ряд требований:

1) Свидетель призван показать на суде о том, что ему лично известно по делу. В ст. 285 УПК прямо указывается, что свидетель должен избегать изложения сведений, источник которых им не может быть указан.

2) Свидетель может допрашиваться лишь о фактах, подлежащих установлению в рассматриваемом деле, и о характеристике личности подсудимого.

3) Допрос свидетеля не регламентируется какими-либо сроками. Свидетель может рассказывать на суде об обстоятельствах дела столько времени, сколько понадобится ему, чтобы рассказать суду все известное ему по делу, и председательствующий вправе лишь следить за тем, чтобы свидетель не уклонялся от существа дела и показывал конкретно.

Статья 289 УПК предусматривает, что в случае надобности допрос свидетеля может продолжаться «до исчерпания судом и сторонами всех вопросов». Это является исключительно важным условием полноты судебного следствия, реальной гарантией принципа состязательности.

Необходимо путем постановки ряда вопросов выяснить у свидетеля еще до допроса его по существу:

1) его отношение к делу, т. е. такие мо-

менты, которые хотя и исключают прикосновенность свидетеля к делу в смысле уголовно-правовом, тем не менее свидетельствуют о какой-то связи с событием преступления (например, о допущенной им халатности, вследствие чего преступное событие могло произойти);

2) его отношение к сторонам, т. е. не родственник ли он подсудимому, не знакомый ли ему, степень знакомства, не сослуживец ли он (и в положительном случае — взаимозависимость по службе), были ли отношения нормальными или неприязненными, в чем конкретно выражались неприязненные отношения и т. д. Нам представляется, что для того, чтобы к выяснению отношений свидетеля с другими участниками процесса больше не возвращаться (хотя это и не исключается), целесообразно вопросы по этому поводу задавать также подсудимому, потому что (как показывает практика) подсудимый заявляет о неприязненных отношениях со свидетелем, как только ему покажется, что свидетель показывает «против него».

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР устанавливает иной порядок допроса свидетелей, чем подсудимых: допрос свидетелей согласно ст. 287 УПК производится сначала той стороной, по указанию которой свидетель вызван, а затем остальными сторонами; в случае, когда свидетель вызван по инициативе суда, последний допрашивается сначала обвинителем, а затем другими сторонами; что же касается допроса свидетеля председателем и членами суда, то он может производиться в любой момент допроса свидетеля — как до, так и по окончании допроса его сторонами. По УПК Украинской ССР определен общий порядок допроса подсудимых и свидетелей: сначала они допрашиваются сторонами, а затем составом суда. Этот порядок, на наш взгляд, является более последовательным.

Состав суда (и прежде всего председатель) может задавать вопросы свидетелю во время его допроса, если ответы свидетеля на вопросы сторон не удовлетворяют суд, и по окончании допроса свидетеля сторонами, если суд сочтет показания свидетеля недостаточными. Но суд не должен производить допрос свидетелей до допроса их сторонами, потому что это будет противоречить ст. 287 УПК.

Значит, допрос свидетеля должен вестись в таком порядке: а) стороной, по предложению которой свидетель вызван судом, б) другими сторонами и в) председателем и членами суда.

Если свидетель допрашивался в стадии предварительного расследования, то протокол его допроса должен быть тщательно изучен как обвинителем, так и защитником. Однако недостаточно изучить только показания данного свидетеля. Необходимо учесть, где и какие ссылки имеются в деле на этого свидетеля.

Допрос свидетеля со стороны обвинителя

имеет целью собрать доказательства, уличающие подсудимого в совершенном им преступном деянии. При этом обвинитель должен иметь в виду, что свидетель мог запомнить некоторые обстоятельства дела, может скрывать от суда известные ему обстоятельства, может незаметно или заведомо для себя дать ложные показания. Задача обвинителя состоит в том, чтобы, исходя из индивидуальных особенностей данного свидетеля и из условий публичного разбирательства, добиваться выяснения истинных обстоятельств при допросе свидетеля. При этом обвинитель, подходя объективно к допросу, не может игнорировать таких показаний, которые даются свидетелем в пользу подсудимого, — нельзя рассматривать такое показание как факт, противоречащий интересам обвинения. Интерес обвинения состоит в выяснении истины, а не в том, чтобы обязательно обвинить данного подсудимого.

Как и обвинитель, защитник призван вести допрос свидетеля, исходя из задачи выяснения существенных для дела обстоятельств. Но обвинитель осуществляет эту свою процессуальную деятельность с позиций обвинения, а защитник это делает с позиций защиты. При этом и защитник не может пренебрегать такими показаниями свидетеля, которые изобличают подзащитного, ибо его цель состоит не в том, чтобы во что бы то ни стало добиться оправдания подсудимого, а в установлении объективной истины.

Подсудимый во время допросов свидетелей пользуется всеми процессуальными правами стороны. Он может, когда наступает его очередь, спрашивать свидетеля по всем тем пунктам, которые он считает необходимым выяснить, может участвовать в перекрестном допросе, просить произвести передопрос свидетеля, устроить ему очные ставки, делать заявления в связи с показаниями свидетеля.

В задачу председательствующего и членов суда входит: выяснить во время допроса свидетеля все те вопросы, которые остались неясными после допроса его сторонами; повторить свидетелю те из заданных ему сторонами вопросов, ответы на которые не убедили суд в их правдивости; побудить свидетеля к тому, чтобы он правдиво рассказал о тех обстоятельствах, о которых он умолчал в процессе допроса.

Проверка показаний, данных свидетелем на суде, может быть произведена различными способами.

Важным средством проверки правдивости показаний свидетеля является перекрестный допрос.

Перекрестный допрос свидетеля — это сложная форма допроса. По одному и тому же обстоятельству свидетель может допрашиваться то составом суда, то обвинителем, то защитником, то подсудимым. При этом участники процесса могут возвращаться к допросу по поводу того же

обстоятельства в связи с ответами свидетеля на вопрос другой стороны.

Перекрестный допрос проводится тогда, когда выясняется важное противоречие в показаниях свидетеля, неточность в ответе или вызываются серьезные сомнения в правдоподобности показания, между тем как эти показания имеют важное значение для дела.

Перекрестный допрос может, как правило, происходить после того, как свидетель изложил все известные ему по делу обстоятельства и ответил на вопросы суда и сторон.

К перекрестному допросу следует прибегать лишь в крайних случаях. В обязанности председательствующего на суде входит направлять перекрестный допрос так, чтобы свидетель чувствовал себя свободно, чтобы вопросы ставились в надлежащей форме и надлежащем порядке, чтобы допрос вращался вокруг подлинно существенных для дела обстоятельств.

Передопрос в присутствии других свидетелей обычно происходит в связи с показаниями последних. Если после состоявшегося допроса свидетеля другие свидетели в своих показаниях дадут иное освещение того обстоятельства, о которых показывал уже допрошенный свидетель, суд может по собственной инициативе или по предложению кого-либо из сторон передопросить этого свидетеля. Передопрос отличается от очной ставки тем, что суд и стороны удовлетворяются новыми показаниями, не прибегая при этом к допросу по тем же обстоятельствам других лиц.

Дополнительный допрос свидетеля по регламенту судебного следствия может происходить после того, как суд рассмотрел все доказательства, т. е. в порядке дополнения судебного следствия, стороны, как и суд, могут дополнительно выяснить ряд интересующих их обстоятельств.

На очную ставку во время судебного следствия свидетель может быть поставлен как с другими свидетелями, так и с подсудимыми. Очная ставка производится немедленно после того, как свидетель закончил свои показания, а иногда сразу же после показаний по одному какому-либо обстоятельству или по группе обстоятельств. Очная ставка на суде осложняется тем, что лица, с которыми данный свидетель должен быть поставлен на очную ставку, уже дали свои показания по делу и слышали показания этого свидетеля.

Тем не менее очная ставка на суде успешно применяется. Если даже лица, поставленные на очную ставку, остаются при своей версии, тем не менее непосредственное восприятие судом и сторонами ответов всех лиц на один и тот же вопрос позволяет им лучше ориентироваться в обстоятельствах дела, сформулировать оценку этих противоречивых данных.

На суде очная ставка может быть одновременно проведена между несколькими

лицами. Об одном и том же обстоятельстве дела стороны и суд могут допросить трех, четырех и большее количество лиц из числа подсудимых и свидетелей, выяснить у каждого из них, известно ли им что-либо по данному обстоятельству, проверить те ссылки, которые на них сделал подсудимый и свидетель, и т. д.

Если очная ставка проводится одной из сторон — обвинителем или защитником, то другая сторона не может в ней участвовать. Лишь после того, как одна сторона закончила очную ставку, представитель другой стороны в соответствии со ст. 283 УПК может предложить допрашиваемому свидетелю дополнительные вопросы, а при необходимости — даже повторить очную ставку.

Одним из средств проверки показаний свидетеля является оглашение на суде, во время допроса этого свидетеля, показаний, данных им в стадии предварительного расследования (ст. ст. 296 и 395 УПК).

Необходимость оглашения ранее данных показаний при наличии противоречий с новыми показаниями вызывается рядом соображений. Это позволяет самому свидетелю, сторонам и суду сопоставить различное освещение фактов. Затем, воспроизведение ранее данных показаний дает возможность заслушать объяснения свидетеля, почему он изменил их. Далее, необходимо иметь в виду, что в соответствии со ст. 23 Основ уголовного судопроизводства и постановлением Пленума Верховного суда СССР от 25 июля 1950 г. № 13/9/У «О судебном приговоре» приговор суда может быть основан только на рассмотренных судом материалах.

Успешное осуществление деятельности суда мыслимо лишь при условии, если факты, относящиеся к совершенному преступлению и к лицам, подозреваемым в совершении преступления, будут устанавливаться точно, а приговор суда, являющийся конечным выводом по делу, будет соответствовать действительности и отражать объективную истину. «Если суд только приблизился к истине, — пишет акад. А. Я. Вышинский, — но не установил истины в данном судебном деле, то о каком же правильном, справедливом судебном решении может быть речь?» (А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, М., 1950, стр. 199).

Показания подсудимого и свидетелей в суде — важнейший вид доказательств. Правильное осуществление допроса подсудимого и свидетелей в суде, точное соблюдение при этом установленных законом норм являются серьезной гарантией достижения объективной истины.

Р. Рахунов

кандидат юридических наук

ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ ВМЕНЯЕМОСТИ

В своей статье «Трактовка понятия невменяемости» в журнале «Социалистическая законность» № 8 за 1952 год проф. А. Халецкий поднял очень интересный в теоретическом отношении вопрос судебно-психиатрической практики.

Нельзя не согласиться с тем, что юридическое понятие вменяемости (невменяемости) должно иметь, по существу, отношение: 1) лишь к лицу, совершившему уголовное правонарушение, и 2) лишь к самому моменту совершения последнего, так что, казалось бы, употребление выражения «в настоящее время вменяем (невменяем)» в судебно-психиатрическом заключении неуместно.

Практически, однако, такое сужение понятия вменяемости при существующем законодательстве едва ли осуществимо. Проф. Халецкий сам признает, что «смешению понятий невменяемости и невозможности нести ответственность за содеянное во вменяемом состоянии способствовала неопределенность формулировки ст. 11 УК РСФСР, которая допускает объединение в одной фразе резко отличающихся положений» (стр. 33).

Более точными, т. е. соответствующими его концепции, он считает формулировки ст. 322 УПК РСФСР и инструкции от 25 марта 1948 г. «О порядке применения принудительного лечения и других мер медицинского характера в отношении психически больных, совершивших преступления», причем в последней он цитирует §§ 3, 29, 31.

Но как быть с § 32, в котором говорится: «Признав ненужным применение принудительного лечения в психиатрическом учреждении душевнобольных, совершивших преступления и признанных невменяемыми, суд, прекращая дело, выносит определение об отдаче больного на попечение родных и одновременно под врачебное наблюдение»? Ведь здесь под «невменяемыми» разумеются не только совершившие в таком состоянии преступления, но и оказавшиеся невменяемыми к моменту вынесения приговора, т. е. после совершения преступления, в полном соответствии с ч. 2 ст. 11 УК РСФСР.

Но этого мало. Инструкция «О производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР» от 17 февраля 1940 г. даже требует от эксперта заключения о вменяемости в настоящее время, т. е. в момент исследования. В § 1 читаем: «Основными

задачами судебно-психиатрической экспертизы являются: а) определение психического состояния и заключение о вменяемости лиц, задержанных или привлекаемых к уголовной ответственности и вызывающих у следственных органов и суда сомнение в их душевном здоровье» и т. д. Ясно, что здесь речь идет об обеих категориях правонарушителей, относящихся к обеим частям ст. 11. А § 8 требует, чтобы заключительная часть акта судебно-психиатрической экспертизы содержала и «оценку психического состояния испытуемого в момент совершения преступления и в период испытания и связанное с этим решение вопроса о вменяемости», также понимая, таким образом, вменяемость в широком смысле слова. § 26 говорит о том, как поступать при производстве стационарной экспертизы «в случае невозможности вынести окончательное заключение о душевном здоровье и вменяемости в указанный срок» (в течение тридцати дней); § 28 говорит о «случаях возникновения в камере следователя, на суде или в месте лишения свободы затруднений при решении вопроса о душевном здоровье и вменяемости испытуемого».

Все это находится в противоречии с принципиально правильным положением проф. Халецкого. В частности, эта инструкция требует от судебно-психиатрического эксперта в камере следователя именно того, что проф. Халецкий считает неправильным, утверждая, что «в таких случаях достаточно ясно необходимость ограничиться одной только оценкой психического состояния без определения вменяемости» (стр. 29). Да того же требует от нас повседневно и суд, который, как правило, интересуется двумя вопросами: был ли вменяем подсудимый в момент совершения преступления и вменяем ли он в настоящее время? Выражение «вменяем в настоящее (данное) время» говорит об определенном моменте — именно моменте исследования, относящемся к состоянию статуса, которое главным образом и определяет заключение стационарной экспертизы, отделенной, по крайней мере, месячным, а то и более, сроком от момента совершения преступления.

Проф. Халецкий указывает на получающуюся при этом нелепость: «сохраняя последовательность, сторонники расширительного толкования понятий вменяемости и

способности ко вменянию должны были бы признать, что лицо, совершившее преступление в нормальном состоянии, теряет в дальнейшем эту вменяемость на то время, пока длится истерический, эпилептический припадок и т. д. Они должны были бы ответить на вопрос суда о подсудимом, признанном экспертизой вменяемым, но впадшим в истерический припадок во время судебного заседания, что «в настоящее время» в отношении предъявленного ему преступления это лицо невменяемо, однако через полчаса, час вернется во вменяемое состояние» (стр. 31).

Это уж, конечно, поведение до абсурда. Так вопрос никто на практике не ставит. Ведь когда мы в обычной медицинской (а не юридической) практике, исследуя больного, говорим о статусе, мы разумеем в данном случае статус вообще, во всех его проявлениях, а не в каком-либо эпилептическом или истерическом припадке, и вовсе не строим своего диагноза и своих выводов на основании одного симптома. Поэтому и в судебной практике также ни один эксперт, давая заключение о лице, совершившем преступление, никогда своего заключения на основании одного припадка не строит: припадок — это еще не статус и сам по себе ни на диагноз ни на заключение о вменяемости или невменяемости права не дает.

Мне кажется также, что расширенное понимание вменяемости не имеет прямого отношения к практике оценки душевных заболеваний, наступивших после совершения преступления. Если в случае длительности такого рода заболеваний многие эксперты легко склоняются к признанию этих лиц невменяемыми, то это совсем другой вопрос. Не все ли равно: признает ли эксперт лицо, заболевшее после совершения преступления, невменяемым или «больным расстройством душевной деятельности»? Как в том, так и в другом случае практически для суда встанет вопрос о ч. 2 ст. 11 УК и ч. 2 или 3 ст. 322 УПК: если это расстройство носит временный характер, суд приостановит дело до выздоровления подсудимого; если «болезнь признана неизлечимой», — прекратит дело. Признание лица, совершившего преступление, невменяемым после его совершения само по себе не имеет особого практического значения.

На практике судебно-психиатрический эксперт при решении вопроса о вменяемо-

сти попадает порой в затруднительное положение по совсем другой причине.

Проф. Халецкому — как одному из руководящих работников Центрального научно-исследовательского института имени Сербского и члену редакционной коллегии выпускаемых последним учебников судебной психиатрии, которыми в конце концов приходится руководствоваться и преподавателям судебной психиатрии и судебно-психиатрическим экспертам, — следовало бы обратить внимание на необходимость более бережного обращения в этих учебниках с понятием вменяемости, чтобы не дезориентировать тех и других.

В самом деле, что они должны думать, когда один и тот же автор в «Судебной психиатрии» для юридических школ (изд. 1941 г.) на стр. 113, говоря об эпидемическом энцефалите, пишет, что «выраженные изменения характера (назойливость, возбудимость, аморальность), в силу ственной этим больным импульсивности, тяжелой недисциплинированности, обычно приводят к заключению о невменяемости», а в «Судебной психиатрии» для юридических институтов и юридических факультетов университетов (изд. 1947 и 1949 гг.) на стр. 220 пишет диаметрально противоположное, а именно: «даже выраженные изменения характера у взрослых энцефалитиков (возбудимость, импульсивность, назойливость и т. п.) еще не могут служить критерием для решения вопроса о невменяемости»?!

Это, конечно, не единственный пример легкого обращения с понятием вменяемости, а лишь наиболее яркий. Но если у самих сотрудников института имени Сербского нет определенного представления о понятии вменяемости в применении к тому или иному случаю, в отношении того или иного психического заболевания и оно у них то и дело меняется (я уж не касаюсь здесь пресловутого вопроса о психопатиях), — то чего же требовать от рядовых судебно-психиатрических экспертов?!

Мне представляется, что наступил момент, настоятельно требующий специального совещания советских судебных психиатров для решения назревших вопросов судебно-психиатрической экспертизы, инициатива созыва которого и руководство которым должны, естественно, принадлежать институту имени Сербского.

А. Евлахов

Проф. судебной психиатрии

РАЗРЕШЕНИЕ СУДАМИ СПОРОВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ПОСТАВКИ НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

Коммунистическая партия и Правительство Советского Союза уделяют огромное внимание качеству продукции, выпускаемой социалистической промышленностью.

Но, несмотря на проводимые мероприя-

тия, все еще имеются случаи выпуска и поставки недоброкачественной продукции.

Поставка недоброкачественной и некомплектной продукции приводит к возникновению между покупателями (грузополуча-

телями) и поставщиками гражданских споров: покупатели требуют с поставщиков возврата стоимости оплаченной покупателем забракованной или некомплектной продукции либо уценки продукции путем перевода в пониженную сортность, а также требуют уплаты штрафов за поставку недоброкачественной и некомплектной продукции.

Основная масса таких споров в соответствии с правилами о подсудности разрешается органами Государственного арбитража.

Однако часть таких споров поступает также на рассмотрение судебных органов, а именно: все споры между хозяйственными органами различных ведомств при сумме исков до 1000 руб., а также и свыше 1000 руб. в тех случаях, когда недоброкачественность продукции выявлена при выдаче ее грузополучателю на станции (пристанях) назначения, о чем составлен коммерческий акт, и иск заявлен не только к поставщику (грузоотправителю), но и к органу транспорта.

Как органы арбитража, так и судебные органы, разрешая споры, вытекающие из поставки недоброкачественной и некомплектной продукции, обязаны руководствоваться законами, постановлениями и распоряжениями правительства, основными условиями поставки, договорами, заключенными спорящими сторонами, а также действующими стандартами, надлежаще утвержденными техническими условиями и преискурантами.

При рассмотрении вышеуказанных споров часто возникает ряд вопросов, требующих для своего разрешения дополнительных инструктивных указаний.

Именно поэтому была утверждена инструкция Государственного арбитража при СНК СССР «О порядке и сроках предъявления претензий при поставке товаров ненадлежащего качества одними государственными, кооперативными и общественными организациями другим». Эта инструкция была обязательна для всех хозяйственных органов независимо от их ведомственной принадлежности и подлежала применению как органами арбитража, так и органами судебными (ст. 26 инструкции).

24 ноября 1952 г. Главным арбитром при Совете Министров СССР издана новая инструкция за № 70 «О порядке рассмотрения государственными арбитражами имущественных споров, связанных с поставкой недоброкачественной и некомплектной продукции». С изданием этой инструкции инструкция 1939 года считается утратившей силу.

Как видно из названия инструкции от 24 ноября 1952 г. № 70, из ст. 8 и других статей этой инструкции, она обязательна для применения при разрешении споров только органами государственного арбитража. Таким образом, после издания новой инструкции судебные органы не имеют инструкции, которую они обязаны были бы

применять при разрешении споров, вытекающих из поставки недоброкачественной и некомплектной продукции.

Такое положение создает неустойчивость судебной практики, неопределенность и неясность для судебных органов при разрешении ряда вопросов, связанных с поставками недоброкачественной и некомплектной продукции, может вести к вынесению неправомерных решений, а в отдельных случаях и к ущербу для государства.

Приведем примеры:

В директивном письме Верховного суда СССР от 5 января 1934 г. № 5 в редакции постановления Пленума Верховного суда СССР от 8 мая 1941 г. № 18/6/У разъясняется, что иски о ненадлежащем качестве, ассортименте и о некомплектности поставленной продукции должны предъявляться по месту получения товара.

Как же надлежит определять территориальную подсудность исков, связанных с качеством тары и упаковки, с маркировкой продукции и тары, с нарушением комплектности и боем продукции, происшедшими по вине поставщика (изготовителя) при транспортировке?

Органы государственного арбитража во всех перечисленных случаях согласно ст.ст. 8 и 10 инструкции от 24 ноября 1952 г. № 70 должны рассматривать споры по месту получения продукции или по месту получения тары и упаковки, возвращаемых после освобождения из-под продукции. А как должны в этих случаях определять территориальную подсудность исков судебные органы?

Статья 10 инструкции № 70 обязывает истца предъявлять иск одновременно к поставщику и к изготовителю продукции, когда поставщик не является ее изготовителем. Такое правило, несомненно, ведет к устранению задержек в разрешении споров, к скорейшему, правильному и полному их разрешению.

Необязательность для истца соблюдать это правило при обращении в судебные органы повлечет задержку в разрешении споров, излишнее откладывание дел либо предъявление излишних регрессных исков.

Статья 14 инструкции № 70 подробно указывает порядок исчисления шестимесячного срока исковой давности, установленного для предъявления исков, вытекающих из ненадлежащего качества или некомплектности поставленной продукции.

Необязательность для судебных органов этого порядка повлечет разноречивую судебную практику по этому вопросу и вынесение в ряде случаев ошибочных решений.

Статьи 21 и 23 инструкции № 70 прямо предусматривают последствия несоблюдения грузополучателем продукции правил приемки ее от органов транспорта и разбраковки ее (сплошная или выборочная).

При необязательности для судебных органов инструкции № 70 разрешение

вышеуказанных вопросов будет для них крайне затруднительным.

В случае непредставления истцом доказательств доведения уценки недоброкачественной продукции до потребителя, органы государственного арбитража обязаны уценку и штраф за поставку недоброкачественной продукции взыскать в доход союзного бюджета (ст. 24 инструкции № 70).

Судебные же органы в таких случаях, не имея по этому вопросу обязательных для них указаний, будут отказывать в взыскании уценки и штрафа (за недоказанностью), что поведет к явному ущербу для союзного бюджета и к оставлению безнаказанным поставщика недоброкачественной продукции.

То же в случаях поставки без договора недоброкачественной продукции. Органы государственного арбитража в таких случаях согласно ст. 25 инструкции № 70 должны исходить из положений, определенных основными условиями поставки данной продукции, и установленный штраф взыскивать с поставщика (изготовителя) в доход союзного бюджета (ст. 25 инструкции № 70).

Судебные же органы в таких случаях, не имея норм, которыми надлежит руководствоваться при разрешении споров по вопросам сроков и порядка составления актов, посылки рекламаций и пр., во взыскании санкций (штрафов) за поставку недоброкачественной продукции должны будут отказывать (ст. 141 ГК РСФСР).

Таким образом, и в указанном случае разрешение спора в судебных органах приведет к ущербу для союзного бюджета и к безнаказанности поставщика (изготовителя) недоброкачественной продукции.

Такое же положение создается, когда

получатель недоброкачественной продукции нарушит установленные основными условиями поставки или договором сроки проверки качества продукции, ее актирования, предъявления претензий: органы государственного арбитража обязаны в таких случаях взыскивать с поставщика (изготовителя) продукции установленный штраф в полной сумме, причем они вправе до 75% суммы штрафа обратить в доход союзного бюджета (ст. 27 инструкции № 70); судебные же органы имеют основание в этих случаях отказывать в исках о взыскании санкций (штрафа).

Из приведенных примеров видно, что необходимо создать единую, устойчивую, правильную практику судебных органов и органов государственного арбитража в разрешении такой важной категории споров, как споры о поставке недоброкачественной и некомплектной продукции. Необходимо установление здесь единых норм, одинаково обязательных и для органов арбитража и для судебных органов, как это и было в период действия инструкции от 29 августа 1939 г. № 1306.

Поэтому, мы полагаем, Министерству юстиции СССР следовало бы поставить вопрос перед Верховным судом СССР о даче указаний всем судебным органам, чтобы при разрешении споров, вытекающих из поставки недоброкачественной и некомплектной продукции, судебные органы руководствовались инструкцией от 24 ноября 1952 г. № 70, изданной Главным арбитром Государственного арбитража при Совете Министров СССР.

К. Николаев

Старший консультант Государственного арбитража Министерства юстиции УССР

УЛУЧШИТЬ КАЧЕСТВО РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ В ВЕРХОВНОМ СУДЕ РСФСР

Отменяя судебные решения, Верховный суд РСФСР должен исправлять ошибки нижестоящих судов и, передавая дело на новое рассмотрение, давать им правильные руководящие указания. Члены Верховного суда РСФСР, в особенности докладчик, должны исключительно хорошо изучить дело и разрешить его в соответствии с законом.

Однако Верховный суд РСФСР иногда дает судам неправильные указания, противоречащие существующим законам. Это говорит о поверхностном отношении членов суда к разрешению дел. Так решением народного суда 1-го участка Усть-Вымского района Коми АССР от 9 августа 1952 г. взыскано с Средне-Вычегодской сплавной конторы 1368 руб. в пользу колхоза имени Маленкова за самовольный за-

хват и использование с 1935 по 1950 год 0,97 га колхозной земли, причем суд удовлетворил иски в пределах исковой давности за полтора года.

Казалось бы, что решение народным судом вынесено правильно. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР в составе председательствующего Фоминной и членов суда Медведева и Чернышева (докладчик т. Медведев), рассматривая это дело 12 ноября 1952 г. по протесту прокурора РСФСР, отменила законное решение народного суда и, передавая дело на новое рассмотрение, дала народному суду неправильное указание.

Вот выдержка из определения: «В обосновании иска указывается, что сплавная контора самовольно захватила и использо-

вала 0,97 га колхозной земли, каковой пользовалась с 1935 по 1950 год, сняла урожай сена за указанный период 777 пудов на сумму 15 540 руб., каковую и просил взыскать в пользу колхоза. Суд удовлетворил иск частично в пределах исковой давности за полтора года и взыскал в пользу колхоза 1368 руб.

Дело подлежит пересмотру по следующим основаниям: Удовлетворяя иск колхоза, суд неправильно исходил из размера упущенной выгоды в виде снятого урожая за последние полтора года, тогда как следовало исходить из прямого убытка, понесенного колхозом, выразившегося в размере сланной продукции государству по обязательным поставкам за земельный участок, находившийся в пользовании славной конторы».

Видимо, члены суда, рассматривавшие дело, не знают п. 3 постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г., где говорится, что в случаях самовольного захвата земель взыскивается в пользу колхоза снятый урожай в натуре, а при невозможности взыскания в натуре присуждается стоимость его по рыночным ценам.

Спрашивается: как же будет рассматривать данное дело народный суд, поскольку для него указание Верховного суда является обязательным?!

Членам Верховного суда РСФСР в дальнейшем нужно более серьезно относиться к рассмотрению дел и указания судам давать в соответствии с существующими законоположениями.

К. Турков

Заместитель Министра юстиции
Коми АССР

О ПРОТОКОЛАХ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Проверка работы судов показывает, что некоторые судьи и секретари недооценивают значения протоколов подготовительных заседаний и потому к их составлению в ряде случаев подходят формально, ограничиваясь в лучшем случае лишь выполнением требований ст. 79 УПК РСФСР (и соответствующих статей УПК других союзных республик).

Судьи и секретари, видимо, забывают, что ст. 79 УПК, поскольку она исходила из измененной ныне существенным образом ст. 236 УПК РСФСР, несколько устарела.

В соответствии со ст. 27 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик и постановлением 54-го Пленума Верховного суда СССР 1936 года в настоящее время все дела от прокурора с обвинительным заключением подлежат обязательному предварительному рассмотрению в подготовительном заседании суда.

Суд в подготовительном заседании обязан рассмотреть широкий и важный круг вопросов, — в частности: о наличии в действиях обвиняемого состава преступления; о полноте предварительного следствия; о достаточности, обоснованности и правильности квалификации предъявленного обвинения; о соблюдении при проведении предварительного следствия требований УПК; о ходатайствах обвиняемого; о допущении участия сторон; о списке лиц, вызываемых в судебное заседание; о мере пресечения; о времени, месте и порядке слушания дела.

Решению этих вопросов предшествует рассмотрение и обсуждение их судом в установленном законом порядке с участием прокурора.

Докладывая дело в подготовительном заседании, прокурор вносит и обосновывает

свои предложения, причем судьи в ряде случаев не ограничиваются лишь выслушиванием доклада прокурора, а задают ему вопросы, имеющие существенное значение для принятия правильного решения. После доклада прокурора, как правило, содокладчик (один из членов суда) дополняет и уточняет отдельные моменты.

И вот вся эта важная часть подготовительного заседания зачастую не находит никакого отражения в протоколе подготовительного заседания. А это в свою очередь приводит, с одной стороны, к тому, что строго официальное, деловое и принципиальное обсуждение всех вопросов в подготовительном заседании превращается, — поскольку оно не фиксируется, — в частную беседу суда с прокурором, понижая их взаимную требовательность по делу, а с другой стороны — лишает возможности вышестоящий суд проверить, насколько тщательно рассматривалось дело в подготовительном заседании, соблюдались ли при этом требования закона, какие предложения по тем или иным вопросам внес прокурор, какие вопросы были уточнены у прокурора, насколько глубоко изучил дело содокладчик и т. п.

В отдельных случаях член суда в своем содокладе отмечает некоторые недостатки предварительного следствия, по которым целесообразно выносить частные определения или писать соответствующим органам письменные замечания. Чтобы эти замечания не исчезли бесследно, чтобы их можно было использовать либо при общении недостатков предварительного следствия по рассмотренным судом делам, либо на совещаниях следственных или прокурорских работников, необходимо их зафиксировать в протоколе подготовительного заседания.

Исходя из этих соображений, многие судьи и секретари давно отказались от шаблонного изложения протоколов подготовительных заседаний — излагают их полно и четко, указывая в них (помимо места и времени заседания, состава суда, сторон, слушаемого дела и поступивших ходатайств) конкретные предложения прокурора, вопросы, заданные судом прокурору, и его ответы, сущность содоклада члена

суда (в том числе и его замечания о недостатках предварительного следствия) и другие вопросы, могущие иметь существенное значение по делу.

С нашей точки зрения, практика этих судей заслуживает самого широкого распространения.

И. Чупаленков

Старший ревизор Министерства юстиции СССР

О ПРОТОКОЛАХ СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ

Статья Б. Тетерина «Протокол судебного заседания по уголовному делу»¹ вызвала живой интерес среди судебных работников. Если иметь в виду, что протоколы судебных заседаний у нас изготавливаются не всегда в соответствии с требованиями закона, то обсуждение этого вопроса на страницах печати тем более полезно.

По моему мнению, Б. Тетерин рекомендует ряд неправильных положений, которые не могут быть положены в основу нашего судопроизводства, так как в известной степени они противоречат смыслу закона.

По мнению автора, в протоколе должен быть отражен доклад секретаря о явке вызывавшихся в суд лиц, с указанием, кто из них явился и кто не явился и по каким причинам, в отношении подсудимого должно быть указано, находился ли он до суда на свободе или доставлен в суд под стражей, в последнем случае — срок предварительного заключения.

Мне кажется, что эти процессуальные функции автором вменяются секретарю произвольно: законом не предусмотрено, чтобы секретарь докладывал о причинах неявки свидетелей, о сроках предварительного заключения и т. д.

Б. Тетерин, далее, указывает, что после оглашения приговора в протокол заносится полный текст определения суда об избрании или изменении меры пресечения осужденным до вступления приговора о них в законную силу или об освобождении из-под стражи оправданных.

Такая трактовка также находится в противоречии с законом. Следовать ей — значит прямо нарушать требования ст. 341 УПК РСФСР, которая обязывает суд при вынесении приговора обсудить вопрос о мере пресечения, — именно при вынесении приговора, а не после его оглашения.

По смыслу ст. 80 УПК РСФСР объявляемые перерывы судебного заседания в протоколе отражать необязательно. Однако, на мой взгляд, перерыв, связанный с удалением суда для обсуждения заявленных сторонами ходатайств, перерыв для дополнительного ознакомления подсудимого с делом, а также время удаления суда

в совещательную комнату для вынесения приговора и время его возвращения следует отражать в протоколе.

Мне кажется, что постановка т. Тетериным вопроса о необходимости приобщения к делу содержания прений сторон — конспектов прокурора и защитника — неправильная: если даже стороны при изучении дела составили соответствующие конспекты для выступления в суде, то к концу судебного следствия они могут потерять свое значение.

Несомненно, что протокол должен быть зеркалом судебного процесса. Он должен отражать в себе все те действия, которые имели место в судебном заседании.

Протокол судебного заседания имеет важнейшее значение: он является единственным документом, отражающим весь ход судебного процесса. Написан он должен быть в судебном заседании. Только такой протокол будет отражать действительную картину процесса.

До судебного заседания секретарь должен кратко ознакомиться с делом, чтобы иметь представление об обстоятельствах дела. Затем в судебном заседании председательствующий должен следить за тем, чтобы записи в протоколе были произведены полно и правильно.

Подавляющее большинство наших судебных работников изготавливает протоколы в самом судебном заседании (это к тому же освобождает секретаря от излишней нагрузки). Но нередко бывает и так, что секретарь один день сидит в судебном заседании по делу и пишет черновой материал, а затем два-три дня оформляет протокол, сторона же, заинтересованная в ознакомлении с протоколом для составления жалобы, протеста, не имеет возможности с ним своевременно, сразу же после суда ознакомиться.

Качеством протокола и своевременным его изготовлением должны интересоваться как руководители судов, так и кассационные инстанции, вынося в необходимых случаях частные определения на недоброкачество протоколов. Этим самым повысится требовательность и ответственность председательствующего и секретаря за надлежащее изготовление протоколов судебного заседания.

И. Белорус

¹ «Социалистическая законность» № 6 за 1952 год.

Важность протокола судебного заседания по каждому делу, рассмотренному в судебном заседании, для юристов очевидна. Не говоря о том, что вышестоящий суд проверяет законность и обоснованность вынесенного по делу приговора главным образом по протоколу судебного заседания, протокол неизбежно необходим и для суда первой инстанции, особенно по делам с большим количеством обвиняемых и свидетелей, где обвинение состоит из ряда эпизодов и рассмотрение дела протекает в суде в течение нескольких дней. По таким делам суд вынужден прибегать при вынесении приговора к протоколу судебного заседания, ибо память судей не может удержать всех фактов и эпизодов в изложении их участниками процесса.

Важное значение имеет протокол судебного заседания и для следственных органов в случаях возвращения судом дела на следствие по мотивам привлечения к уголовной ответственности новых лиц, в особенности в случаях привлечения к ответственности за лжесвидетельство, и по другим основаниям.

Каким должен быть протокол судебного заседания, достаточно известно. Перечень вопросов, подлежащих обязательному освещению в протоколе судебного заседания, содержится в ст. 80 УПК Белорусской ССР. По вопросу оформления протоколов судебного заседания имеется ряд указаний Пленума Верховного суда СССР.

Задача секретарей судебных заседаний, равно как и народных судей, председателей и членов областных и специальных судов состоит лишь в добросовестном выполнении всех этих правил и указаний.

К сожалению, судебная практика линейных судов транспорта допускает нарушения правил составления протоколов судебных заседаний при рассмотрении дел. Главным таким нарушением является затяжка с оформлением протоколов.

Постановление 52-го Пленума Верховного суда СССР от 28 октября 1953 г. устанавливает, что протоколы судебных заседаний по гражданским делам обязательно должны составляться во время судебного заседания. Как правильно указывает в своей статье т. Тетерин («Социалистическая законность» № 6 за 1952 г.), это принципиальное положение должно быть распространено и на протоколы судебных заседаний по уголовным делам. Правильность такого положения подтверждает и инструкция НКЮ СССР № 59 от 30 июня 1943 г., в которой сказано, что секретарь судебных заседаний обязан сдать оформленное дело с изготовленным протоколом судебного заседания не позже следующего за судебным заседанием дня.

Таким образом, кажется абсолютно ясным, что протокол судебного заседания

должен изготовляться в самом судебном заседании по каждому делу и что во всяком случае оформление его должно быть закончено не позже следующего по окончании судебного заседания дня.

Между тем некоторые работники судов транспорта считают, что протокол судебного заседания может оформляться в течение трех суток по рассмотрении дела (это относится к линейным судам Белорусской ж. д., Минской ж. д. и др.). На практике, однако, бывают случаи, когда оформление протоколов судебных заседаний затягивается более чем на три дня, причем это происходит по таким небольшим по своему объему делам, по которым протоколы вполне можно оформить в день судебного заседания.

В подтверждение того, что протокол может оформляться в течение трех суток ссылаются на ст. 81 УПК Белорусской ССР, которая разрешает сторонам подавать свои замечания на протокол в течение трех суток после его изготовления и подписания. Но в таком случае забывают об указаниях Верховного суда СССР и инструкции НКЮ СССР (о которых говорилось выше) и о ст. 400 УПК Белорусской ССР, которая устанавливает для прокурора 72-часовой (трехсуточный) срок для опротестования приговора с момента его провозглашения. Для того чтобы иметь суждение об обоснованности приговора, прокурор должен ознакомиться с протоколом судебного заседания, — если же протокол будет оформляться в течение трех дней, то прокурор рискует пропустить срок для принесения протеста.

Помимо всего прочего, следует иметь в виду, что линейные суды часто рассматривают дела в выездных сессиях, на которые прокурор и адвокаты нередко приезжают из других городов и районов. Затяжка в оформлении протокола судебного заседания в таких случаях фактически лишает стороны возможности подавать замечания на протокол и приносить жалобы и протесты в установленный законом срок, так как по окончании рассмотрения дела судья и секретарь обычно немедленно выезжают в место постоянного нахождения суда и забирают с собой дело (не случайно поэтому многие прокуроры и адвокаты сами в процессе судебного следствия старательно записывают показания обвиняемых и свидетелей). Чтобы не оказаться в положении нарушителя кассационного срока (хотя и по вине суда), прокуроры вынуждены прибегать к так называемым «предварительным» протестам, сущность которых сводится к тому, что прокурор вручает суду «протест» без мотивировки, но с указанием на то, что мотивы неправильности приговора будут им изложены по ознакомлении с протоколом судебного заседания, когда он будет оформлен.

Получается, что суд вместо строжайшего соблюдения советских законов сам толкает стороны на нарушение закона. Ясно, что, действуя таким образом, суд не выполняет задачи воспитания граждан в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, возложенной на него ст. 3 Закона о судостроительстве.

Изготовление протокола в ходе судебного заседания практически никакой сложности не представляет. Для этого необходимо только, чтобы секретарь судебного заседания обладал известным минимумом специальных знаний, т. е. чтобы по своим деловым качествам обеспечивал ведение протокола в самом ходе судебного процесса. Кроме того, он должен до рассмотрения дела в судебном заседании хотя бы кратко ознакомиться с делом. Предварительное ознакомление с делом помогает также секретарю понять смысл непонятных для него слов и выражений и тем самым облегчает грамотное составление протокола (это особенно необходимо по делам, по которым часто встречается техническая терминология).

Задача грамотного составления протокола именно в самом ходе судебного процесса в неменьшей мере зависит и от председательствующего по делу. Если судья во время судебного процесса не обращает внимания на то, справляется ли секретарь с записью показаний допрашиваемых лиц (к сожалению, такие судьи у нас есть), то можно с уверенностью сказать, что протокол не будет отражать с достаточной полнотой и последовательностью всего происходящего в суде. Секретарь суда — не стенографист, и от него нельзя требовать, чтобы в протоколе было записано абсолютно все, о чем говорят участники процесса.

Протокол судебного заседания — важный процессуальный документ. Протокол должен составляться непосредственно в судебном заседании: во-первых, составление протокола непосредственно в суде обеспечивает наиболее полное и объективное отражение всех происшедших в суде действий так, как они имели место, не дает секретарю возможности в дальнейшем вносить свои коррективы, иногда существенно меняющие содержание протокола (что чаще всего бывает при переписывании); во-вторых, позволяет сторонам своевременно ознакомиться с протоколом и в установленном законом срок (ст. ст. 346 и 400 УПК РСФСР) принести жалобу или протест в вышестоящий суд; в-третьих, дает возможность суду, вынесшему приговор,

Другое дело, когда председательствующий все время следит за действиями секретаря по ведению протокола, — тогда он помогает секретарю отразить в протоколе главное: если видит, что секретарь не успел записать что-либо существенное из показаний допрашиваемых, он делает паузу и дает возможность секретарю записать все необходимое с надлежащей полнотой. При соблюдении этих условий секретарь вполне может оформить протокол в ходе судебного заседания и сдать его председателю суда для проверки и подписания сразу же после объявления приговора.

Б. Тетерин в своей статье пишет, что министерства юстиции союзных республик не уделяют должного внимания укомплектованию судов квалифицированными кадрами секретарей судебных заседаний и поэтому в народных судах и даже в большинстве вышестоящих судов секретарями судебных заседаний работают лица, не имеющие даже общего среднего образования, не говоря о специальном юридическом образовании. Безусловно, это сказывается на качестве работы. Следует сказать, что положение в линейных судах железнодорожного транспорта несколько иное: там значительное число секретарей имеет юридическое образование или длительный стаж работы, по объему деятельности судебные секретари линейных судов гораздо меньше загружены делами, чем в народных судах. Это дает основание требовать от линейных судов доброкачественного и своевременного оформления протоколов судебных заседаний, и мне кажется, что управление линейных судов транспорта Министерства юстиции СССР должно принять соответствующие меры.

И. Матарас

Прокурор Жлобинского участка
Белорусской ж. д.

своевременно, не ущемляя прав жалобника, представить дело в кассационный суд (ст. ст. 334 и 401 УПК РСФСР).

Изготовить протокол в суде — дело не легкое, оно требует определенных практических навыков, общеобразовательной и хотя бы минимальной юридической подготовки. У каждого секретаря, несомненно, есть собственный опыт изготовления протоколов в суде, и дать какую-либо определенную, строго ограниченную формулу в этом невозможно. Однако соблюдение некоторых положений является обязательным для всех секретарей.

В этой статье я хочу рассказать о своем опыте изготовления протокола в суде. До судебного заседания я прочитываю основные показания обвиняемых и свидете-

лей или хотя бы обвинительное заключение. Это дает мне возможность знать содержание дела, запомнить существенные названия по делу, место, время, техническую терминологию и т. д. На отдельный листок бумаги я очень сжато выписываю из обвинительного заключения основные, интересующие меня факты и даты, трудно запоминающиеся названия, фамилии и т. д. Когда во время судебного следствия эти данные упоминаются, я для контроля смотрю в свой листок и без искажения заносу их в протокол.

За несколько минут до начала судебного заседания, проверив явку вызывавшихся в суд лиц и фамилии народных заседателей, в которой указываю дату и место слушания дела, в открытом или закрытом заседании слушается дело, состав суда, фамилию секретаря, прокурора, адвоката, эксперта и истца, если они участвуют, фамилии подсудимых и закон, по которому они преданы суду. Если достоверно известно, кто из свидетелей явился, кто не явился и по каким причинам, то об этом я также указываю в начальной части протокола. Запись разъясненных сторонам прав я вношу в протокол с указанием, какие именно права были разъяснены, а не ограничиваюсь словами: «подсудимому разъяснены права» — такое сокращение, по моему, недопустимо. Правда, записывать непосредственно за председательствующим разъясняемые сторонам права практически трудно, особенно начинающему секретарю. Для этого необходимо иметь отдельный лист бумаги и сокращенно записать разъясненные права, в протоколе же оставить незаполненное место (с учетом плотности своего почерка) для последующего внесения в него недостающей части. Пока председательствующий оглашает обвинительное заключение, есть полная возможность заполнить имеющиеся в протоколе пропуски на основании сделанных на черновике записей. Ответы же сторон и их ходатайства заносятся непосредственно в протокол, причем насколько возможно подробнее.

Пожалуй, самую большую трудность для секретаря составляет запись объяснений подсудимых и показаний свидетелей. Именно здесь и имеет важное значение предварительное знакомство секретаря с делом. Внимательно слушая подсудимого и свидетелей, я фиксирую в протоколе в ясной форме только ту часть показаний и объяснений, которая имеет прямое отношение к делу, отбрасывая не относящиеся к делу отступления и рассуждения.

Показания я записываю только в настоящем времени и в первом лице, т. е. передаю показания от имени подсудимого и свидетелей.

Ответы на вопросы суда или сторон я записываю таким образом, чтобы из них был ясен ставившийся вопрос. Так, если председательствующий спрашивает подсудимого: «А Петрову известно было об этой

краже?» и подсудимый отвечает: «Нет, ему было не известно», следует коротко записать так: «На вопрос председательствующего подсудимый отвечает: «Нет, Петрову об этой краже не было известно».

Фиксировать весь протокол в форме вопросов и ответов непосредственно в суде без стенограммы невозможно, да вряд ли есть в этом какая-либо практическая необходимость. В редких случаях, когда из полученного ответа трудно понять заданный вопрос, возможно прибегать и к записи поставленного вопроса.

Если на один и тот же вопрос отвечает несколько лиц, тогда целесообразнее писать так:

«На вопрос суда отвечают: подсудимый Иванов... свидетель Петров...» и т. д.

Вызов свидетеля, у которого нормальные отношения с подсудимым, я записываю так: «В зал суда вызывается свидетель Петров, взаимоотношения с подсудимым нормальные, что подтверждает подсудимый». Если отношения ненормальные, то указываю от имени подсудимого и свидетеля, в чем выражается эта ненормальность.

В случае вызова в суд свидетеля по ходатайству подсудимого я записываю часть, касающуюся вызова в зал суда этого свидетеля, в обычном порядке, затем отмечаю предупреждение свидетеля об ответственности за дачу ложных показаний и дальше запись произвожу так: «Председательствующий: — Подсудимый Иванов, по вашему ходатайству вызван в суд свидетель Сидоров. Прошу задавать ему вопросы» (далее изложение следует в обычном порядке).

Все вынесенные судом в зале судебного заседания определения заносу в протокол дословно. Что касается прений сторон, то они заносятся мною коротко, с указанием конечных выводов, к которым пришли стороны, т. е. о доказанности обвинения, правильности квалификации преступления и о мере наказания. Если реплики имели принципиальное значение, я отмечаю сущность их в протоколе. Последнее слово подсудимых стараюсь записывать подробно.

Качество протокола зависит не только от секретаря, но и от председательствующего. Если председательствующий судебное следствие ведет планово, путем взаимосвязанного перехода от одного действия, события, факта к другому, то и протокол будет связным, понятным и убедительным. Если же судья ведет судебное следствие неорганизованно, то и протокол будет неубедительным.

Практика показывает, что протокол по любому, даже самому сложному делу можно изготовить непосредственно в суде и качество его будет хорошим.

В. Варавко
Судебный секретарь

*
*
*

В журнале «Социалистическая законность» № 6 за 1952 год напечатана статья т. Тетерина «Протокол судебного заседания по уголовному делу». Статья, давая полное представление, каким должен быть протокол судебного заседания, является очень важной не только для начинающих, но и для опытных секретарей, имеющих за своими плечами годы практики.

Я лично работаю судебным секретарем с 1944 года, однако протоколы по отдельным делам изготавливаю с некоторыми ошибками. Основные недостатки протоколов судебных заседаний, допускаемые мною (и, как мне думается, многими секретарями), заключаются в неполноте записи: когда по делу участвовало несколько защитников, я не отмечала в протоколе персонально, кого именно из подсудимых защищает каждый защитник; не указывала полномочия, на основании которых гражданский истец допущен к участию в деле; по отдельным делам не указывала о перерывах судебного заседания, объявляемых судом для отдыха; когда дело рассматривалось с участием прокурора и адвоката, не указывала классный чин представителя обвинения, и т. д.

Полнота и правильность записи в протоколах судебных заседаний во многом зависят и от председательствующих. Некоторые из них допускают торопливость в ведении судебного следствия. В этих случаях судебный секретарь не успевает охватить и записать в протокол важнейшие обстоятельства по делу, в особенности по сложным хозяйственным делам, по делам, связанным со множеством цифр. Наоборот, как показала практика, запись бывает доброкаче-

ственнее, если председательствующий повторяет для секретаря важные обстоятельства по делу, подлежащие записи в протокол (особенно это необходимо практиковать, когда протокол ведет начинающий секретарь).

Совершенно правильно, что судебный секретарь не должен быть вторично секретарем в судебном заседании по отмененному приговору.

Наряду с качеством изготовления протокола судебного заседания исключительно важное значение имеют сроки. Однако встречаются случаи, что секретарь судебного заседания пишет протокол на черновиках, переписывает по нескольку раз, в результате председательствующий подписывает его через 10—15 суток после окончания судебного следствия, когда некоторые важные обстоятельства уже не сохранились в памяти секретаря и председательствующего. Поэтому следовало бы установить, чтобы протокол изготовлялся одновременно с окончанием судебного заседания.

Последнее, о чем хотелось бы сказать, это о замечаниях на протокол. Как известно, ст. 79 УПК Украинской ССР предусматривает право председательствующего единолично разрешать вопрос о неправильности или неполноте протокола судебного заседания. Это приводит к одностороннему разрешению вопроса; поэтому следует считать более правильным придерживаться в таких случаях требования ст. 81 УПК РСФСР.

Талышева

Судебный секретарь
транспортного суда

УЛУЧШИТЬ РАБОТУ ПО БОРЬБЕ С ХИЩЕНИЯМИ В ТОРГОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Товарищ Г. М. Маленков в отчетном докладе XIX съезду партии, указывая на задачи увеличения товарооборота по проекту директив по пятому пятилетнему плану, отметил недостатки в области торговли: «Задача состоит в том, — говорил он, — чтобы в короткий срок изжить имеющиеся недостатки и поднять советскую торговлю на новую, более высокую ступень» (Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 59—60).

Немалую роль в выполнении этих задач должны сыграть судебные и следственные органы.

Изучением Орловским областным судом судебной практики по делам о хищениях в

организациях государственной и кооперативной торговли установлено, что органы следствия, прокуратуры и суда в борьбе с хищениями в этих организациях провели значительную работу.

Хотя в ряде районов области сократились случаи растрат и хищений, однако в отдельных торговых организациях и особенно в системе потребительской кооперации растраты все еще продолжают.

В Никольском районном потребительском союзе группа жуликов за последние три года совершила хищений на сумму около 1,5 млн. руб. Организатором этой воровской шайки являлась председатель потребительского союза Демидова, участниками хищений — почти все работники по-

ребительского союза, правлений сельских потребительских обществ, складов и баз, многие заведующие магазинами и продавцы (некоторые из них были связаны между собой родством). При ревизиях одной организации они скрывали недостачи бестоварными накладными, выписываемыми на другую организацию, запутывали учет и отчетность.

Эти лица областным судом осуждены к длительным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях с конфискацией имущества, со взысканием причиненного ущерба.

При рассмотрении дела установлено, что преступная группа длительное время безнаказанно занималась хищениями, пользуясь недостатками контроля областного потребительского союза, и раскрыта была лишь при комплексной ревизии одновременно всех организаций районного потребительского союза.

Изучением судебной практики установлено, что руководители многих торговых организаций потребительской кооперации не выполняли указаний партии о подборе кадров по их политическим и деловым качествам.

Елецким районным потребительским союзом был принят на работу в качестве заведующего ларьком Дубищев, ранее судимый по закону от 7 августа 1932 г. за хищение государственного имущества, а Краснозоренским районным потребительским союзом — принята продавцом магазина Сергеева, судимая по указу от 4 июня 1947 г. за хищение общественного имущества. Получив в свое заведывание кооперативные ценности, Дубищев и Сергеева вскоре же стали заниматься жульническими махинациями и совершили растраты на крупные суммы.

Вскрыты и такие разительные факты, когда работники вышестоящих органов потребительской кооперации и контрольно-ревизионного аппарата не вскрывали растрат при ревизиях, а в некоторых случаях укрывали растратчиков. Так работники Троснянского районного потребительского союза несколько раз проверяли работу заведующего магазином Кабанова и не вскрыли у него растраты на 11 тыс. руб., которую он совершил в период с 1947 по 1952 год. Заместитель председателя Успенского потребительского общества Кутулинов дважды проводил ревизии магазина № 1 и путем приписок в наличие товаров укрывал растрату у заведующей магазином Льговской. Пользуясь этим, Льговская растратила товаров и денег на 18 тыс. руб.

Одним из существенных недостатков в ревизионной работе органов потребительской кооперации было то, что при ревизиях отдельных организаций (магазинов, складов, баз и т. д.) они не применяли методов анализа и встречной сверки с документами других организаций, с которыми

ревизуемая организация находилась во взаимоотношениях.

Установлено, что работники некоторых сельских потребительских обществ вступали в преступную связь с председателями колхозов и путем выписки бестоварных накладных занимались присвоением колхозных денег, отпускаемых в порядке государственной ссуды колхозам.

Во многих сельских потребительских обществах существовала порочная система получения должностными лицами от заведующих магазинами денежных сумм из выручки по распискам для сдачи в отделение Государственного банка и на другие цели, а также получения из кассы денег в подотчет по распискам. В действительности этими расписками прикрывались всякие преступные махинации.

Например, председатель Корсаковского сельпо Клемина по такого рода распискам забрала у заведующего магазином около 30 тыс. руб. и растратила их. Для сокрытия присвоения Клемина стала отчитываться фиктивными актами на якобы закупленные ею продукты, которые в этих фиктивных документах значились переданными заготовителям. На всякий случай Клемина выдавала кассиру расписки в получении наличных денег в суммах, указанных в фиктивных актах. Характерно, что бухгалтер принимал такие отчеты с проводкой актов по кассе, руководство районного потребительского союза знало о существовании системы получения денег по распискам, но не обращало на это внимания, считая такой порядок отпуска денег «простым нарушением».

Изучением судебной практики вскрыты серьезные недостатки и в работе отдельных органов следствия и суда по делам этой категории.

Первое, что бросается в глаза, — это волокита в расследовании дел.

Нередко материалы о хищениях и недостачах передаются кооперативными органами в прокуратуру несвоевременно, иногда плохо оформленные, вследствие чего прокуратура начинает расследовать их слишком поздно.

Ни по одному такому делу не видно, чтобы прокуроры принимали меры к виновным за несвоевременную передачу материалов.

Не реагируют на это и народные суды, ни по одному из изученных дел они не выносили частных определений.

Приведем несколько примеров нарушения сроков расследования и рассмотрения дел о хищениях в торговых организациях.

Дело по обвинению председателя Гостомльского сельпо Коновалова и др. велось областным управлением милиции, а затем следователем прокуратуры Урицкого района; через 2½ месяца было направлено в народный суд Кромского района, где находилось без движения месяц и 20 дней, а затем возвращено на доследование без всяких оснований. После отмены

областным судом неправильного определения народного суда о доследовании оно разрешено только через шесть месяцев после его возбуждения.

Народный суд Дмитровского района, рассматривая дело по обвинению Алешина и других в хищении, допросил только двух свидетелей из 33 человек, вызванных в суд, и без всяких оснований дело направил на доследование. Неправильное определение народного суда областным судом отменено.

Дело Мишиной в народном суде Измаковского района не рассматривалось в течение шести месяцев. На последнем судебном заседании прокурор Груздов заявил, что он не согласен с распоряжением областного прокурора о привлечении растратчицы Мишиной к ответственности, и устранился от рассмотрения дела. Дело было передано для рассмотрения в народный суд Краснозоренского района. Народный судья Краснозоренского района т. Поляков неоднократно назначал дело Мишиной к слушанию, но каждый раз дело откладывалось из-за неявки прокурора Груздова.

Рассмотрено оно через восемь месяцев после поступления в народный суд Краснозоренского района, а после окончания расследования — через один год два месяца, с момента же совершения Мишиной преступления — более чем через два года. Все это время Мишина была на свободе.

Областная прокуратура знала о таком поведении районного прокурора Груздова, но никаких мер не принимала. Областной суд (куда дело поступало два раза) дважды реагировал на это, посылая частные определения, но никаких мер к виновным не было принято.

Серьезным недостатком в работе следственных органов и народных судов является беззаботное отношение к обеспечению взыскания ущерба, причиненного кооперативным организациям.

Статья 14 УПК гласит: «потерпевший, понесший от преступления вред и убытки, вправе предъявить к обвиняемому и к лицам, несущим материальную ответственность за его действия, гражданский иск, который, независимо от размера, подлежит рассмотрению совместно с уголовным делом по подсудности последнего».

По этому поводу, кроме того, имеются неоднократные постановления Правительства и Пленума Верховного суда СССР. Что же происходит на практике?

Народный суд Судбищенского района принимал к своему производству дела, по которым прокуратура района в обеспечение иска арест на имущество обвиняемых не налагала. Такие же случаи принятия отдельных дел к производству без наложения ареста на имущество обвиняемых были в гг. Орле и Ельце, в Краснозоренском и ряде других районов.

В некоторых случаях наложение ареста и опись имущества производились через

месяц после возбуждения дела. За это время обвиняемые успевали скрыть имущество, причем органы следствия во многих случаях не проявляли активных мер к установлению, какое было у обвиняемых имущество и куда оно скрыто.

Характерным примером безответственного отношения к обеспечению взыскания ущерба может служить поведение работников органов дознания и прокуратуры Урицкого района.

Начальник милиции Горжеляк, производя описи имущества у заведующего базой районного потребительского союза Петрыкина и у его жены, пойманных с похищенными ими товарами, описанное имущество — корову, двух свиней, швейную машину и различные вещи — передал на хранение... обвиняемой Петрыкиной. Районный прокурор Антонов не обратил на это внимания. Воспользовавшись ротозейством, Петрыкина все описанное имущество распродала. Впоследствии она привлечена была за это к ответственности по ст. 168 УК, но органы следствия не интересовались, кому Петрыкина продала имущество, и не занимались розыском его. Судебная коллегия областного суда, рассматривая дело по первой инстанции, также не реагировала на это нарушение.

В результате большой ущерб остался возмещенным.

По многим делам органы следствия не устанавливали суммы причиненного ущерба или, указывая ее, не обосновывали доказательствами, не заботились о вызове в суд представителей гражданского истца — организации, которой причинен ущерб.

Народные суды не исправляли недостатков органов следствия, не реагировали на них вынесением частных определений, сами не уделяли внимания установлению размера причиненного ущерба и, не вызывая представителя гражданского истца, оставляли вопрос об иске без рассмотрения.

Нарушая таким образом гражданские права истцов на поддержание иска в суде при рассмотрении уголовного дела, народные суды лишали их возможности обжаловать неправильный приговор.

Прокуроры уголовно-судебного отдела областной прокуратуры, участвуя в рассмотрении дел по второй инстанции, не обращали внимания на эти нарушения.

Такое отношение областной прокуратуры к возмещению ущерба не является случайным, так как и по делам, расследуемым следственным отделом и передаваемым по подсудности в областной суд, существует такая же практика.

Областной суд много раз ставил вопрос перед областным прокурором об устранении недостатков, но, несмотря на это, они изживаются крайне медленно.

Очень редко встречаются случаи поддержания иска в суде прокурором, участвующим в рассмотрении дела.

Не было ни одного случая принесения прокурорами протестов на приговоры судов в отношении неправильного разрешения гражданского иска.

Вот, например, наиболее серьезные случаи нарушения закона.

По делу по обвинению заведующего магазином Должанского районного потребительского союза Бородина за растрату на 5977 руб. иск обеспечен не был, истец по делу не привлечен, на судебное заседание не вызывался, прокурор Беликов иск не поддерживал и народным судом Должанского района иск не рассматривался.

По делу (в народном суде 2-го участка Елецкого района) по обвинению Александра, причинившего хищениями ущерб на сумму 67 тыс. руб., истец в суд не вызывался, иск прокурором не поддерживался и оставлен судом без рассмотрения.

Некоторые народные судьи до сих пор неправильно понимают постановление Пленума Верховного суда СССР от 6 мая 1952 г. о применении указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение

государственного и общественного имущества».

Судебная коллегия областного суда при рассмотрении дел в кассационном порядке не всегда реагировала на многие недостатки судебной практики.

Допускала ошибки по некоторым делам и сама судебная коллегия.

Так, осужденному по указу от 4 июня 1947 г. за хищение Данилкину (дело народного суда 1-го участка Железнодорожного района г. Орла) судебная коллегия областного суда без оснований заменила наказание условным осуждением (впоследствии это определение было отменено Верховным судом РСФСР).

Работники органов прокуратуры, следствия и суда области должны изжить в своей работе недостатки, снижающие эффективность борьбы с расхищением государственной и общественной собственности.

И. Трембачев

Заместитель председателя Орловского областного суда.

Д. Прибылов

Член Орловского областного суда

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДЕЛА

Рассмотрение уголовных и гражданских дел в наших судах проводится на основе процессуальных законов. Быстрое рассмотрение дел в установленные сроки способствует искоренению преступности.

Однако судьи иногда допускают нарушение закона, что нередко ведет к отмене приговоров и решений, создает волокиту, роняет авторитет советского суда. Примером судебной волокиты является дело, рассмотренное судами Кировской области, по обвинению Дружинина П. по ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Дружинин, являясь заведующим учетом в аппарате уполномоченного Министерства заготовок по Кайскому району, систематически, путем выдачи фиктивных квитанций, присваивал собранные с населения деньги.

Народный суд Кайского района под председательством народного судьи т. Зубаревой, рассматривая дело и установив преступные действия Дружинина, переключил их на ст. 109 УК, хотя эти действия выходили далеко за рамки должностного преступления.

Прокурор Кайского района т. Мизаев принес протест в судебную коллегия по уголовным делам Кировского областного суда, настаивая на квалификации преступления Дружинина по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. Судебная коллегия областного суда согласилась с протестом прокурора, отменила приговор народного суда, направила

дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия по признакам ст. 2 указа от 4 июня 1947 г.

Дело поступило в народный суд 2-го участка Омутинского района. Суд под председательством народного судьи Утемова переключил преступление Дружинина на ст. 111 УК и приговорил Дружинина к одному году тюремного заключения. Прокурор принес протест. Судебная коллегия Кировского областного суда согласилась с протестом и отменила приговор народного суда вследствие нарушения ст. ст. 319, 320, 334 УПК, передав дело на новое рассмотрение в народный суд Кайского района.

Казалось бы, что дело должно найти правильное решение. Однако этого не случилось. Народный суд Кайского района, рассмотрев дело под председательством народного судьи Сафроновой, переключил преступление Дружинина на ст. 109 УК и приговорил его к двум годам лишения свободы с поражением в правах сроком на три года. Прокурор Кайского района т. Мизаев вновь принес протест, добиваясь отмены приговора. Судебная коллегия по уголовным делам Кировского областного суда отменила приговор народного суда и передала дело на новое рассмотрение в народный суд 1-го участка Омутинского района по тем же мотивам, какие были изложены в предыдущих определениях. Народный суд 1-го участка Омутинского района под председательством народного судьи т. Белых, рассмотрев дело,

переквалифицировал преступление Дружинина со ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на ст. 1 указа, приговорил Дружинина по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. с применением ст. 51 УК к лишению свободы сроком на одиннадцать месяцев и освободил его из-под стражи. Прокурор Кайского района снова принес протест, — и вновь судебная коллегия Кировского областного суда отменила приговор народного суда и направила дело на новое рассмотрение в народный суд 3-го участка Омутинского района. На этот раз народный суд (народный судья т. Касьянов) приговорил Дружинина по ст. 2 упомянутого указа на десять лет заключения в исправительно-трудовой лагерь (приговор суда областным судом оставлен в силе). Однако и тут не обошлось без ошибки: суд не обсудил вопроса о возмещении ущерба, причиненного Дружининым.

Таким образом, дело по обвинению Дружинина рассматривалось пять раз в суде первой инстанции и пять раз в суде второй инстанции. Этим делом занимались четверо судей, восемь народных заседателей, три прокурора, четыре адвоката, четыре секретаря судебного заседания, четыре прокурора в суде второй инстанции, двенадцать членов областного суда и адвокат. В последних четырех судебных заседа-

ниях всего вызывалось тридцать семь свидетелей, которые отрывались от работы. В связи с пересылкой дела из народных судов в областной суд и обратно и в связи с рассылкой судебных повесток затрачена значительная сумма государственных средств.

Чем объясняется такое множественное рассмотрение дела? Читатель может подумать, что дело было сложное, доказательства шаткие. Это не так. Обвинение Дружинина достаточно подкреплялось показаниями свидетелей; фиктивность квитанций подтверждена заключением графической экспертизы.

Причина заключается в том, что народные судьи, создавшие волокиту, не привыкли, видимо, уважать законы, применяли их по своему усмотрению. Только этим можно объяснить, например, тот факт, что народный суд Кайского района (народный судья т. Сафронова) при наличии определения областного суда, указавшего на нарушения, допущенные народным судом 2-го участка Омутинского района, все же не выполнил указания областного суда.

При таком отношении к рассмотрению дела суд не может выполнять возложенные на него обязанности.

И. Шишув

Старший консультант
Верховного суда РСФСР

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ УЧЕБА СЛЕДСТВЕННО-ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ ПРОКУРАТУРЫ ЛЕНИНГРАДА

Постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «Об улучшении и расширении юридического образования в стране» требует от следственно-прокурорских и судебных работников неустанного повышения своих политических и юридических знаний, без которых нельзя правильно решать важнейшие государственные задачи.

Значительное количество оперативных работников прокуратуры Ленинграда обучалось в Ленинградском университете марксизма-ленинизма при городском комитете партии. Многие работники самостоятельно изучали труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Часть товарищей поступила в заочную аспирантуру. Те, кто не имеет высшего юридического образования, охвачены заочной юридической учебой в Ленинградском юридическом институте имени Калинина и Ленинградском университете имени Жданова. В 1953 году восемь следователей и прокуроров окончили Ленинградский институт. К государственным экзаменам в 1954 году готовятся восемнадцать человек.

В течение зимы в прокуратуре города проводились еженедельно лекции на темы: «Диалектический материализм — мировоззрение марксистско-ленинской партии», «Горький — основоположник советской литературы», «Происхождение земли в свете современной науки», «Учение Мичурина и Лысенко — новый этап в развитии биологических наук», «О революционной близости», лекции о международном положении и т. д.

В отделах прокуратуры города еженежно проводились занятия по повышению юридической квалификации. Лекции и занятия проводились силами профессорско-преподавательского состава университета и юридического института и членами ленин-

градского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Во время экзаменационных сессий каждому заочнику предоставлялись отпуска. В период подготовки к экзаменам запрещалось посылать в командировки работников, занимающихся заочно юридической учебой.

Наибольшие трудности в учебе вызывает изучение иностранного языка, ввиду чего в прокуратуре Ленинграда по немецкому языку была организована групповая консультация (два часа в неделю). Все же ряд следователей и прокуроров не смог в летнюю сессию сдать экзамены по языку. Причина — недостаточная организованность экзаменационных сессий.

Со всеми заочниками, а также с теми, кто занимается в университете марксизма-ленинизма, перед весенне-летней сессией было проведено обсуждение состояния учебы, степени подготовки к экзаменам, заслушаны отчеты отстающих по учебе. После подведения итогов учебного года успешно окончившим университет марксизма-ленинизма, юридический институт имени Калинина и выполнившим учебные планы по курсам объявлена благодарность. Работникам, отстающим в учебе, указано на необходимость более активного участия в сдаче предметов.

Следственно-прокурорские кадры должны быть высоко политически и юридически грамотными. Поэтому важнейшей задачей прокуратуры Ленинграда является еще больший охват руководящих работников заочной юридической учебой, повышение ее качества.

А. Бороданков

Прокурор отдела кадров прокуратуры Ленинграда

МОЯ РАБОТА В СУДЕ

В народном суде 1-го участка Центрального района г. Сталинабада я работаю со дня выборов народных судей, с 16 декабря 1951 г. В судебных же органах Таджикской ССР я работаю около 18 лет — вначале статистиком и секретарем Верховного суда Таджикской ССР, а начиная с

1942 года — членом Сталинабадского областного суда.

Полюбив судебную работу, я решила повысить свою деловую квалификацию, поступила учиться на трехмесячные юридические курсы, а затем в ВЮЗИ, который закончила в 1946 году. В настоящее время

продолжают совершенствовать свои знания путем изучения «Библиотеки народного судьи», «Судебной практики Верховного суда СССР» и другой юридической литературы.

После избрания на работу народным судьей я со всей серьезностью отношусь к выполнению поставленных передо мной почетных задач по отправлению социалистического правосудия. Систематическое повышение деловой квалификации и политического уровня помогает мне правильно применять законы.

Работа народного суда ведется по плану, который составляется к началу каждого месяца. В плане предусматривается: дни рассмотрения уголовных и гражданских дел, составление финансового и статистического отчетов, проверка работы судебного исполнителя и секретарей, занятия с заместителями народного судьи, народными заседателями и с техническими работниками суда, производственные совещания работников суда, проведение отчетов перед избирателями, обобщение судебной практики и др.

Наличие плана в работе дает возможность вести и проверять работу ритмично, с охватом всех сторон деятельности народного суда. План является большой организующей силой, дисциплинирует весь аппарат в выполнении сложной и многообразной работы суда. При составлении плана мною всегда учитываются повседневные требования и задачи, которые ставятся перед судом и прокуратурой партийными и советскими органами.

За 1952 год мною был проведен перед избирателями ряд отчетов, лекций и бесед по разъяснению законодательства, указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», «Об усилении охраны личной собственности граждан», «О грудной дисциплине» и др.

За 1952 год мною обобщена судебная практика по делам о хищениях. Но для полного обеспечения хорошей работы в суде необходимо также уметь организовать и работу всего аппарата суда. Немалую роль в работе суда играет канцелярия. Делопроизводство нашего народного суда ведется в соответствии с инструкцией по делопроизводству в народном суде от 31 августа 1949 г. Несмотря на то, что секретарями суда являются молодые работники тт. Меркулова и Боброва, они хорошо освоили делопроизводство в народном суде.

Для того чтобы секретари суда поднимали свою квалификацию, мною организованы с ними занятия два раза в месяц по темам: организация и ведение делопроизводства в судах, подготовка к рассмотрению уголовных и гражданских дел, сроки рассмотрения дел, ведение статистической отчетности и т. д. Занятия рассчитаны на три месяца. Тех-

нические работники суда с большой охотой и желанием посещают занятия, активно участвуют в беседах, ведут конспекты.

Большое место в работе канцелярии уделяется поступающим в суд жалобам. Лично я завела контрольный журнал, в котором также отмечаю поступление жалоб, веду учет, какие именно жалобы поступают в суд, отмечаю срок их разрешения. Журнал этот очень помогает в работе: во-первых, я всегда могу установить, уменьшается ли поступление жалоб или увеличивается и почему, характер поступивших жалоб, а главное — могу контролировать своевременное и практическое разрешение их в суде. Количество поступивших в апреле жалоб по сравнению с мартом 1953 года сократилось вдвое.

Работу судебного исполнителя и канцелярии я проверяю ежемесячно. Отдельные недостатки в работе обсуждаются на оперативных совещаниях. За 1952 год проведено восемь таких совещаний, в 1953 году — четыре. На совещаниях обсуждаются также приказы министров юстиции СССР и Таджикской ССР, итоги обобщения судебной практики и т. д.

Благодаря тщательной подготовке дел к слушанию и внимательному исследованию их в судебном заседании народным судом в 1952 году не было допущено необоснованного предания суду и осуждения невиновных граждан, а также неосновательного оправдания преступников. Вышестоящим судом в 1952—1953 гг. отменено четыре процента приговоров народного суда от общего числа обжалованных.

Улучшаются также и сроки рассмотрения уголовных дел.

Народным судом некоторые дела в 1952 году были обращены к исследованию из-за плохого их расследования следственными органами. В ряде случаев прокуроры формально выполняли определения суда, поверхностно расследовали дела и в таком виде направляли их в суд (например, дело по обвинению Соседова И. В. и другие).

Такое отношение прокуроров района к работе не только создает волокиту в рассмотрении дел, но и отрывает от занятий большое количество участвующих по делу лиц (свидетелей, экспертов, народных заседателей и т. д.), вызывая справедливые нарекания.

В январе 1953 года мною была обобщена судебная практика за 1952 год по делам, обращенным к исследованию, и перед прокурором Центрального района поставлен вопрос о проведении совместного совещания с представителями органов милиции для обмена мнениями по рассмотренным в суде делам.

В настоящее время в работе народного суда большое место занимает рассмотрение гражданских дел. В свете задач, поставленных XIX съездом партии, качеству рассмотрения гражданских дел я придаю

большое значение. Принимая искивые заявления, я провожу тщательную досудебную подготовку дела. Собираю необходимые доказательства по делу, выполняя требования ст. ст. 5 и 122 ГПК Таджикской ССР. Так, Бертенева обратилась в суд с иском к Вергизову об отобрании ребенка 1951 года рождения — по мотиву, что она с ответчиком находилась в браке, но ответчик прекратил с ней совместное проживание, без ее согласия забрал ребенка, возратить его отказывается. В порядке досудебной подготовки мною были вызваны на беседу Бертенева и Вергизов. Я установила, что оба они очень любят ребенка и хотя его воспитывать, что семейная жизнь их нарушена по несущественным причинам. Я направила свои усилия на примирение сторон. В результате стороны подали заявление о прекращении дела. По сравнению с 1952 годом работа

народного суда по рассмотрению гражданских дел в первом полугодии 1953 года улучшилась.

В своей работе я всегда поддерживаю тесную связь с партийными и советскими органами. Частными определениями, выносимыми в процессе рассмотрения уголовных и гражданских дел, довожу до сведения партийных и советских органов о нарушениях закона, допускаемых отдельными работниками, — для принятия необходимых мер.

В настоящее время свою работу я сочетаю с большой общественной работой — избрана членом райкома, депутатом райсовета и секретарем первичной партийной организации суда и прокуратуры.

Н. Копылова

Народный судья 1-го участка
Центрального района г. Сталинабада

ИЗ ПРАКТИКИ РАБОТЫ НАРОДНОГО СУДА

В конце декабря 1952 года заместителем начальника управления юстиции по Ставропольскому краю т. Земсковым была проведена глубокая ревизия деятельности народного суда г. Кисловодска за 1952 год.

Эта ревизия особенно волновала меня, — она совпала с датой 25-летия моей работы в органах юстиции, и мне не хотелось иметь в своей работе недостатков. В продолжение всей моей работы народным судьей я стремилась улучшить работу: правильно рассматривать и разрешать уголовные и гражданские дела, предупреждать нарушения законов путем систематического проведения лекций и докладов на правовые темы в учреждениях и на предприятиях, систематического проведения семинаров с народными заседателями для повышения их юридических знаний, регулярного проведения отчетов перед избирателями и поддержания связи с населением.

Ревизия оказала работникам суда большую помощь, так как наряду с положительным опытом в работе вскрыла и недостатки. Самым серьезным из них являлся значительный процент дел, которые по несколько раз откладывались, что приводило к нарушению сроков рассмотрения отдельных дел. Зная, что строгое выполнение судом требований ст. 80 ГПК обеспечивает правильное и своевременное разрешение гражданских дел, я и раньше уделяла большое внимание досудебной подготовке и этим добивалась правильного разрешения дел по существу. Но в прошлом я не уделяла должного внимания ликвидации волокиты по этим делам.

По окончании ревизии я проанализировала причины того, почему некоторые дела

по несколько раз откладывались. Оказалось, что значительный процент дел откладывался ввиду неявки свидетелей и сторон, а также ввиду необходимости истребования дополнительных доказательств. На первый взгляд казалось, что дела откладывались по объективным причинам, не зависящим от работников народного суда (как мы иногда и стараемся объяснить), но критический подход к изучению положения показал, что очень многое зависит от самих работников суда, от принятия ими реальных мер к обеспечению слушания дела в назначенный день (в частности, от своевременного вручения повесток, от контроля народного судьи в этом деле).

Обсуждая вопрос на производственном совещании, работники суда приняли решение направить все усилия на полное устранение недостатков в работе. В 1953 году мы добились: 1) рассмотрения всех дел в установленные законом сроки и 2) слушания их в назначенные дни. В 1953 году краевой суд оставил в силе все обжалованные и опротестованные решения.

Какими путями работники народного суда пришли к таким результатам? Очень многое зависит от порядка приема народным судьей поступающих исковых заявлений, от их досудебной подготовки. Я установила такой порядок: по всем искивым заявлениям, поступающим по почте или непосредственно от истцов, после ознакомления с ними, в тот же день принимаю решение о назначении дела к слушанию, с указанием даты и часа слушания, при этом всегда учитываю возможный срок возврата корешка повестки ко дню слушания и установленный законом срок рассмотрения дела (например, трудовые дела я назначаю

к слушанию с расчетом рассмотрения дела в пятидневный срок).

Из беседы с истцом я выясняю обстоятельства дела. Если сторона не представила достаточно доказательств в подтверждение иска или доказательства находятся у ответчика или у третьих лиц, вместе с назначением дела к слушанию выписывается требование о представлении суду отсутствующих доказательств. В случае, когда истица, предъявляя иск о взыскании алиментов на детей, не может представить справку о заработной плате отца детей, суд выписывает требование к руководителю организации о выдаче на руки истице указанной справки или же обязывает ответчика представить ее к судебному заседанию.

По трудовым делам большинство доказательств находится у ответчиков; поэтому при приеме исковых заявлений по трудовым конфликтам все необходимые доказательства истребуются судом, а по большинству из них представитель ответной стороны вместе с документами вызывается в суд для ознакомления с заявлением и выяснения возможных возражений с его стороны. Народный суд вызывает в порядке ст. 80 ГПК ответчика и в том случае,

когда из поданного искового заявления, приобретенных доказательств и беседы с истцом установить взаимоотношения сторон бывает невозможно или же когда все документы находятся у ответчика.

Все эти мероприятия способствуют правильному разрешению гражданских споров по существу и рассмотрению их в установленные законом сроки. Неявка сторон в судебное заседание всегда влечет срыв рассмотрения дела, если нет данных о вручении повестки. Невручение повестки может зависеть от работников суда (несвоевременная выписка повестки, неправильное указание адресата) или от недобросовестного отношения работников связи. Каждый случай невручения повестки подвергался нами проверке. В народном суде заведен такой порядок: секретарь судебного заседания проверяет все дела накануне слушания дела и, если установит отсутствие корешка повестки, принимает все меры к своевременному вызову этих лиц через сотрудников суда (например, через уборщицу). Такой порядок способствовал своевременному рассмотрению гражданских дел.

Багаутдинова

Народный судья 1-го участка
г. Кисловодска

КАК Я РАБОТАЮ

В судебных органах я работаю 20 лет. На эту работу был мобилизован партийной организацией. Юридического образования в то время не имел. Много пришлось положить труда, чтобы научиться работать. Пришлось самостоятельно изучать теорию, постепенно осваивать практику. Без теоретической подготовки трудно выполнить почетную обязанность, возложенную на народного судью, — особенно теперь, когда народные судьи избираются народом. Тысячи, десятки тысяч избирателей голосуют за кандидатуру на должность народного судьи. Это доверие избранный народом обязан оправдать с честью.

На страницах журнала я хочу поделиться с товарищами опытом своей работы.

Я всегда стараюсь обеспечить правильное решение уголовных и гражданских дел. Помогает в этом в первую очередь досудебная их подготовка. Приятные дела с обвинительным заключением я тщательно изучаю. Никогда я не считаю зазорным проконсультироваться с товарищами, если для меня что-то непонятно, если моих знаний и опыта оказывается недостаточно, — это всегда помогает мне. Добиваюсь, чтобы до рассмотрения дел в подготовительном заседании с ними хорошо ознакомились и народные заседатели.

При приеме гражданских дел я прибегаю к такой практике. Если дело сложное,

то вызываю другую сторону для предварительной беседы, выясняю, какие могут быть ею доставлены доказательства в опровержение доказательств противной стороны. Иногда приглашаю к себе обе стороны, разъясняю им законы, относящиеся к предмету их спора. Иногда это приводит к тому, что стороны примиряются, не допуская дела до судебного рассмотрения.

В судебном заседании я направляю внимание на исключительно полное исследование по делу всех обстоятельств. Никогда не допускаю поспешности, не считаю с затратой времени. Если во время судебного следствия выявляются новые обстоятельства, имеющие существенное значение для дела, я всегда стараюсь проверить их своевременно и полнее, чтобы приговор или решение не были поколеблены.

Большое значение я придаю протоколу судебного заседания. Никогда не подписываю протокол, не проверив его тщательно. Недоброкачественно и небрежно составленный протокол судебного заседания может привести к тому, что вопреки законный и хорошо обоснованный приговор или решение будет отменен вышестоящим судом.

Народный судья — слуга народа. Очень важно, если судья постоянно держит связь с народом — со своими избирателями. Судья должен впитывать в себя мудрость народа. Оторваться от народа — значит поставить под угрозу доверие народа. По-

этому я систематически и самокритично отчитываюсь перед своими избирателями. Наряду с докладом о работе народного суда я подробно разъясняю советское законодательство. Очень часто избиратели дают мне ценнейшие советы, направленные на улучшение работы народного суда.

Важный вопрос — это работа судьи с народными заседателями. Если заседатели знакомы с необходимым минимумом законодательства, это уже во многом гарантирует суд от ошибок. Поэтому я стараюсь систематически проводить занятия с заседателями. В основу занятий я взял программу-минимум из книги «Пособие для народных заседателей». Кроме того, я знаколю заседателей со всеми новыми законами.

Надо сказать, что многие народные заседатели изъявляют желание иметь в личном пользовании эту книгу. Обеспечение пособиями заседателей принесло бы большую пользу, но, к сожалению, их издается настолько мало, что хватает только для народных судей. Было бы не плохо, если бы эта книга была издана большим тиражом.

Очень важное место в работе народного судьи — прием посетителей. Это одна из форм связи судьи со своими избирателями. Каждый рабочий день я принимаю посетителей с 9 до 11 час. утра (когда имею возможность, принимаю в любое время дня).

Вопросы, с которыми идут к судье посетители, настолько разнообразны, что трудно их перечислить. Я стараюсь всегда выслушать посетителя внимательно и до конца, убедиться, что я понял, зачем пришел ко мне человек, а затем уже реагировать,

дать ответ, посоветовать, помочь оформить материал, если нужно обратиться в суд или в другое учреждение. Я не отпущу посетителя, пока не буду убежден, что он полностью удовлетворен моей помощью. Следует подчеркнуть, что правильный и внимательный прием посетителей приводит к меньшему обращению в суд с исками и жалобами, так как в некоторых случаях после разъяснения законов на приеме посетитель убеждается в ненужности или бесполезности обращения в суд.

Во многом помогает в работе судьи правильно налаженная деловая связь с местными партийными и советскими органами.

Я стараюсь полностью соблюдать при решении конкретных уголовных и гражданских дел принцип независимости судей и подчинение их только закону. Но это еще не говорит о том, что судья должен работать в отрыве от местных органов. Постоянная связь с местными органами помогает судье быть всегда в курсе всей жизни города и района. Прислушиваясь к указаниям и мнениям местных партийных и советских органов, судья обеспечит наиболее правильное разрешение дел.

Неменьшее значение для улучшения работы суда имеет деловая связь с прокуратурой.

Трудны и сложны обязанности народного судьи, но если судья исполняет свою должность с полным сознанием своего долга, он будет иметь хорошие результаты в своей работе.

Ф. Бобровский

Народный судья 2-го участка
г. Маргелана Ферганской области
Узбекской ССР

ОПЫТ РАБОТЫ КОНОТОПСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НОТАРИАЛЬНОЙ КОНТОРЫ

Конотопская государственная нотариальная контора Сумской области находится в промышленном районе и ежедневно обслуживает много предприятий, организаций и учреждений социалистического сектора, а также граждан.

В этой нотариальной конторе я работаю с 1949 года и неплохо знаком с предприятиями, колхозами и трудящимися обслуживаемого района.

Нагрузка нотариальной конторы достаточная. Я всегда уделяю необходимое внимание качеству нотариального оформления документов. Стремлюсь к тому, чтобы оформить их в день поступления в нотариальную контору.

Я постоянно помню указание нашей партии о бдительности, стараюсь проявлять ее всегда и во всем, и требую того же от секретаря нотариальной конторы, зная, что ротодействие государственного работника мо-

жет нанести ущерб интересам нашей Родины. Я считаю достижением то, что ни в областное управление юстиции, ни в областной суд жалоб на мои действия не поступало.

Успешная практическая деятельность нотариальной конторы всецело зависит от правильной организации. Я ежемесячно составляю план работы, в котором предусматриваю: обобщение практики по отдельным видам нотариальных действий; проверку работы секретаря нотариальной конторы и состояния делопроизводства; проверку качества совершения нотариальных действий работниками отдельных сельских Советов; инструктирование секретарей сельских Советов о правилах совершения простейших нотариальных действий; инструктирование работников коммунальных органов по поводу нотариальной практики, относящейся к их деятельности; проведение лекций, докладов и бесед.

В планах работы я указываю сроки исполнения и постоянно слежу за неуклонным соблюдением этих сроков.

Все общественно-массовые мероприятия, а также проверку нотариальной деятельности сельских Советов, предусмотренные планами работы, я предварительно согласовываю с руководящими районными партийными и советскими органами.

Особое внимание я уделяю приему посетителей. Прием организован так, чтобы любой гражданин на протяжении рабочего дня в случае необходимости мог обратиться к нотариусу. Поскольку на заводах и в учреждениях г. Конотопа обеденный перерыв для рабочих и служащих установлен с 12 до 1 часа дня, я установил перерыв для себя с 2 до 3 часов дня, а для секретарей с 1 часа до 2 час. дня. Поэтому рабочие и служащие могут обращаться в нотариальную контору в свой обеденный перерыв.

Объявление о часах приема посетителей вывешено на дверях нотариальной конторы.

Каждый год весной в связи с массовым обращением в нотариальную контору юношей и девушек по поводу засвидетельствования копий с аттестатов об окончании средних школ, а также в конце года в связи с массовым обращением представителей юридических лиц по поводу удостоверения доверенностей и передоверий на новый хозяйственный год я устанавливаю вечерние часы работы нотариальной конторы с 6 до 8 час. вечера. Опыт нескольких лет показал правильность этого мероприятия, устраняющего образование очередей и ускоряющего нотариальное оформление документов для граждан, учреждений и предприятий.

Для лучшего обслуживания клиентуры я систематически посещаю большие предприятия, находящиеся в районе деятельности нотариальной конторы, предварительно согласовав с руководителями предприятий и заводскими комитетами необходимость моего посещения для совершения нотариальных действий.

В конце работы я ежедневно проверяю реестр, который ведет секретарь нотариальной конторы т. Литвиненко, и на последнем проверенном листе расписываюсь. Кроме того, два раза в месяц (после работы) проверяю общее состояние канцелярии нотариальной конторы, обращая внимание секретаря на неполадки. Необходимость устранения тех или иных недостатков записываю в карточку и потом проверяю выполнение секретарем моих указаний.

В настоящее время все делопроизводство нотариальной конторы организовано в соответствии с инструкцией Министерства юстиции СССР о делопроизводстве от 23 мая 1952 г.

Чтобы своевременно представлять в управление юстиции статистическую отчетность и в любое время располагать оперативными данными о числе действий, совер-

шенных руководимой мною нотариальной конторой, я завел специальную тетрадь, разграфленную по статистической форме № 5, в которую ежедневно записываю результаты работы за день. В последний день месяца мне остается только прибавить данные за истекший один день и затем готовый результат работы за месяц перенести в статистический отчет, который я тут же направляю в сумское управление юстиции.

Справочно-кодификационной работой я занимаюсь лично в соответствии с методическими указаниями Министерства юстиции УССР от 17 марта 1952 г. За внесением изменений в контрольные экземпляры кодексов, правил и инструкций слежу постоянно.

На письменные запросы вышестоящих органов юстиции, других учреждений и организаций, а также частных граждан я стараюсь ответить в день поступления запроса. Если же не могу ответить в день поступления запроса, то сообщаю срок, к которому будет дан ответ на запрос. Всегда слежу по своей контрольной тетради, чтобы указанный срок строго соблюдался.

Делая обобщения нотариальной практики, я руководствуюсь методическими указаниями Министерства юстиции СССР от 7 августа 1952 г. За десять месяцев 1952 года мною сделано восемь обобщений. Я изучил свою практику по удостоверению договоров об отводе гражданам земельных участков в бессрочное пользование для постройки индивидуальных жилых домов, об отчуждении строений, об отчуждении автомашин и мотоциклов, о выдаче свидетельств о праве наследования, о выдаче исполнительных надписей, об удостоверении доверенностей и передоверий.

Обобщение практики помогло мне вскрыть и устранить недостатки, причем не только свои, но и тех органов, которые имеют отношение к документам, проходящим через нотариальную контору. Финансовые органы, выдавая продавцам строений справки об отсутствии задолженности по налогам, писали общую фразу о том, что «продавец задолженность погасил». Между тем § 32 правил совершения нотариальных действий предусматривает, что продавец строения обязан погасить задолженность по налогам не только за прошедший, но и за текущий год, независимо от того, наступил ли срок платежа налога. Установив это, я обратился с представлениями в городские районные финансовые отделы и добился того, чтобы справки выдавались финансовыми органами продавцам строений в точном соответствии с правилами.

В целях популяризации деятельности органов нотариата среди населения я постоянно занимаюсь массово-разъяснительной работой по пропаганде советских законов. Всю эту работу ежемесячно планирую и согласовываю с городским и районным комитетами партии. Отдельно веду график проведения этой работы. Мною проведено

17 лекций и 7 бесед на темы: «Наследственное право граждан в СССР» и «Функции советских нотариальных органов». Лекции и беседы я проводил на предприятиях и в учреждениях, в рабочих клубах, на избирательных участках.

В целях устранения недостатков в работе исполкомов сельских Советов депутатов трудящихся по выполнению нотариальных функций я регулярно проводил инструктаж и семинары для секретарей сельских Советов по согласованию с исполкомом районного Совета. Мною проведено двенадцать инструктажей и два семинара.

В нотариальную контору поступают различные документы, выдаваемые органами финансов, коммунального хозяйства, госстраха и т. д. Эти документы во многих случаях имеют весьма существенные недостатки, вследствие чего нередко приходится документы возвращать клиентам для исправления, что создавало волокиту и вызывало недовольство трудящихся. В связи с этим я провел девять семинаров с работниками упомянутых органов, подробно рассказал им о недостатках документов и разъяснял, как следует готовить документы для представления в нотариальную контору. При этом я подчеркивал ответственность каждого работника, выдавшего трудящемуся неправильно оформленный документ.

Летом 1950 года, изучая свою работу, я установил, что нотариальную контору ежедневно посещали 20—25 рабочих, служащих, колхозников, которые являлись не для нотариального оформления документов, а за всякого рода справками консультативного характера, отрываясь для этого от своей работы.

Тогда я решил широко развернуть массово-разъяснительную работу на предприятиях, в учреждениях, в колхозах и на месте проводить консультации. Таких консультаций я провел 21. Результаты не преминули сказаться: в настоящее время число обращающихся за консультацией снизилось до 3—5 человек в день.

Опыт общественно-массовой работы показал мне, что лекции или беседы лучше всего проводить в бригаде или цехе: правильно построенная, интересная лекция или беседа всегда вызывает активность слушателей. Я тщательно готовлюсь к лекциям и стараюсь излагать тему доходчивым, понятным языком, избегаю цифровых сравнений и показателей, не употребляю специальной юридической терминологии. Это целиком оправдывает себя — количество слушателей с каждым разом увеличивается.

А ведь в начале моей нотариальной деятельности (1949 год), когда я не имел еще опыта общественно-массовой работы, на лекции или беседе присутствовало обычно 15—20 человек, вопросов они не задавали и по окончании лекции молча расходились.

Теперь не то. Колхозники бригады № 5

колхоза имени Ленина в селе Бочки после моей лекции о наследственном праве граждан СССР задали мне 29 вопросов. На вечере вопросов и ответов в с. Подлипном колхозники колхоза имени Суворова задали 50 вопросов, связанных с деятельностью советского нотариата.

Проведенные мною лекции, доклады и беседы способствовали увеличению числа нотариальных действий. Если в 1949—1950 гг. Конотопской нотариальной конторой почти не выдавались исполнительные надписи, не совершались депозитные операции, не передавались заявления одних граждан другим, не удостоверялись договоры займа и т. д., то теперь все эти виды нотариальных действий нотариальной конторой совершаются в значительных количествах.

Таков результат общественно-массовой работы нотариуса среди населения.

Во время работы я заметил, что при смене секретарей сельских Советов уходящие секретари не разъясняют вновь пришедшим порядка совершения нотариальных действий, и новички начинают по незнанию допускать те же нарушения и ошибки, которые допускали в начале своей работы их предшественники. В связи с этим по моей инициативе в случае смены секретаря исполкома сельского Совета районный исполком направляет вновь пришедшего секретаря в нотариальную контору для инструктажа, и лишь после этого тот приступает к практической работе.

Должен признать, что до последнего времени в районе деятельности Конотопской конторы все еще не развернута работа по принятию мер охраны наследственного имущества. Эти недостатки в работе надо немедленно устранить.

При удостоверении договора о предоставлении гражданину в бессрочное пользование земельного участка под строительство жилого дома на праве личной собственности я строго слежу за соблюдением порядка применения указа Президиума Верховного Совета СССР «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов». В тех случаях, когда в договорах указаны размеры земельных участков больше предусмотренных норм, я в нотариальном удостоверении таких договоров отказываю независимо от того, на сколько превышен размер земельного участка, отведенного под застройку дома.

Выдавая письменный отказ в удостоверении такого договора, я разъясняю сторонам порядок обжалования моих действий.

Расскажу еще о том, как нотариус охраняет интересы несовершеннолетних граждан при выдаче свидетельств или совершении надписей на завещаниях о праве наследования. Во всех таких случаях копии свидетельств или надписей на завещаниях я обязательно направляю в отдел народного образования для охраны и защиты прав малолетних граждан нашей Родины.

Повышаю свою деловую квалификацию: заочно учусь в Харьковском юридическом институте. Учебный план выполняю.

Идейно-политический уровень повышаю путем самостоятельной работы над произведениями классиков марксизма-ленинизма.

Кроме того, я — руководитель юридического кружка, на котором каждые две недели изучается текущее законодательство. К работе кружка мною привлечены все юристы района.

Считаю, что каждый нотариус, может творческим отношением к своим обязанностям и систематической работой над собой добиться отличных успехов в работе и быть передовиком органов нотариата.

... Барыш

Нотариус Конотопской государственной нотариальной конторы

От редакции: Опыт работы Конотопской нотариальной конторы заслушан на коллегии Министерства юстиции Украинской ССР, которая постановила распространить по республике опыт работы т. Барыша как передовой.

Приказом Министра юстиции СССР нотариусу Конотопской государственной нотариальной конторы т. Г. Барыш и секретарю нотариальной конторы т. Литвиненко Л. П. объявлена благодарность и выдана денежная премия.

КАК МЫ ПРОВОДИМ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ СУДА

Подготовительные заседания призваны обеспечить высокое качество судебной работы. Правильная организация работы подготовительного заседания во многом способствует высокому качеству всей судебной работы. Строгая требовательность в подготовительном заседании к качеству предварительного следствия, к соблюдению процессуальных норм обеспечивает правильное разрешение дела по существу.

Как мы организуем работу подготовительного заседания? По поступлении дела от прокурора в суд оно передается для изучения члену суда, который должен быть по этому делу содокладчиком в подготовительном заседании. Все дела нами изучаются весьма тщательно, независимо от того, сложное это дело или простое по содержанию, большое или малое по объему. Мы критически подходим к исследованию материалов предварительного следствия, что обеспечивает объективность в оценке полноты предварительного следствия, наличия в действиях обвиняемого состава преступления и правильности квалификации преступления. В необходимых случаях знакомимся с содержанием законов, с руководящими указаниями и юридической литературой по интересующим вопросам.

Перед началом подготовительного заседания выясняем, нет ли среди вызванных народных заседателей таких, которые в соответствии со ст. 43 УПК РСФСР не могут участвовать при рассмотрении данного дела в подготовительном заседании. Подробно знакомим народных заседателей с содержанием дела и особенно с вопросами, возникшими при изучении дела. Все

это создает условия для активного участия народных заседателей при рассмотрении дела в подготовительном заседании и правильного разрешения вопросов по делу.

Судья, председательствующий в подготовительном заседании, открыв заседание, предоставляет слово прокурору для доклада по делу, после чего судьи выясняют у прокурора интересующие их вопросы. Затем член суда, изучавший дело, делает содоклад, народные заседатели также задают ему вопросы.

Если содокладчик не согласен в чем-либо с мнением прокурора, последнему еще раз предоставляется слово с тем, чтобы высказать его возражения и критические замечания по существу содоклада судьи. Этим создаются условия к более объективному и правильному определению существа разногласий прокурора с содокладчиком. После этого суд удаляется в совещательную комнату для вынесения определения по делу. Такой порядок ведения подготовительного заседания создает деловую обстановку и условия, способствующие всестороннему, глубокому, критическому анализу всех вопросов по рассматриваемому делу.

Советский судья обязан по каждому делу критически подходить к оценке данных предварительного следствия и обеспечить рассмотрение дела в подготовительном заседании так, чтобы исключить возможность принятия к судебному рассмотрению недоброкачественно расследованного дела.

Н. Быков

Председатель линейного суда
Средневолжского бассейна

МЕЖОБЛАСТНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО НОТАРИАТУ

Министерство юстиции РСФСР в г. Новосибирске провело межобластное совещание работников нотариальных органов Сибири и Дальнего Востока. В совещании приняли участие все нотариусы Новосибирской области.

На совещании был заслушан доклад начальника отдела нотариата Министерства юстиции РСФСР А. Соколовой о работе органов государственного нотариата. Тов. Соколова сказала, что сейчас на нотариусов и ревизоров по нотариату возложена ответственная задача — максимально улучшить работу нотариальных органов. Докладчик отметил, что в настоящее время установленный порядок судебного рассмотрения жалоб на действия нотариусов, как правило, соблюдается.

Отдел нотариата Министерства юстиции РСФСР специально изучил судебную практику по рассмотрению жалоб на действия нотариусов. Однако далеко не все управления Министерства юстиции своевременно представили эти материалы. Не представили никаких сведений управления Министерства юстиции по Иркутской, Кемеровской, Читинской областям и Приморскому краю. Министерство юстиции Бурят-Монгольской АССР также никаких сведений не представило. По сообщению управлений Министерства юстиции РСФСР по Тюменской, Амурской областям и по Красноярскому краю в народные суды жалоб на действия нотариусов не поступало. В народные суды Курганской, Новосибирской, Омской, Томской, Челябинской областей и Хабаровского края за второе полугодие 1951 года и весь 1952 год поступило всего лишь двадцать жалоб на действия нотариусов.

Такое незначительное количество жалоб, направленных в народные суды, объясняется тем, что до июля 1952 года жалобы на действия нотариусов рассматривались министерствами юстиции и их управлениями.

Большая часть жалоб на действия нотариусов признана судами обоснованными и подлежащими удовлетворению. Это свидетельствует о том, что нотариусы или слабо знают законодательство или невнимательно и небрежно рассматривают документы.

В докладе в качестве одного из очень серьезных недостатков отмечалось, что управления Министерства юстиции по Но-

восибирской, Челябинской, Кемеровской в Курганской областям, по Хабаровскому и Приморскому краям не выполнили указания о необходимости ежегодного обревизования всех нотариальных контор.

Министерство юстиции СССР в конце прошлого года провело ревизию работы Министерства юстиции РСФСР. Коллегия Министерства юстиции СССР, заслушав доклад Министра юстиции РСФСР и доклад начальника отдела нотариата, отметила, что Министерство юстиции РСФСР все еще неудовлетворительно осуществляет руководство работой нотариальных контор, не выполнило указания об улучшении ревизионной работы, направленной на усиление контроля за деятельностью нотариальных контор и на обеспечение строгого соблюдения ими законов и постановлений правительства, что, вопреки требованию о проведении ревизий нотариальных контор не реже одного раза в год, многие нотариальные конторы в 1952 году не были обревизованы.

Министр юстиции СССР в приказе № 1 от 9 января 1953 г. потребовал от Министра юстиции РСФСР принять меры к решительному улучшению руководства работой нотариальных контор, строго соблюдать законы при совершении нотариальных действий. Многие управления Министерства юстиции (краевые, областные, АССР) в первом квартале текущего года обревизовали менее четверти нотариальных контор. Некоторые начальники управлений еще попрежнему недооценивают значения ревизий. Неудовлетворительная постановка ревизионной работы и недостаточный контроль за работой нотариусов являются главными причинами того, что в работе нотариальных органов имеются факты нарушений законов.

Особенно нетерпимы нарушения указа Президиума Верховного Совета СССР «О праве граждан на покупку и строительство жилых домов». До июля 1952 года нотариусы нотариальных контор г. Копейска Цульхеровская, Бахтенко удостоверяли договоры под строительство двухквартирных жилых домов, по которым земельный участок превышал установленные нормы (участок отводился в двойном размере). Нотариусы же не должны удостоверить договоры об отводе земельного участка нескольким гражданам под один жилой дом в больших размерах, чем это предусмотрено законом.

В нарушение ст. 2 упомянутого указа нотариусы принимали решения об отводе земельных участков, вынесенные не исполкомами районных Советов, а поселковыми Советами (нотариус нотариальной конторы Катавского района Людиневского).

Имелись случаи удостоверения договоров, когда площадь земельного участка, фактически отводимого под строительство дома, не соответствовала площади, указанной в договоре (1-я нотариальная контора г. Омска, Заельцовская нотариальная контора Новосибирской области).

Ревизией установлено, что 1-я нотариальная контора г. Иркутска удостоверила договор, в котором земельный участок был указан 600 кв. м, фактически же площадь этого участка составляла 665 кв. м. При удостоверении такого рода договоров нотариус обязан проверять по плану размер отведенного земельного участка путем установления фактической площади участка. Ревизией работы 1-й нотариальной конторы г. Красноярска установлено, что при удостоверении договоров о предоставлении земельных участков к договорам не приобщались выписки из решений исполкома об отводе земельных участков, а в некоторых случаях в решениях исполкома вообще не были определены размеры участка; к договорам не приобщался план земельного участка; в отдельных случаях не истребовался проект застройки. Поэтому были случаи, когда удостоверались договоры о предоставлении в бессрочное пользование земельного участка гражданам под строительство индивидуальных жилых домов: числом комнат более пяти, чем нарушалась ст. 1 указа от 26 августа 1948 г. 1-й нотариальной конторой г. Омска, Калашинского и Называевского районов Омской области в ряде договоров не указано количество комнат и этажей строящегося дома.

Приказом Министра коммунального хозяйства РСФСР № 244 от 26 марта 1949 г. утвержден типовой договор о предоставлении в бессрочное пользование земельного участка под строительство индивидуального жилого дома на праве личной собственности, согласованный с Министерством юстиции РСФСР. В соответствии с типовым договором земельный план и проект застройки — неотъемлемая часть договора. В нарушение этого требования нотариусы г. Новосибирска Машкина и Галушкин не истребовали этих документов. Нотариус Каштымской нотариальной конторы (Челябинская область) г. Коцеруба принимал решения исполкома не о предоставлении земельного участка под строительство индивидуального жилого дома на праве личной собственности, а о вылаче договора застройки. Нотариус Увельской нотариальной конторы Челябинской области при удостоверении таких договоров взывала государственную пошлину не с договора, а с количества застройщиков.

Много нарушений допускают нотариальные конторы и при удостоверении догово-

ров об отчуждении строений. При удостоверении договоров об отчуждении доли строения одним из совладельцев нотариусы в нарушение ст. 61 ГК РСФСР удостоверили договоры об отчуждении не в идеальных, а в реальных долях (комнатах, этажах). 1-й Красноярской нотариальной конторой (старший нотариус Браерская) в нарушение ст. 64 ГК РСФСР в 1952 году были приняты к нотариальному удостоверению договоры купли-продажи доли строения одним из совладельцев без истребования доказательств о том, что другие совладельцы извещены о предстоящей продаже доли и о цене, за которую эта доля продается. Эта же контора в нарушение ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке удостоверяла договоры отчуждения строений, приобретенных супругами после регистрации брака, без истребования заявлений другого супруга о согласии на это отчуждение. Эта же нотариальная контора в нарушение ст. 25 Положения о государственном нотариате РСФСР не истребовала справок финансовых органов об отсутствии задолженности по налогам и сборам по месту жительства продавца, ограничиваясь получением справок от финансовых органов по месту нахождения отчуждаемого строения.

Аналогичные нарушения ст. 25 Положения о государственном нотариате имелись в нотариальных конторах г. Ленинск-Кузнецка, в 1-й конторе г. Сталинска, во 2-й конторе г. Прокопьевска Кемеровской области. Нотариусом нотариальной конторы г. Юрги от продавцов, помимо документов, предусмотренных ст. ст. 25 и 26 Положения о государственном нотариате и § 30 инструкции Министерства юстиции РСФСР от 2 февраля 1948 г., истребовались справки об отсутствии задолженности за радиослушание и электроосвещение, а нотариусы нотариальных контор г. Киселевска и г. Ленинск-Кузнецка истребовали справки от покупателей об отсутствии у них строений, что законом не предусмотрено. В нарушение § 36 инструкции от 2 февраля 1948 г. нотариус Кусинской нотариальной конторы Челябинской области г. Ярьмов при удостоверении договоров отчуждения строений принимал заявления о продаже без засвидетельствования подлинности подписи. Нотариус Облученского района Хабаровского края удостоверял договоры купли-продажи строений, принадлежащих несовершеннолетним, без истребования разрешения на продажу от органа опеки (ст. 86 Кодекса законов о браке, семье и опеке).

Нарушения допускаются и при выдаче свидетельств о праве наследования. Нотариус 1-й нотариальной конторы г. Прокопьевска Кемеровской области выдавал свидетельства о праве наследования без истребования документов, подтверждающих родственные отношения наследника к наследодателю; в нарушение ст. 429 ГК РСФСР принимал отказы наследников от

наследства по истечении трех месяцев со дня открытия наследства. Аналогичного характера имелись нарушения в Иркутской нотариальной конторе, в Кузинской конторе Челябинской области, в отдельных нотариальных конторах Бурят-Монгольской АССР и др.

В работе нотариальных контор есть нарушения и при удостоверении доверенностей юридических лиц и граждан. В нарушение ст. 273 ГК РСФСР заместитель старшего нотариуса Омской нотариальной конторы Трофимова удостоверяла доверенности, выдаваемые в порядке передоверия, с превышением полномочий, предусмотренных основной доверенностью. Отдельными нотариусами Бурят-Монгольской АССР удостоверались доверенности, в которых не указывались место совершения нотариального действия, дата, адрес доверителя; срок действия доверенности обозначался цифрами, а не прописью. Ряд нотариусов не истребовал копий основных доверенностей.

Совет Министров СССР обязал Министерство финансов СССР ежегодно проводить в нотариальных конторах ревизию депозитных счетов и правильности взимания государственной пошлины. Но управления Министерства юстиции РСФСР крайне слабо увязывают ревизионную работу нотариальных контор и нерешительно ставят вопрос перед ними о выполнении указания правительства о ревизиях депозитов и правильности взимания госпошлины. Между тем в этой области имеются серьезные недостатки.

Делопроизводство в нотариальных конторах до сих пор еще не упорядочено. Во многих конторах инструкция по делопроизводству нотариальных контор не соблюдается. Краевые, областные управления Министерства юстиции РСФСР плохо обеспечивают нотариальные конторы предусмотренной инструкцией, документацией по делопроизводству.

Совет Министров СССР обязал советы министров республик, краевые, областные и городские исполкомы Советов депутатов трудящихся в трехмесячный срок обеспечить нотариальные конторы необходимыми служебными помещениями. Срок, установленный правительством, истек, а служебные помещения получили далеко не все нотариальные конторы.

Нельзя мириться с положением, когда нотариальные конторы ютятся в маленьких, зачастую запущенных, совершенно непригодных помещениях. Это снижает авторитет нотариальных органов, не обеспечивает нормального обслуживания. Необходимо проявить максимум заботы о том, чтобы каждая нотариальная контора имела хорошее помещение и оборудование.

На совещании были заслушаны доклады ревизоров по нотариату управлений юстиции по Кемеровской, Читинской областям и Алтайскому краю. О работе нотариальных контор гг. Новосибирска, Красно-

ярска, Омска сделали доклады старшие нотариусы гг. Браерская, Гошков и Копорушкин. По докладам развернулись оживленные прения.

Ревизор по нотариату управления юстиции по Омской области т. Ярош отметила, что сейчас удалось активизировать работу нотариальных контор, улучшить качество выполнения нотариальных действий, повысить сумму поступлений пошлины в бюджет.

Вместе с тем в работе нотариальных контор есть еще ошибки и недостатки, как равным образом есть недостатки и в работе управления по руководству нотариальными органами: управлением недостаточно обобщалась практика работы нотариальных контор, мало проводилось кустовых созвоний и семинарских занятий с нотариусами. Ревизии вскрыли и ряд серьезных ошибок и нарушений законов, допущенных отдельными нотариусами.

Тов. Ярош также указала на организационные неполадки: в нотариальных конторах отсутствует самое необходимое оборудование; недостает стульев, шкафов, сейфов, обеспечить же необходимым оборудованием управление юстиции не имеет возможности.

Ревизор по нотариату Министерства юстиции Бурят-Монгольской АССР т. Копылова в своем выступлении рассказала о том, что сделало Министерство юстиции республики для ликвидации нарушений законности нотариальными конторами республики и для дальнейшего улучшения их работы.

Тов. Наумова, ревизор по нотариату управления юстиции по Кемеровской области, отметила, что руководство управления юстиции не уделяет должного внимания работе нотариата. В частности, она как ревизор по нотариату зачастую используется на другой работе. Не оказала ей помощи и бригада Министерства юстиции РСФСР: ревизор, проверявший работу управления по руководству нотариальными конторами, не сделал ни одного замечания по актам ревизии нотариальных контор.

Тов. Сальникова, ревизор по нотариату Алтайского краевого управления Министерства юстиции РСФСР, отметила, что до сего времени не обеспечены служебными помещениями Шебалинская и Павловская нотариальные конторы.

Тов. Невский, ревизор по нотариату управления юстиции Читинской области, говорил о необходимости воздействовать через Министерство финансов на ряд областных финансовых отделов (в частности, на Читинский) в деле улучшения ревизионной работы их по проверке нотариальных контор. Тов. Невский просил Министерство юстиции РСФСР обеспечить Читинскую область кадрами нотариусов, которые могли бы организовать надлежащую работу контор области.

Тов. Горшков, старший нотариус 1-й нотариальной конторы г. Новосибирска,

критиковал управление юстиции за то, что оно мало проявляет заботы о создании условий для работы конторы, не оказало ему помощи, не учило правильно работать, а Министерство юстиции РСФСР плохо заботится об обеспечении нотариусов необходимыми сборниками по нотариату.

Старший нотариус 1-й нотариальной конторы г. Омска т. Копарушкин предъявил ряд претензий к Министерству юстиции РСФСР: руководящие указания и разъяснения не доводятся до сведения работников нотариальных контор, письменные разъяснения рассылаются без ссылки на законодательный материал.

Тов. Погудина, ревизор по нотариату управления министерства юстиции по Томской области, серьезно критиковала работу управления: в 1953 году проведено всего лишь две ревизии и то только потому, что поступил вызов на межобластное совещание; по вине начальника управления ревизии проводятся нерегулярно и в слишком сжатые сроки.

Тов. Кононенко, старший ревизор по нотариату управления юстиции по Амурской

области, высказывал серьезные критические замечания в адрес бывшего начальника управления Лукашева. Нотариату не уделяется никакого внимания, план ревизий систематически не выполняется, совещания с нотариусами не проводятся, о бумаге, о бланках начальник управления юстиции совершенно не заботится.

Тов. Кынчина, ревизор по нотариату управления юстиции по Тюменской области, внесла предложение затребовать акты ревизий молодых по опыту работы ревизоров, сделать по ним замечания и разослать всем ревизорам по нотариату.

Ревизор по нотариату управления юстиции по Новосибирской области Завьялова предложила обобщить все запросы ревизоров по нотариату, поступившие в Министерство юстиции РСФСР.

Коллегия Министерства юстиции РСФСР специально обсудила критические замечания и предложения участников межобластного совещания нотариальных работников и приняла в связи с этим соответствующее постановление.

А. С.

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ

В № 1 журнала «Социалистическая законность» была напечатана статья т. Андреевского «Идейно-политическое воспитание прокурорско-следственных работников».

Прокуратура Таджикской ССР сообщила в редакцию, что ею приняты меры по повышению идейно-политического воспитания прокурорско-следственных работников. В основном все прокурорско-следственные работники в прошлом учебном году были вовлечены в сеть партийного обучения. Контроль за обучающимися в сети партийного просвещения организован намного лучше, чем в прошлом году, в результате чего большинство работников успешно окончило учебный год. Работа по идейно-политическому воспитанию работников обобщается, итоги обобщения будут обсуждены. Приняты меры к большему вовлечению работников в сеть партийного просвещения.

Прокуратура Украинской ССР сообщила в редакцию, что в статье т. Андреевского правильно указаны недостатки в работе органов прокуратуры Украинской ССР по идейно-политическому воспитанию кадров. Прокуратурой приняты меры к устранению отмеченных в статье недостатков и, в частности, к организации совместных семинарских занятий работников прокуратуры, суда и милиции.

В № 3 журнала была напечатана статья гг. Кацука и Уракова «Больше внимания воспитанию следственных кадров».

Следственное управление Прокуратуры СССР сообщило в редакцию, что в настоящее время намечен и проводится ряд мероприятий по повышению квалификации следственных кадров. В частности, пересмотрены учебные планы и программы курсов следователей в направлении усиления работы курсов по повышению деловой квалификации и мастерства следователей при расследовании наиболее опасных преступлений. Переработаны программы учебно-методических семинаров следователей в части, касающейся изучения и практического освоения следователями тактики и методики проведения важнейших следственных действий (осмотр места преступления, обыск, розыск скрывшихся преступников и др.). Намечены и проводятся особо мероприятия по специализации следователей в области расследования отдельных опасных видов преступлений (убийства, разбой, крупные хищения и др.). Работа семинаров следователей по пересмотренным программам будет проводиться в четвертом квартале текущего года.

В № 3 журнала была опубликована статья т. Александрова «Покончить с ротозейством и беспечностью».

Прокуратура г. Ташкента сообщила в редакцию, что бывший заведующий складом Ташкентского консервного завода Задирако осужден. Бывший прокурор Куйбышевского района г. Ташкента Иванесов и следователь той же прокуратуры Лобачева от работы освобождены.

Прокуратура Алма-Атинской области сообщила в редакцию, что статья т. Александрова была обсуждена на партийном собрании и на оперативном совещании с участием прокуроров районов и народных следователей. Статья признана правильной. Совещание признало, что дело по обвинению Щетникова и Горонова заволокнуто бывшими работниками областной прокуратуры. Выступающие резко критиковали работу следственного отдела, отмечая факты невнимательного и несерьезного отношения к расследованию уголовных дел. Предложено дело Щетникова и Горонова довести до конца в части удовлетворения гражданского иска и не допускать подобных фактов в дальнейшем.

В № 4 журнала была напечатана корреспонденция т. Соколова «Неблагополучное положение с разрешением жалоб и заявлений трудящихся в управлении юстиции Амурской области».

Министерство юстиции РСФСР сообщило в редакцию, что корреспонденция т. Соколова является правильной. Начальник управления т. Лукашев, не сумевший организовать работу, от этой должности освобожден. Вновь назначенному начальнику управления даны указания об устранении недостатков в разрешении жалоб трудящихся. Организация работы по разрешению жалоб улучшена.

В № 5 журнала была напечатана статья т. Бордонова «Важная задача».

Министерство юстиции Узбекской ССР сообщило в редакцию, что факты о недостатках в постановке заочного обучения среди практических работников органов юстиции и суда Узбекской ССР действительно имели место. Принятыми мерами недостатки в основном ликвидированы. В целях улучшения заочного юридического образования среди работников органов юстиции и суда распространен положительный опыт председателя Самаркандского областного суда т. Усманова, заместителя

председателя Хорезмского областного суда т. Ибрагимова и др., добившихся хороших показателей в заочном обучении. В целях ликвидации академической задолженности заочников министерство юстиции Узбекской ССР вошло с ходатайством в Министерство культуры СССР об организации в сентябре—октябре с. г. дополнительной сессии для заочников — практических работников органов юстиции и суда Узбекской ССР, не явившихся на сдачу экзаменов по уважительной причине.

Управление юстиции по Сталинградской области сообщило в редакцию, что приняты меры по улучшению заочного образования. Установлен контроль за каждым заочником по выполнению им учебной программы путем ведения карточек и переписки с заочниками. После каждой учебной сессии подводятся итоги учебы заочников. Ревизоры при выезде на ревизию области проверяют на местах выполнение плана заочниками. Проводится работа по составлению заочниками индивидуальных учебных планов.

Министерство юстиции Мордовской АССР сообщило в редакцию, что статья т. Бордонова обсуждена на оперативном совещании при министре юстиции, которое отметило, что указание в этой статье на отсутствие консультаций при министерстве юстиции Мордовской АССР по учебным дисциплинам для заочников юридической школы и ВЮЗИ является справедливым. Консультанту-методисту по заочному образованию указано на это упущение в работе и предложено организовать консультации для заочников по тем дисциплинам, по которым эти консультации необходимы. Заочники гг. Саранска, Рузаевки, Лямбирского района прослушали прочитанный при министерстве юстиции Мордовской АССР членами Мордовского общества по распространению политических и научных знаний десятичасовой курс лекций по книге И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», что облегчило подготовку к сдаче ими экзаменов по основам марксизма-ленинизма.

Министерство юстиции Латвийской ССР сообщило в редакцию, что статья «Важная задача» была внимательно изучена каждым членом коллегии и оперативными работниками министерства, чтобы учесть критику и иметь возможность активно участвовать в обсуждении этого вопроса на коллегии министерства республики. В августе на коллегии с вызовом отстающих заочников была обсуждена статья т. Бордонова и итоги заочной учебы работников министерства юстиции Латвийской ССР.

Управление юстиции по Архангельской области сообщило в редакцию, что итоги 1952/53 учебного года заочников юридического института обсуждались на оперативном совещании при начальнике управления с участием заочников г. Архангельска. От всех заочников затребованы индивидуальные учебные планы.

Управление юстиции по Молотовской области сообщило в редакцию, что недостатки в деле руководства заочным юридическим образованием работников органов юстиции области, отмеченные в статье журнала, устранены. В период подготовки к летней экзаменационной сессии 1953 года от всех заочников истребованы индивидуальные планы подготовки к сессии. Успеваемость заочников улучшилась. Управление юстиции впредь будет требовать и помогать заочникам в составлении индивидуальных планов и усилит контроль над их выполнением.

Министерство юстиции Эстонской ССР сообщило в редакцию, что статья обсуждалась на заседании коллегии министерства юстиции. Коллегия признала, что недостатки в работе по заочной учебе указаны в статье правильно, вместе с этим коллегия наметила ряд мероприятий по ликвидации академической задолженности заочников. Перед ректором Тартуского государственного университета возбуждено ходатайство о дополнительной сессии. Намечено проведение совещания с заочниками, на котором будут обсуждены пути ликвидации академической задолженности. Кроме того, министерство юстиции Эстонской ССР обратилось с просьбой в заочное отделение Тартуского государственного университета о своевременной высылке заочникам программ, методических пособий, учебных пособий и т. д.

Министерство юстиции РСФСР сообщило в редакцию, что в статье «Важная задача» правильно указаны недостатки в постановке заочного юридического образования в управлениях юстиции краев и областей РСФСР. Министерством юстиции РСФСР была проведена проверка приказов министров юстиции СССР и РСФСР по заочному образованию в министерствах юстиции Башкирской, Марийской АССР и в управлении юстиции Новгородской области. Планом работы министерства юстиции РСФСР предусмотрены проверки состояния заочного юридического образования в министерствах юстиции Бурят-Монгольской АССР, в управлениях юстиции Горьковской, Калининской, Московской и Ярославской областей и г. Москвы. Проводится работа по обобщению докладов министров юстиции АССР и начальников управлений юстиции краев, областей о состоянии заочного юридического образования. Итоги обобщения будут обсуждаться на заседаниях коллегии.

В № 5 журнала была опубликована корреспонденция т. Барсукова «Не допускать нарушений закона в предварительном следствии».

Прокуратура РСФСР сообщала в редакцию, что по делу по обвинению Мартусевич, Сошкиной, Гладиллина и др. были произведены судебно-бухгалтерская экспертиза работниками аппарата бюро государствен-

ной бухгалтерской экспертизы при Министерстве финансов СССР и судебно-техническая экспертиза работниками Центрального научно-исследовательского института шерсти Министерства легкой и пищевой промышленности СССР. В результате дополнительного расследования дело по обвинению Сошкиной и Мартусевич по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. направлено для рассмотрения в суд. В отношении Гладилна дело прекращено на основании указа «Об амнистии», в отношении Кузина дело прекращено на основании п. «б» ст. 204 УПК РСФСР. Бывший старший следователь прокуратуры Московской области т. Иващенко, проводивший следствие по делу, уволен из органов прокуратуры.

В № 5 журнала была напечатана корреспонденция Туминского «Строго соблюдать социалистическую законность».

Управление юстиции по Полесской области сообщило в редакцию, что народный судья Наровлянского района т. Новиков за нарушение социалистической законности при рассмотрении дела Логвина и Федотова понес соответствующее взыскание.

В № 5 журнала была опубликована статья т. Барышева «Повысить качество заключений прокуроров в судах по гражданским делам».

Прокуратура Ставропольского края сообщила в редакцию, что статья т. Барышева принята к сведению. Меры по статье приняты. В дальнейшем качеству выступлений прокуроров по гражданским делам будет уделено должное внимание и соответствующие меры в этом направлении будут приниматься.

Прокуратура Самаркандской области сообщила в редакцию, что была произведена комплексная ревизия в прокуратуре Сиабского района г. Самарканда. Результат ревизии заслушан на оперативном совещании, и на прокурора района за неудовлетворительную работу по следствию, по надзору за судами по уголовным и гражданским делам наложено взыскание. В первом полугодии текущего года областной прокуратурой были истребованы из народных судов рассмотренные гражданские дела по первой инстанции с участием городских и районных прокуроров и по ним изучено качество заключений, даваемых прокурорами в суде. Обобщена работа городских и районных прокуроров Самаркандской области по гражданско-судебному надзору, и это обобщение разослано всем городским и районным прокурорам. В обобщении специально выделен раздел о качестве даваемых прокурорами заключений по гражданским делам. В этом разделе отмечалось, что городские и районные прокуроры и их помощники в отдельных случаях не знакомятся с делами и законодательными актами, на основе ко-

торых должны решаться эти дела; отмечалось слабое качество заключений, которые давались без ссылок на закон, и т. д. В обзоре указаны меры по улучшению качества даваемых заключений. Областной прокуратурой приняты меры для улучшения гражданско-судебного надзора и выполнения приказа Генерального Прокурора СССР за № 106.

Прокуратура Красноярского края сообщила в редакцию, что по результатам изучения гражданских дел городским и районным прокурорам разослано письмо с указанием на допущенные ошибки.

Прокуратура Черниговской области сообщила в редакцию, что прокуратурой приняты меры по исправлению ошибки, допущенной прокурором Носовского района т. Клеве и народным судом района по делу по иску колхоза имени Кирова к Гойдарову и Мокичку о взыскании ущерба. Решение народного суда было опротестовано в надзорном порядке и Верховным судом Украинской ССР отменено. При новом рассмотрении дела иск колхоза удовлетворен. Прокурору Носовского района т. Клеве указано на его беспринципность.

В № 5 журнала была опубликована корреспонденция т. Крючкова «Больше внимания представлениям начальников областных управлений МЮ по отдельным делам».

Верховный суд Украинской ССР сообщил в редакцию, что на оперативных совещаниях работников уголовной и гражданской коллегий Верховного суда Украинской ССР обсуждена корреспонденция т. Крючкова. На совещании указано отдельным работникам Верховного суда Украинской ССР на допущенные ими ошибки при рассмотрении представлений начальника управления юстиции по Запорожской области по отдельным делам, отмеченным в корреспонденции. Приняты меры к устранению недостатков в работе отдельных членов Верховного суда Украинской ССР.

В № 5 журнала была напечатана корреспонденция т. Ширшикова «О качественных показателях работы народных судов».

Министерство юстиции СССР сообщило в редакцию, что Министр юстиции СССР т. Горшенин в приказе № 4 от 26 января 1952 г. признал неправильной практику оценки работы народных судов только по статистическим показателям. Этим приказом предложено оценивать работу народных судов не только по статистическим показателям, но прежде всего на основе глубокого изучения конкретных дел, выяснения того, насколько строго народный суд соблюдает законы при рассмотрении дел, исполнении решений, разрешении жалоб, насколько он справляется с задачей обеспечения точного и неуклонного исполнения советских законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР.

Я. М. Браинин, Советское уголовное право. Часть особенная, выпуск II, Издательство Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко, 1952, 112 стр.

Рецензируемая работа представляет собой (как указано в предисловии) обработанную запись лекций по особенной части советского уголовного права, читанных Я. М. Браининым на юридическом факультете Киевского государственного университета, — о преступлениях против личной собственности граждан (первый выпуск содержал лекции доцента С. И. Тихенко «Посягательство на социалистическую собственность» и «Хозяйственные преступления против советской торговли»).

Издание подобных работ — положительное явление. Опубликование лекций способствует дальнейшему повышению идейно-политического и теоретического уровня читаемых лекций, поднимает чувство ответственности преподавателя за свою работу и вместе с тем знакомит с этой работой широкую научную общественность. С другой стороны, выпуск лекций по ведущим дисциплинам является ценным пособием для студентов, которые найдут в них более детальную, чем в учебниках, разработку тех или иных вопросов, обогащенную местным материалом.

Все это предъявляет к работам, подобным рецензируемой, весьма высокие требования.

Книга Я. М. Браинина содержит подробный и обстоятельный разбор различных видов преступлений против личной собственности граждан. Автор в основном правильно охарактеризовал природу этих преступлений. Указав на то, что личная собственность граждан СССР является результатом их трудовой деятельности, что право личной собственности закреплено и охраняется Конституцией СССР, — Я. М. Браинин показывает коренную противоположность личной собственности граждан СССР и капиталистической частной собственности, основанной на эксплуатации и порабощении большинства населения и закрепляющей эти отношения неравенства и угнетения.

Автор затрагивает вопрос о причинах еще сохранившейся в СССР преступности, в том числе и имущественных преступлений. Он правильно определяет политическое значение последовательной борьбы с посягательствами на личную собственность граждан, связывая это с повседневной заботой Коммунистической партии и Советского правительства о неуклонном росте материального благосостояния трудящихся.

В работе, помимо общесоюзного законодательства и законодательства РСФСР, широко использовано законодательство других союзных республик, особенно УССР. Положительным является также использование судебной практики Верховного суда СССР.

Книга написана хорошим литературным языком.

Однако наряду с положительными сторонами рецензируемая работа страдает весьма серьезными недостатками, значительно снижающими ее теоретический уровень и практическую ценность.

1. В начале книги автор стремится показать активную служебную роль советского уголовного права, в том числе и уголовно-правовых норм, охраняющих от преступных посягательств личную собственность граждан.

Однако изложено это крайне поверхностно и нечетко (см. стр. 8). Я. Браинин ограничился лишь декларативными утверждениями, а все последующее изложение действующего советского уголовного законодательства по борьбе с преступлениями против личной собственности граждан не только не раскрывает его активной служебной роли в деле укрепления социалистического базиса, но, по существу, дается в отрыве от социально-экономических условий.

В адрес автора рецензируемой книги с полным основанием может быть отнесено указание партийной печати: «Не исследуя по существу условия возникновения тех или иных юридических законов и норм, правоведы чаще всего ограничивались описанием, перечислением этих норм, не показывали, как развитие социалистической экономики определяло развитие Советского государства и права, изменение их задач, развёртывание их функций; не раскрывается и активная роль надстройки в строительстве социализма и коммунизма»¹.

Особенно наглядно это проявилось при изложении истории советского законодательства по борьбе с преступлениями против личной собственности граждан (гл. 3, стр. 16—23).

Ограничиваясь одним перечислением законодательных актов, Я. М. Браинин ничего не сказал о социально-экономических условиях, определявших их издание, не дал надлежащей оценки отдельным законам (см., например, наказ Камышевскому

¹ «За воинствующий материализм в общественной науке», «Коммунист» 1953 г. № 2, стр. 9.

народному гласному суду — стр. 18). Более того, все изложение истории законодательства дается в полном отрыве от марксистско-ленинского учения о задачах и функциях Советского государства. Вместо того чтобы строить историю советского уголовного права в соответствии с периодизацией, данной в Кратком курсе истории партии, Я. М. Брайнин вводит свою периодизацию (1-й этап — до издания УК 1922 г., 2-й этап — от издания УК 1922 г. до указа от 4 июня 1947 г., 3-й этап — от указа от 4 июня 1947 г.), которая очень напоминает порочную периодизацию, данную в книге «История советского уголовного права».

Говоря о действующем советском уголовном законодательстве, Я. М. Брайнин неоднократно ссылается на составы таких преступлений, как чековое мошенничество, ростовщичество и даже... злостное банкротство, подробно анализируя содержание соответствующих статей Уголовного кодекса (см. стр. 35—36, 78—79, 84—85).

С тщательностью, достойной иного применения, автор рассматривает, например, характеристику в уголовных кодексах различных республик состава квалифицированного ростовщичества, совершаемого «в виде яромисла или с использованием нужды или стесненного положения заемщика». Результатом этого «исследования» является вывод, что «Такая конструкция состава квалифицированного ростовщичества является наиболее простой и удобной» (стр. 85). Вряд ли стоило заниматься выяснением преимуществ и «удобств» статьи, которая фактически давно уже утратила свое практическое значение.

Подобное изложение, оторванное от нашей действительности, не раскрывающее социально-политического содержания советского закона, лишено какой-либо практической ценности и служит ярким образчиком юридического формализма.

Серьезные возражения вызывает определение автором объекта имущественных преступлений как «социалистических отношений собственности, охраняющих государственные, общественные и личные интересы» (см. стр. 8, 24, 38, 57, 70).

Предложенное Я. М. Брайниным определение создает глубоко ошибочное представление, будто отношения собственности, выражающие производственные отношения, этношения базисного порядка, — суть продукт сознательной деятельности людей, классов, устанавливающих и направляющих эти отношения в защиту своих интересов, в угоду им.

С формально-юридических позиций освещен вопрос и о субъекте преступлений против личной собственности граждан, «веденный исключительно к возрасту преступника» (стр. 32—34). Отсутствует какая-либо социально-политическая характеристика субъектов — воров, уклоняющихся от общественно-полезной трудовой деятельности, посягающих на трудовое имущество граждан —

тружеников социалистического общества, строителей коммунизма.

2. Серьезные ошибки объективистского порядка допущены Я. М. Брайниным при изложении взглядов буржуазных ученых — апологетов империализма. Вместо разоблачения реакционного террористического характера буржуазных уголовных законов, направленных на всемерную охрану интересов эксплуататорского меньшинства, против рабочих и всех трудящихся, вместо показа классово-политической сущности различных «теорий» буржуазных юристов, стремящихся оправдать эти законы и облегчить их применение в интересах буржуазии, — Я. М. Брайнин ограничивается простым пересказом тех или иных положений буржуазного закона, взглядов различных буржуазных авторов (стр. 10—16, 27, 29, 43, 74—76, 90, 93).

Именно так написан весь раздел «Охрана капиталистической собственности в уголовном законодательстве капиталистических государств», где подробно излагаются французское, швейцарское, английское, американское уголовное законодательство, с точным указанием номеров статей, санкций и тому подобных ненужных подробностей, — но нет ни слова критики, нет разоблачения реакционного характера буржуазного права.

С беспристрастностью стороннего наблюдателя Я. М. Брайнин замечает, что по английскому праву «кража скота, карманная кража, кража на судах и в доках, кража, произведенная слугами у нанимателей, наказывалась четырнадцатью годами каторжных работ» (стр. 14). Странно, что даже в этом случае автор не почувствовал необходимости на таком примере разоблачить классовую направленность буржуазного уголовного законодательства.

Подробно разбираясь в казуистических нормах буржуазного уголовного права, устанавливающих ответственность за различные виды мошенничества, вымогательства, присвоения и тому подобных преступлений, Я. М. Брайнин ни слова не говорит о фактической безнаказанности беспощадного ограбления и бесстыдного обмена трудящихся в странах капитала. Характеризуя преступность в США, автор ссылается на «бандитские тресты», «посягающие на капиталистическую собственность» (стр. 10), на уголовные законы, сурово карающие изготовление и сбыт воровских инструментов и т. п., ничего не говоря при этом о тесной связи гангстеров и бандитов с полицейским и правительственным аппаратом, о бизнесе бандитизма, о широкой пропаганде культа преступности в современной Америке.

Для характеристики подлинно профессионального характера преступности в США автору следовало бы сослаться не на ст. 408 Нью-Йоркского кодекса, объявляющую уголовно-наказуемым изготовление и сбыт воровских инструментов, а на общеизвестные факты пропаганды в современной Америке культа преступности.

в частности широкого рекламирования новейших образцов воровских инструментов даже в качестве... детских игрушек.

При рассмотрении отдельных вопросов ответственности за преступления против личной собственности по советскому уголовному праву Я. М. Браинин весьма часто и без всякой надобности приводит различные «точки зрения» буржуазных авторов, не только не давая им какой-либо критической оценки, но и перемешивая их со взглядами советских юристов (стр. 27, 28—29 и др.).

Увлечение автора буржуазными авторитетами дошло до того, что он даже постановление Пленума Верховного суда СССР комментирует не иначе, как ссылкой на И. Я. Фойницкого! (стр. 90).

3. В рецензируемой книге много надуманных, схоластических положений, не имеющих ничего общего с действительным содержанием и смыслом закона, с нашей судебной практикой. Так, при всей важности разграничения смежных составов, вряд ли удачна попытка Я. М. Браинина ограничить посягательства на личную собственность от незаконной порубки леса, незаконной охоты, рыбного и иного промысла и даже... похищения ребенка. Эти преступления никак нельзя спутать уже по одному тому, что у нас нет личной собственности на леса, воды и землю.

Столь же неудачна и попытка разграничить составы разбоя и корыстного убийства. Автор видит это различие в том, что «корыстное убийство мыслится как лишение жизни с целью завладения имуществом потерпевшего, совершаемое, однако, при обстоятельствах, когда эти действия не носят характера нападения, например, убийство путем отравления» (стр. 65).

Указывая на внешние, случайные и нехарактерные признаки — способ причинения смерти, Я. М. Браинин упускает главное — различие объектов посягательства. Именно поэтому при разбое, связанном с лишением жизни, кроме убийства, налицо иной преступный акт — посягательство на собственность. При умышленном же убийстве с корыстной целью (которое, кстати, может быть выполнено также путем нападения) преступник совершает лишь лишение жизни, а корыстная выгода наступает независимо от его дальнейшей деятельности. Таким образом, если при разбойном нападении цель преступления — изъятие чужого имущества, а причинение смерти служит способом достижения этой цели, то при корыстном убийстве цель — лишение жизни человека, а завладение имуществом или получение имущественной выгоды — мотив преступления.

Схоластически решается также вопрос о стадиях развития преступной деятельности при краже (стр. 43). Автор, например, считает, что попытка взломать дверь есть покушение, а совершение подкупа — лишь приготовление.

Определяя момент окончания кражи, ав-

тор приходит к ошибочному, не соответствующему нашей судебной практике выводу, что «нельзя считать кражу оконченной и в том случае, когда похищенный чужое имущество находится в положении преследуемого» (стр. 44).

Говоря о наказуемости посягательства на собственное имущество, находящееся в чужом владении или пользовании, Я. М. Браинин утверждает, что лишь открытое изъятие собственником своей вещи образует самоуправство (стр. 30). Это противоречит приведенному самим автором определению Верховного суда СССР по делу Екушевой и неправильно ориентирует читателя (см. также дело Худабердиевой — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 11).

Много надуманного, искажающего содержание закона и судебную практику, имеется в разделе, посвященном мошенничеству. Я. М. Браинин, например, утверждает, что нет состава мошенничества, если нарушаемые таким путем имущественные интересы потерпевшего имеют преступный характер или служат средством достижения преступной цели (стр. 71).

Следуя указаниям Я. М. Браинина, придется освобождать от уголовной ответственности лиц, которые будут обманным, мошенническим путем получать деньги под предлогом изготовления подложного документа или продажи облигаций государственных займов. Почему же преступные намерения одного лица должны исключить ответственность другого лица за фактически выполненное им преступление?

Схоластично и путано изложено понятие обмана при мошенничестве.

Следуя указаниям буржуазных юристов, Я. М. Браинин утверждает, что «понятием мошеннического обмана не охватываются случаи ложного утверждения о фактах, относимых к будущему времени. Поэтому не составляет мошенничества... получение денег под предлогом купить какую-нибудь вещь, хотя бы... лицо, получившее таким путем деньги, сознавало неосуществимость своего обещания» (стр. 74). Столь же надуман и не обоснован тезис, что «для состава мошенничества требуется утверждение о фактах. Поэтому одно лишь высказывание ложного предположения о каких-либо фактах или предметах не составляет мошенничества, как не составляет мошенничества одно лишь суждение о фактах, хотя бы и заведомо ложное» (там же). Все это ничем не подтверждено, не аргументировано и противоречит не только нашей судебной практике по делам о мошенничестве, но и правильному утверждению самого Я. М. Браинина, что «...всякий обман, коль скоро он явился способом преступного завладения чужим имуществом, должен признаваться преступным. Легковерие или неосмотрительность потерпевшего от мошеннических действий не могут служить основанием для освобождения от уголовной ответственности того, кто воспользовался по-

добным легковерием или неосмотрительностью потерпевшего. Именно таким образом решает этот вопрос наша судебная практика» (стр. 73).

4. В работе много путаных, а подчас и фактически неправильных положений.

Так, на стр. 31 автор утверждает, что «К числу важнейших признаков объективной стороны состава преступления против личной собственности граждан относится время совершения преступления», хотя известно, что это вообще не является признаком состава какого-либо из преступлений против личной собственности, и спутано Я. М. Брайниним с понятием о стадиях развития преступной деятельности.

Путано изложен автором вопрос о корысти при краже личной собственности. На стр. 48 указывается, что кража может быть совершена как по мотивам корысти, так и из других побуждений, а на стр. 60 утверждается, что для состава кражи корыстный мотив всегда необходим.

Серьезные возражения вызывает предложенная Я. М. Брайниним классификация преступлений против личной собственности граждан (стр. 35—36).

Разбив все виды преступного приобретения личной собственности на похищение и обманное получение чужого имущества, Я. М. Брайнин вообще упустил состав присвоения и растраты вверенного имущества, присвоения находки, вымогательства, покупки заведомо краденого и др.

Кроме того, представляется надуманным и искусственным противопоставление понятий хищения и похищения. Проводимое Я. М. Брайниним искусственное разграничение этих понятий лишь осложняет изучение и практическое применение нашего уголовного законодательства и может привести к излишней путанице и ошибкам.

Одну из таких ошибок допустил и сам Я. М. Брайнин, указавший, что «Уголовная ответственность за любое хищение, в том числе и за кражу, действующим уголовным законодательством установлена, начиная с 12-летнего возраста» (стр. 49).

5. Многие положения рецензируемой работы не продуманы, не четки и подчас глубоко ошибочны, неправильно ориентируют читателя.

Так, следуя Фойницкому, Я. М. Брайнин определяет присвоение находки как «присвоение чужого имущества, вышедшего вследствие смерти или иной причины из фактического владения собственника» (стр. 93), хотя не вызывает никакого сомнения, что незаконное завладение имуществом умершего (например, утопленника) должно квалифицироваться не как присвоение находки, а как кража.

Указывая, что злоупотребление доверием при мошенничестве чаще всего может выражаться в «использовании чужей-либо неопытности или неразвитости», Я. М. Брай-

нин, ссылаясь на случаи преступного завладения носильными вещами у детей (см. стр. 77), хотя общеизвестно, что разделение детей, как особо опасное и тяжкое преступление, квалифицируется в судебной практике не как мошенничество, а — в зависимости от конкретных обстоятельств — как кража или разбой, а в период Великой Отечественной войны расценивалось даже как бандитизм.

Говоря о ст. 170 УК РСФСР, Я. М. Брайнин утверждает, что ею предусмотрено посягательство не только на личные, но и на государственные имущественные интересы, в частности, приводит пример подделки доверенности на получение заработной платы (стр. 81), хотя, очевидно, что подобные случаи должны рассматриваться как преступления против социалистической собственности по указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г.

Аналогичные ошибки, неправильно ориентирующие читателей в ответственности за хищение социалистической собственности, допущены Я. М. Брайниним при рассмотрении ст. 248 «б» Уголовного кодекса Белорусской ССР (стр. 88), квалификации случаев присвоения клада (стр. 94), кражи документов, дающих право на получение имущества у государственных учреждений (например, книжка сберегательной кассы — стр. 27), и др.

6. Наконец, в рецензируемой работе имеется ряд существенных упущений. Отдельные вопросы ответственности за преступления против личной собственности либо совсем не затронуты, либо решаются бегло и необоснованно.

Так, ничего не сказано о краже у правомерного владельца (стр. 38—40), о квалификации кражи, совершенной после разбоя (см. стр. 52—54), хотя оба эти вопроса представляют не только теоретический, но и значительный практический интерес.

На стр. 63 автор указывает, что «для признания повторности разбоя требуется чтобы и в первый раз был совершен именно разбой», и утверждает, что нельзя говорить о повторности разбоя, если ему предшествовало иное, кроме разбоя, имущественное преступление, в том числе и квалифицированное хищение социалистической собственности. Однако это положение ничем не аргументировано, — и правильность его вызывает серьезные сомнения.

Таким образом, отмеченные ошибки, недостатки и упущения приводят к выводу, что рецензируемая работа вовсе не отвечает высоким требованиям, предъявляемым к советской правовой науке, и требует самой серьезной переработки.

А. Сахаров,
кандидат юридических наук

А. Михлин

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Передовая — Всенародная задача	1
— Непреклонная воля советского народа к миру	7
В. Златкович — Повысить качество судебного следствия	10
М. Яковлев — За высокую культуру судебного следствия	16
А. Радонцев — Строго соблюдать нормы советского уголовного процесса	20
А. Ципкин — О подготовке и организации судебного процесса	26
И. Скопин — Судебно-медицинская экспертиза утраты трудоспособности при несчастных случаях на производстве	28
Н. Владимирский — Определение степени тяжести телесных повреждений	32
А. Каплан — Подъем жилой площади и практика Верховного суда СССР	35
А. Куларов — О судейской беспристрастности	43
С. Бабак — „ „ „ „	46
Н. Сгройков — „ „ „ „	47
М. Браинин — „ „ „ „	49

В ПОМОЩЬ НАРОДНОМУ СУДЬЕ

А. Д. — План судебного следствия по уголовному делу	52
Р. Рахунов — Допрос подсудимого и свидетеля в судебном заседании	57

Трибуна Читателя

А. Евлахов — Трактовка понятия вменяемости	63
К. Николаев — Разрешение судами споров, вытекающих из поставки недоброкачественной продукции	64
К. Турков — Улучшить качество рассмотрения дел в Верховном суде РСФСР	66
И. Чупаленков — О протоколах подготовительного заседания	67
И. Белорус — О протоколах судебных заседаний	68
И. Матарас — „ „ „ „	69
В. Варавко — „ „ „ „	70
Тальшева — „ „ „ „	72
И. Трембачев, Д. Прибылов — Улучшить работу по борьбе с хищениями в торговых организациях	72
И. Шишуев — История одного дела	75

Обмен опытом

А. Бороданков — Политическая и юридическая учеба следственно-прокурорских работников прокуратуры Ленинграда	77
Н. Копылова — Моя работа в суде	77
Багаутдинова — Из практики работы народного суда	79
Ф. Бобровский — Как я работаю	80
Г. Барыш — Опыт работы Конотопской государственной нотариальной конторы	81
Н. Быков — Как мы проводим подготовительное заседание суда	84

В МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ РСФСР

А. С. — Межобластное совещание по нотариату	85
---	----

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ 89

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Сахаров, А. Михлин — Я. Браинин, Советское уголовное право	92
---	----

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С. А. Бордонов,
С. В. Бачуев, А. Ф. Волчков, С. И. Зайцев,
Д. С. Карев, С. П. Митричев, В. С. Тадевосян

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Пушкинская, 15а. Тел. К 6-33 06
Издатель: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Товарищеский пер., 19. Тел. Ж 2-46-67

Технический редактор Е. Н. Косарева

А 05337. Сдано в производство 16/IX 1953 г. Подписано к печати 24/X 1953 г. Бумага 70×108/16,
3 бумажных листа, 8,22 печатных лист. Уч.-изд. лист. 9,73. Тираж 35 900 экз. Зак. 449. Цена 3 руб.

13-я журнальная типография Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Гарднеровский пер., 1а.